

**ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»**

**ОКТАБРЬ  
2006**

**ТИШРЕЙ 5767**

**№ 10 (174)**

## Б-Г РЯДОМ С ТЕМИ, КТО ЛЮБИТ

### נְהִי אִי אֶלֶּא אִי אִי דְאֵאֵי אֵי דִּי נְהֵי אֵלֶּא אֵלֶּא עֲבָדֵי

*Данне ақидапò, іаі іаі :аєіаає і деаіаідеєє є мі адоє çà ааєєіаа. Аіааєє іа çааòіò, іаі оади і деаає і ііі іòдòу іа еаçіу- є аадиаєç оієіу аієіп «І і іа аєііааò, çòі ү ааєє!» Іііааі і іе ааєаає, еòі еде:еò, є, оіòу і іааєаа еаòааіде:аіеє іòдеòає аєіó çауаєє оааp: «І і пёоçаеòа аа, ү аєііааò, еаçі еòа і аіу». Оади ааєаєєіп є іòеаçає іа аіуеєє пёо:ає іòіаіпòе і іаіа даііеааіааі еа А даçіеуòаòа аіуіп еєіііп :òі іаа іаууаеаеòа іауу аєііаіуі є іе іòе :аі, а ааєєіаа іаааòеє іааіаі адиае :аєіаає. Оіааа оади аіçаає оіаі, еòі еде:ає еç оієіу, є ііòііеє, çа:аі іі аçує іа іауу аєіó çа оі, :аа іа аааає. «Іііааі і іе адиа - ааадеò оіò, - ү çаp, :òі іі іеаає іа і іа ааєòу :аєіаає, оае іааòу еò:оа і аіу еаçіуò, :аі аа, іааєііаа». Оади аіçаааò іііааі іа е іі даеєаааò: «Оу аі еііоа іòдеòає іаіp аєіó çа:аі аа іòеçіаєіп, еіааа адиае :аєіаає аçує ааєєіаа іа іауу?» «Уòі і іе адиа - іòаа:ааò :аєіаає, - ү іа і іа аііааòеòу :òіау іі ііпòдааає аі ааòі і аіу». «Оі:ò іааааеòу ааіçа оаеçp аçаєі іçp еpаіаі - пёаçає оіааа оади - іі оі аіу іаі а іòііаа: ү оі:òіòаòуòòаòуеі аааоає адиаа...»*

Те слова, которые царь из притчи сказал двум верным друзьям, Б-г говорит каждому человеку, выполняющему заповедь любви к ближнему. Когда Он видит, что мы делаем доброе дело для другого человека, – Он всегда стоит рядом с нами.

«Возлюби ближнего как самого себя» – главная заповедь Торы. Это все знают и вроде бы все с этим согласны. Но чуть только дело доходит до конкретного человека, тут же начинаются оговорки. Один говорит: не могу его любить, у нас разные мировоззрения. Другой: не могу его любить, у него масса отрицательных качеств. Третий: ну как я могу его любить, он же дурак!.. Причину, чтобы не любить другого человека, всегда легко найти: он сефард, а я ашкеназ, он голусный еврей, а я сабра, он из марокканской общины, а я из русской... И главное: как вообще можно любить другого «как самого себя»? Недаром народная мудрость гласит: «Человек ближе всего к самому себе!» Себя я лучше знаю, поэтому и люблю больше, это естественно и неизбежно.

В книге притч Соломоновых сказано: «Любые преступления покроев любовь». Это значит: когда я думаю о своих недостатках – всё в порядке, потому что я по определению себя люблю. Могу свое поведение критиковать, могу себя поругать – но всё это с любовью. А вот если другой человек указывает мне на мои недостатки – и уж тем более когда он говорит о моих недостатках кому-то третьему – это меня раздражает, это вызывает у меня отторжение, потому что я не знаю, любит ли меня этот человек. Мы многое можем понять и принять – но с одним условием: если нам говорят с любовью.

Вспомним слова рабби Гилела: «То, что ты не любишь по отношению к себе, не делай другим. В этом вся Тора». Похожие афоризмы были и у других народов античного мира: «Не делай другому того, что не хочешь, чтобы сделали тебе». Но мудрость рабби Гилела придала его высказыванию дополнительный смысл. Почему он заменил «не хочешь» на «не любишь»? Наши мудрецы поясняют, что таким образом он указал на связь между исполнением важнейшей заповеди любви к ближнему и практическими результатами человеческого общения. Если ты действительно хочешь исправить недостатки ближнего – не говори ему о них без любви; если ты считаешь необходимым критиковать действия ближнего – пусть эта критика будет доброжелательной, такой, какую ты готов принять по отношению к собственным действиям. В противном случае ты вызовешь у него только лишь отторжение и получишь результат, обратный желаемому.

И в этом действительно «вся Тора»: несмотря на то что Тора содержит множество заповедей, в том числе таких, которые на первый взгляд вообще не касаются отношения человека к человеку. Но ведь смысл исполнения заповедей – всех заповедей без исключения – в том, чтобы мы учились делать не то, что хочется, а то, что нужно. Б-г для того даровал нам Тору, чтобы, исполняя Его заповеди, мы становились лучше. У каждого из нас есть недостатки, и далеко не всегда мы способны их заметить, а если даже заметим – то часто именно в силу естественной любви к самим себе скорее простим их, чем исправим. Поэтому, чтобы стать лучше, человек нуждается в помощи других людей. А чтобы помощь эта была эффективна, чтобы наши ближние не обиделись, а исправились, – к их недостаткам мы должны относиться с таким же пониманием, с каким мы смотрим на свои собственные.

Примером подобного отношения к ближнему в хасидской традиции служит ребе Зуся из Анаполя, герой десятков притч и легенд. Рассказывают, что как-то заработал ребе Зуся десять рублей и думал, куда бы их спрятать так, чтоб не украли. В конце концов решил положить купюры в книгу Торы, причем как раз между теми страницами, где напечатаны Десять заповедей – в том числе заповедь «не укради». Ночью вор пробрался в дом ребе Зуси, поискал деньги и нашел. Пять рублей взял себе, а вторую пятерку переложил в другое место в той же книге – туда, где написано «возлюби ближнего как самого себя». Утром ребе Зуся обнаружил кражу и обратился к Б-гу с такой вот молитвой: «Г-споди, прости меня за то, что, когда я получил эти деньги, я подумал, что они предназначены только для меня. Добрый человек, который мог взять всё, забрал только половину – а заодно напомнил мне о заповеди любви к ближнему».

*Áëàáí úé ðàààèí Ðíííè Ááðè Éàçàð*



## ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

**Ñ ÑÀÑÈÄÑÊÎÉ ÒÎ × ÈÈ СРАÍ ÈВ**

**Антология праздников**

*ÑÏÏ ÑÑÈ ÒÑÈÏ ÌÈÒÑ Ì ÑÑÑÑ*

**ÝÈÓË**

**ÒÄÄ È ÄÄÈÍ ÑÒÄÓ**

Рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон, шестой Любавичский Ребе, напоминал: в «Ликутей Тора» сказано, что в Шабос, предшествующий Рош а-Шона, следует читать раздел «Ницовим» – либо вместе с разделом «Ваейлех», либо сам по себе.

Каждая Суббота вбирает в себя все дни следующей за ней недели (Зогар, II, 63б; 88а). И если перед Рош а-Шона мы читаем: «Вы стоите сегодня пред Б-гом, Всесильным вашим» (Дворим, 29:9), – то слово «сегодня», в понимании хасидов, соотнесено с Рош а-Шона, днем, когда Б-г вершит суд, назначая нам годовую участь. Когда приходит этот день, необходимо, чтобы все мы стояли пред Б-гом. Все души должны соединиться пред «Б-гом, Всесильным нашим». Тора особенно подчеркивает важность того, чтобы пред Всесильным предстали души всех евреев: «главы колен ваших, старейшины ваши и надсмотрщики ваши, каждый человек в Израиле. Дети ваши, жены ваши и пришлец твой, который в среде стана твоего, от дровосека твоего до черпающего воду для тебя» (Дворим, 29:9,10).

В связи с последним стихом Раши пишет, что под «черпающими воду для тебя» подразумеваются ханааниты, которые пришли к Израилю, подобно тому, как во времена Иеошуа к евреям пришли гибеониты. Они скрыли свою принадлежность к хананеянам и были приняты в среде Израиля, ибо главы общины дали им клятву ранее, нежели узнали правду о том, кто эти пришельцы. У Раши сказано: «в дни Моше пришли из кенааним стать прозелитами подобно тому, как пришли гивоним в дни Иеошуа, и таково <значение> сказанного о гивоним: “И поступили они тоже хитро” [Иеошуа, 9:4]. Моше сделал их дровосеками и водоносами». Но на Рош а-Шона даже «черпающие воду для тебя» предстанут Б-гу вместе с Израилем, весь народ объединяется в единое целое.

Представление о народе, ставшем одним великим телом, единой личностью, предполагает гораздо большее, чем просто терпимость к ближним. «Главы колен», вожди не только приемлют тех, кто стоит ниже их по статусу, эта связь предполагает единение с ними – единение такого рода, где каждый зависит от каждого. Тут уместна параллель с человеческим телом, где голова и ноги зависят друг от друга.

Речь идет о духовном усилии, которого требует Рош а-Шона. Чтение Торы в Шабос накануне праздника напоминает нам именно об этом: «Вы стоите сегодня пред Б-гом <...> главы колен ваших <...> каждый человек в Израиле <...> от дровосека твоего до черпающего воду для тебя». Когда мы читаем об этом в Торе, в нас пробуждается духовная сила, благодаря которой мы действительно можем достичь такого единства.

Можно провести параллель с хасидским объяснением того, почему в литургию святых дней включены стихи Маалойс – величание Б-га, Зихоройс – напоминание о значении события и Шофройс – стихи Писания, где сказано о звуках шофара. Читая эти отрывки, мы возглашаем, что Б-г правит, Б-г помнит, и звук шофара помогает нам привлечь Его взор, Он склоняет к нам слух Свой. Чтение нами этих стихов воистину вводит высокие идеалы в сферу земного бытия.

## נֹוֹיִן נֹוִי אֵלֵי אֲבֹתֵינוּ

После слов «вы стоите сегодня пред Б-гом <...> от дровосека твоего до черпающего воду для тебя», говорится о том, зачем стоите: «чтобы вступить тебе в союз со Всесильным твоим». Текст указывает на то, что общность стоящих является необходимым условием для «вступления в союз». Узы, связующие Б-га и народ Израиля, обновляемые в день Рош а-Шона, произрастают из общности всего народа Израиля.

Если иметь в виду человеческие отношения, то людей нередко связывают узы любви, в основе которых восхищение какой-то уникальной чертой, убежденность в доброте или щедрости партнера. И если человек, для которого отношение к ближнему определяется неким превосходным качеством, которым тот обладает, вдруг обнаруживает, что это качество партнера не совсем таково, как ожидалось, то он может разочароваться, а любовь его – сойти на нет.

Поэтому, когда любовь двух людей друг к другу поглощает их, они заключают союз, брис, что позволяет их любви длиться вечно. Узы бриса выше нашего понимания: человек отстраняется от своей самости, выходит за пределы рациональности и заключает союз, связывая себя с другим человеком. Эти узы делают двоих единым и они столь сильны, что позволяют любви длиться вечно.

Так же можно описать любовь между Б-гом и Израилем. На Рош а-Шона любовь Израиля к Б-гу достигает полноты: наши духовные усилия в течение месяца элул, предшествующего празднику, приводят к тому, что мы оставляем все наши грехи, препятствующие любви. И тогда Б-г и Израиль вновь заключают союз. Евреи соединяются с Б-гом узами, которые превыше понимания. Ничто в мире не может ослабить этих уз.

Но для того, чтобы Б-г возжелал соединиться узами с душами народа Израиля, необходимы слитные усилия всех евреев. Такое слияние требует от каждого из нас смирения, мы должны поступиться своим «я», преодолеть доводы рассудка. Ибо тогда, когда наши действия основаны на разуме, мы разделяем людей на тех, кто принадлежит к «старейшинам», и тех, кто «черпает воду». Если мы смотрим на них сквозь ограничивающую наше поле зрения призму социального статуса, «старейшина» и «черпающий воду» никак не могут быть равны.

Трансцендентное единство Б-га и Израиля – единство, находящееся за пределами ограничений этого мира, – может быть достигнуто лишь тогда, когда мы помним заповедь: «Возлюби Всесильного твоего <...> всем существом твоим» (Дворим, 6:5), которую повторяем каждый день, читая Шма. Подчиняя свое «всё» воле Б-га, мы тем самым открываем возможность откровения для Его Абсолютного Всего.

Необходимо истинное слияние народа Израиля. Каждый должен проникнуться сознанием, что он подобен ближнему своему, что все равны пред Б-гом. Это сознается лишь тогда, когда отброшена всякая мысль, что в чем-то ты являешься «главой» и есть кто-то ниже тебя. Человеку свойственно превозносить собственную значимость и недооценивать качества и достоинства другого. Даже оценивая себя в качестве «главы» и воспринимая другого как «ноги» – пусть это отчасти соответствует положению дел, – следует помнить, что «ноги» в этом случае обладают своеобразным превосходством: «голова» цела постольку, поскольку «ноги» удерживают ее от падения.

Помня об этом, мы поймем, почему именно гибеонитам выпала роль дровосеков, рубящих деревья для Скинии и Храма. Вспомним, что не весь народ Израиля физически предстоял Б-гу в Храме и не все евреи жили в Иерусалиме. Была особая группа израильтян, известная как аншей маамад, присутствовавшая во время ежедневных храмовых жертвоприношений и предстоящая в Храме за весь народ

Израиля. Гибеонитам же было доверено служить Храму, ибо истинное совершенство обретается именно в «ногах», там, где во всей полноте проявляется смирение.

В этом значение клятвы, данной гибеонитам, когда они вошли в среду народа Израиля: эта клятва вне разума и понимания, она затрагивает самую суть души, и суть эта явлена как раз на уровне «ног».

На Рош а-Шона, прежде чем трубить в шофар, мы взываем к Б-гу, моля Его «избрать нам наследие наше, гордость Яакова, которое любил Он» (Теилим, 47:5). Эти слова подразумевают: Он «изберет нас», Израиль, на котором Свой выбор Он остановил от века. Выбор Б-га идет от самой Его сущности, которая превыше всяких ограничений, а потому это выбор воистину свободный и не зависящий от какого бы то ни было внешнего влияния. Постигнув это, мы поймем: невозможно сравнить Б-га с любым созданием. Говоря языком мистиков, высший из уровней сотворенного мира, мир Ацилус, невозможно сравнивать с низшим из уровней творения – подлунным миром Асия, но разница между ними ничтожна по сравнению с тем, сколь отличен Всемогущий от мира Ацилус. Любая диспропорция между самым великим и самым ничтожным, которую способен помыслить человек, не может служить иллюстрацией к тому, сколь выше Б-г всего, что есть творение. Но как же тогда возможно молить Его, обращаясь к Его Сущности, – чтобы Он «избрал нас»? Любой, кто размыслит над этим и искренне оценит, что есть он пред лицом Создателя, не станет после этого соизмерять свою ценность и ценность ближнего, задаваясь вопросом, он или другой достойнее.

### **А́И' ДИ' Ñ ДАААЕ' АЕЕАЕА**

Известный своей праведностью хасид, рабби Гилел Паричер страстно желал встретиться с рабби Шнеуром-Залманом, Алтер Ребе. Но каждый раз, когда он приезжал в город, где должен был появиться рабби Шнеур-Залман, выяснялось, что тот уже уехал. Тогда он решил предупредить Ребе и, узнав, в какой город тот собирается, – при этом боясь опять остаться ни с чем и переживая, что его могут не пустить к Ребе, – рабби Гилел узнал, где тот остановится, пробрался в комнату и спрятался под кровать.

Рабби Гилел хотел задать Ребе вопрос, касающийся одного места в трактате «Арохин», где речь идет о том, что обеты о пожертвованиях определяются оценкой данного человека. Когда р. Шнеур-Залман вошел в комнату – но до того момента, как рабби Гилел успел появиться из своего убежища, – он напевно произнес: «Если юноша вопрошает о трактате, посвященном оценкам, “Арохин”, он должен прежде оценить самого себя». Услышав эти слова, рабби Гилел потерял сознание. Когда же его нашли и привели в чувство, Ребе уже уехал.

Более рабби Гилелу не представилась возможность увидеть Ребе. Он ездил к приемникам Ребе, рабби Довберу и рабби Менахему-Мендлу, по прозвищу Цемах Цедек, но лишь раз довелось ему оказаться в присутствии самого Алтер Ребе – и тогда он не смог увидеть его.

### **ДААЕЕ' Ñ Ñ Ñ Ñ × Í À Ñ Ñ Ñ Ñ Í Í Ò Á Í Ê Á**

Эту историю объяснить можно так. В основе арохин – обетов, связанных с жертвованиями, – лежит не привычная нам логика, а нечто иное. В случае арохин оценка человека определяется не его качествами и способностями, а возрастом. Все люди одного возраста имеют равные достоинства.

На первый взгляд, ревнующий о Б-ге может сказать: «Все мои дни я посвятил Торе и молитве, что любезно Б-гу. Ангельским сонмам также любезны мои усилия на этом поприще. И, по человеческим меркам, мои труды важны». В то же время другой человек растратил годы жизни впустую и к нему можно применить слова: «Лучше бы не были они созданы» (Эрувин, 13б). Но как же тогда можно равнять заслуги и достоинства двоих людей на том лишь основании, что они одного возраста?! Ответ здесь таков: «когда человек вопрошает о трактате “Арохин”, он должен прежде оценить самого себя».

Осознание того, сколь незначительны заслуги и достоинства любого пред бесконечностью величия и могущества Б-га, и знание о том, что непреодолимая пропасть разделяет Творца и человека, пробуждают в человеке смирение. Взгляд в свое прошлое и здравая самооценка пресекут всякую гордыню и суетность в отношении собрата. А это, в свою очередь, объединит весь Израиль в сущностное единство – и тогда наш народ будет достоин Б-жественного внимания и милосердия.

## **דִּוְא־וִיָּא**

### **יִי־אִי־וִי־יֵעֵוֹאֵאֵ־וֵאִי־וֵנֹוִי־עֹ־יִנְיָאִי־בֵיִי**

В Талмуде говорится: «Рав Хамнуна учил: Много особых, исполненных глубочайшего смысла законов можно вывести из стиха, описывающего, как Хана молила о рождении сына (I Шмуэл, 1:13): “говорила в сердце своем” – из этого мы заключаем, что молящийся должен сосредоточить сердце свое на каване – Б-жественной интенции; “только губы ее шевелились” – сие учит нас, что тот, кто молится, должен беззвучно произносить слова молитвы; “голоса же ее не было слышно” – отсюда мы заключаем, что не следует произносить моление вслух» (Брохойс, 31а).

Уроки Торы точны и недвусмысленны. В Пятикнижии неоднократно сказано о сути молитвы и о том, как следует молиться, – в разделах, описывающих молитвы Авраама, Ицхака, Якова и Моше. Почему же Талмуд утверждает, что «глубочайшего смысла» законы выводятся из описания молитвы Ханы в Первой книге Шмуэла, – то есть получается, что словам Пророков отдано предпочтение перед словами Торы? Ведь даже сама ситуация, в которой возносила молитву Хана, имеет параллель в Торе – достаточно вспомнить сосредоточенную молитву Ицхака, о которой сказано: «и молился Ицхак Б-гу о жене своей, так как она была бездетна, и Б-г ответил ему, и зачала Ривка, жена его» (Брейшис, 25:21).

Талмуд говорит нам, что к патриархам восходят три традиционные ежедневные молитвы: от Авраама мы получили «шахрис» – утреннюю молитву, от Ицхака – «минху» – дневную молитву, а от Якова – «арвис», вечернюю молитву. И, несмотря на это, молитва Ханы названа тем образцом, на основании которого выводятся «особые, исполненные глубочайшего смысла законы». В чем же особый статус этой молитвы?

Существуют два рода молитвы: одна, которую мы «читаем и возносим каждый день» (Рамбам, Законы молитвы, 1:2), упоминая в ней ежедневные нужды, и другая, произносимая «в особое время», во имя особой нужды – в случае опасности или бедствия.

Некоторые из мудрых полагают, что заповедь о молитве выводится из Торы, тогда как другие считают эту заповедь раввинистическим установлением, но и те и другие согласны в одном: молиться в час бедствия нам заповедано Торой. Потому как сказано в Законе: «следует молиться <...> когда угрожает опасность», когда человек оказался в крайней нужде.

### **יִדְעִי־אֵאֵ־אֵאִי־נֵי־אֵאִי־עֵב**

На иврите молитва зовется тфила, а благословение – броха, и уже одно это указывает на то обстоятельство, что суть молитвы и благословения различна. Корень слова «броха» связан с «брейха» («проточный водоем» или «бегущий ручей»). В природе воды – течь сверху вниз, с возвышенности в низину. Слово «броха» связано также со словом «а-маврих» – так называют того, кто прививает виноградную лозу, чтобы получить урожай. То есть броха указывает на нечто, нисходящее к нам, укорененное в духе и приносящее с собой благо (см. Ликутей Тора, Дворим, 19а).

Благословение действенно лишь в том случае, когда желанное уже «задано» свыше, но еще не излилось на благословляемого. Дар благословения состоит в том, что благо от своего духовного источника изливается в физический мир. Так, в Торе сказано о благословении Якова сыновьям: «каждого по его дарованию благословил он» (Брейшис, 25:20). Яков «выявляет» и низводит в мир дольний особое благословение для каждого, которое подобает именно ему.

Это в еще большей степени проявляется, когда Яков благословляет своих внуков, Эфраима и Менаше: «И простер Израиль правую руку свою, и положил на голову Эфраима, хотя он – младший, а левую – на голову Менаше; умышленно он положил так руки свои, хотя Менаше был первенцем» (Брейшис, 48:14). Йосеф указывает отцу на его «ошибку» – перворожденного подобало бы благословлять правой рукой, но в ответ слышит: «Знаю, сын мой, знаю!.. Но меньший брат его будет больше его, и потомство его будет многочисленнейшим из народов» (Брейшис, 48:19). Из этого следует, что если бы подателем благословения был Яков, тогда большее он отдал бы Менаше. Но благословение не творится Яковом, а «нисходит» через него, являясь даром от Б-га. И Яков не может что-либо изменить в брохе, он лишь ее проводник в материальный мир.

С молитвой всё обстоит иначе. Наше прошение «Да будет на то воля Твоя» предполагает, что в ответ у Б-га как бы «формируется» соответствующее воление и Он ниспосылает нам то, о чем мы взывали в нашей нужде.

Видимо, именно поэтому Тора призывает нас возносить молитву лишь тогда, когда над нами нависло бедствие или нам грозит опасность. Молитва есть вопль к Б-гу. «Да будет на то воля Твоя» – о чем-то, еще не бывшем, о чем-то, что выходит за пределы наших повседневных нужд. Тем самым молитва приводит к своего рода трансформации, создавая условия, прежде не бывшие, условия во спасение или во исправление порядка вещей, несущего с собой угрозу или бедствие.

Отсюда следует, что глубина и интенсивность молитвы связаны со степенью трансформации сущего, необходимой для того, чтобы молитва исполнилась. Традиционные молитвы о ниспослании дождя во время засухи или о Б-жественном исцелении больного, страдающего серьезным недугом, – это молитвы, идущие из самой глубины сердца. Но есть отличие этих молитв от молитвы бездетной женщины: бездетная просит об изменении такого порядка природы, когда от Б-га ей суждено было бесплодие как изначально присущее качество. Такая молитва требует большей силы, ибо просит о вторжении Б-жественной воли в физическую данность мира.

### **יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ**

Молитва Ханы действительно стоит особняком, отличаясь от молитв патриархов. «Если Ты снизойдешь к страданию рабы Твоей <...> и дашь рабе Твоей дитя мужского пола, то я отдам его Г-споду на все дни жизни его, и бритва не коснется головы его» (I Шмуэл, 1:11), – молила Хана. Раши в своем комментарии указывает: речь здесь идет не просто о ниспослании ребенка, но – о цадике, праведнике, отмеченном особой чистотой помыслов. Причем речь идет не о том, что рожденный ребенок может заключать в себе потенциал цадика, а о том, что он действительно им будет. Хана подчеркивает это, говоря: «Я отдам его Г-споду на все дни жизни его», – то есть вся его жизнь будет посвящена Б-гу.

Хана рождает пророка Шмуэла, который обладает всеми теми качествами, о которых было сказано в ее молитве и чья жизнь оказывается всецело посвящена служению Б-гу. Молитва Ханы исполнилась.

Но всё это противоположно порядку вещей, установленному от Б-га, и затрагивает проблему свободы воли. Сказано, что ангелы, через которых происходит наделение теми или иными качествами человека, коему суждено родиться, объявляют, будет тот «силен или слаб, богат или беден, красив или уродлив. Но при этом ангелы ничего не говорят о том, будет ли родившийся цадиком (праведником) или роша (грешником)» (Нида, 15б). Происходит так потому, что «всё в руках Небес, кроме страха Небесного» (Нида, 16б). «Б-г наделил человека свободой выбора, и если живущий хочет идти путем добродетели и стать цадиком, это всецело зависит от его решения <...> Это основополагающий принцип и столп, на котором стоит Тора и все заповеди» (Рамбам, Законы раскаяния, 5:1–3).

Мы видим, что молитва Ханы затрагивает самые основы мироустройства, как оно создано Б-гом, посягая на тот столп, на котором покоится вся Тора.

Рассмотрим слова Ханы с точки зрения Алохи. В Мишне сказано, что пророк Шмуэл был назиром. Назир должен воздерживаться от вина и никогда не стричь волосы. Так, о Шимшоне, который был назиром, сказано: «бритва да не коснется головы его» (Шофтим, 13:5). Хана в своей молитве повторяет ту же формулу. В Талмуде в связи с этим сказано, что совпадение формул дает понять: как Шимшон был назиром, так назиром будет и Шмуэл (Назир, 6ба). Рамбам заключает: «Шмуэл был назир во все годы жизни своей» (Рамбам, Законы назира, 3:16).

Широко известен алохический вопрос: как обет Ханы мог наложить на Шмуэла обязательство стать назиром? Причем у этой проблемы два аспекта: когда Хана давала обет, Шмуэла еще не было на свете; но даже если бы Шмуэл уже был рожден, обет родителей не наделяет ребенка статусом назира (Назир, 25б).

А ответ таков: Шмуэл стал назиром, когда вырос и добровольно принял этот статус. Не отвергая материнский обет, а исполняя его, он тем самым продлил духовную святость назира назад, на годы, предшествовавшие принятию обета.

Это подчеркивает возвышенность молитвы и обета Ханы. Она сознавала, что Шмуэл не сделается назиром только лишь по ее обету – ведь, достигнув зрелости, он может отказаться исполнять родительскую клятву. И всё-таки, несмотря на это, она глубоко верила, что ее молитва исполнится и сын ее изберет для себя столь высокий уровень служения Б-гу и будет назиром до конца своих дней.

У молитвы два измерения: молитвенная интенция, кавана, – и ее облеченность в слова. Сконцентрированная молитвенная интенция – это первейший аспект: именно это уникальное качество молитвы выделяет ее среди всех прочих заповедей, связанных с речью. Для исполнения остальных заповедей, касающихся речи, кавана является внешним условием, а вознесение молитвы без каваны невозможно, в этом – суть соответствующей заповеди.

Здесь одно из объяснений того, почему при благословении, брохе, не придается такого значения каване. Так как цель благословения – способствовать нисхождению дара, уже существующего в своем духовном источнике, в материальный мир, то в благословении основное значение придается аспекту речи, раскрывающей мысль, существующую в сознании. В молитве, вызывающей реальные изменения в физическом мире, – так что «больной исцеляется и дождь изливается на землю» – мы формируем «новую волю» Б-га. И поэтому совершенно необходимо «удалить из сердца все посторонние помыслы и почувствовать, что стоишь пред Б-гом» (Рамбам, Законы молитвы, 4:16), – а это возможно только благодаря молитвенной интенции, каване. Так, о Хане сказано: «Она же в скорби душевной молилась Г-споду и горько плакала» (I Шмуэл, 1:10). Когда человек отрешится от личных желаний и всяких мыслей о себе и смирится, как слуга перед Хозяином, это непременно вызовет ответ со стороны Б-га, «как в воде лицо – к лицу» (Мишлей, 27:19). Обращенность сердца к молитве – кавана – это главнейший принцип, которому мы научаемся из молитвы Ханы, – а на его основании строятся остальные принципы, касающиеся молитвы.

### **אִי עֵב אֵעָנֹא אִי אֵאֹוּ**

Описание молитвы Ханы читается в качестве афоры на Рош а-Шона. Одна из причин тому, что именно в этот день Хана молилась о ниспослании ей ребенка. Но это лишь одна из причин. Существует также и тематическая связь между Рош а-Шона и молитвой Ханы. В первый день Нового года мы взываем, чтобы «Б-г заново возжелал всё Свое творение» – мы признаем Б-га нашим Властелином и духовно посвящаем себя Ему.

Если мерить человеческой меркой, то человек, достойный властвовать, во всем должен превосходить подданных: как сказано о царе Шауле, «был он на голову выше всего народа» (I Шмуэл, 10:23). Принятие помазания властелином – это нисхождение с крайне высокого уровня во имя того, чтобы заниматься земными делами царства. Подданные должны приложить все усилия к тому, чтобы пробудить в будущем властителе желание властвовать: они отвергают всякую мысль о себе и склоняются перед властелином – зримо это проявляется в акте коронации.

В еще большей мере всё это относится к Б-гу, который выше любых атрибутов власти, выше всего тварного мира. И служба, отправляемая евреями на Рош а-Шона, призвана показать: они взывают к Б-гу, дабы в Нем пробудилось желание властвовать.

Трубя в шофар, мы провозглашаем Б-га нашим Властелином, по словам Талмуда: «читайте предо Мной <строки> о Властвовании, <строки> о памятовании, и <да будет слышен> звук шофара. Властвование: вы провозгласили Меня Властелином над вами; памятование: память о вас предстанет предо Мной; чем сие достигается? – зовом шофара» (Рош а-Шона, 32б).

Зов шофара – это простой звук, исходящий из самой сути сердца. Это крик, исходящий из глубины сердца каждого еврея, ведь сказано у пророка: «вопиет к Г-споду сердце их» (Эйха, 2:18).

В результате Б-г являет Свою волю, принимая коронование Его Властелином еврейского народа, а через это – и Властелином мироздания, когда исполнится сказанное: «И будет Г-сподь Властелином на всей земле, и в день тот будет Г-сподь один для всех, и имя Его – одно» (Зхарья, 14:9).



Почему же Ребе, на котором лежала огромная ответственность, ответил подобным образом на разразившийся кризис? Не лучше ли, если бы он поторопился спрятаться и предупредить последователей о грядущих погромах?

Но Ребе радовала и Симхас Тойра, и весь тот год, в течение которого он писал одно из самых глубоких своих исследований о жизни и ее смысле.

Это не должно удивлять. На протяжении долгой истории гонений на евреев еврейские лидеры никогда не заламывали в отчаянии руки и не ежились от страха, а лишь еще больше предавались своим ученым занятиям, молитве, стремились к духовному росту. Всё сильнее становилась их приверженность добродетели и хеседу, всё старательнее они исполняли мицвоис и хранили верность традиции. И в самом деле, величайшие труды об учении Торы писались «под огнем»: рабби Акивой во времена Римской империи, Раши – во Франции, Аризалем – после изгнания евреев из Испании в 1492 году.

Достойный ответ на погромы – не смирение, не страх, не крушение надежд, а открытая демонстрация силы человеческого духа, способного встретить любой вызов судьбы. Самые ужасные исторические события повлекли за собой невиданный рост учености и добродетели. Навеки запечатлевались не потери, а приобретения.

Не стала исключением и «Самех-Вов». Погромы и невыносимые условия породили весьма памятную Симхас Тойру и поистине революционную проповедь, навсегда изменившую наши взгляды на жизнь.

О чем же говорил Ребе в своей четырехчасовой проповеди в ночь Симхас Тойры?

Если очень коротко, то он объяснил смысл слов «Встала я, отворить возлюбленному моему» как стремление человека вырваться за пределы обманчивого мира, в котором мы живем, и использовать предоставленные нам особые возможности.

«Встала я, отворить возлюбленному моему»: время от времени нам открывается окно возможностей. «Возлюбленный мой» – это мощный поток Б-жественной энергии, которая эманурует из Сущности и проявляется в особые моменты. Открытое снова закроется, если мы ничего не предпримем. Нам нужно встать и «открыть» дверь, то есть создать вместилище, где хранилась бы энергия.

«Я поднялась» – сила, скрытая в каждой человеческой душе («я», «ани») и позволяющая нам вырваться вовне, «подняться» над суматошным, обманчивым миром и заглянуть под пелены, скрывающие истинные реалии нашей жизни и души.

Вы «поднимаетесь» не из-за того, что поддались соблазну материальных и эгоистических ловушек, не под действием путаных «игр ума» и не под влиянием интеллектуальных защитных механизмов. Вы «поднимаетесь», позволив вашему «я» ощутить волшебство духа и связь с Б-жественным Единством, пребывающим во всем сущем и позволяющим видеть за пределами того, что есть здесь и сейчас.

Мы живем в обманчивом мире; наше сознание обманывает нас и препятствует познанию истинной природы собственного бытия. Захваченные щупальцами обмана, мы становимся конформистами. Независимым можно быть, только если вглядываться в то, что над тобой и вне тебя.

Каждый из нас – ученый или простой человек – сталкивается со своими трудностями, проникая взглядом сквозь ослепляющую силу материализма; всем нам требуется прикоснуться к горнему посредством изучения Б-жественной Торы. «С рук моих капала мирра» – это о руках простых людей, занятых физическим трудом. Через молитвенные размышления и изучение Б-жественного они не только постигают скрытое; с их рук «капает мирра», и горькая субстанция начинает благоухать.

Хотя Ребе прямо об этом не говорил, кажется вполне логичным, что Симхас Тойра и есть одно из необыкновенных окон возможностей. Вне всяких сомнений, четырехчасовая проповедь сильно повлияла на акофойс Симхас Тойры, которые начались в четыре часа утра сто один год назад. Посреди всеобщего краха в тот холодный российский октябрь 1905 года Ребе и его хасиды отплясывали танец духа, и каждому из нас остается только завидовать...

Сегодня нам опять брошен вызов. Слава Б-гу, не такой, как в России 1905 года. Тогда Б-жественное сокрытие было окутано пеленой погромов. Тьма создала иллюзию побежденного добра. Сегодня нашим величайшим противником является самодовольство – пелены апатии, легко произрастающие из качества жизни.

Нас многому может научить Симхас Тойра столетней давности. Прежде всего – ценить благословенную свободу и «встать, отворить возлюбленному моему» эту Симхас Тойру в Б-жественном танце тела и души, воспаря вместе со всем миром к новым высотам запредельного.

## НЕПРОИГРАННАЯ ВОЙНА

Леонид Радзиховский

**Подводя первые, краткие итоги войны в Ливане, хотелось бы с самого начала поддержать наших братьев в Израиле, тех, кто, возможно, читает «Лехаим». Лехаим!**



Судя по обзорам прессы, мне кажется, что в Израиле горько разочарованы ходом боевых действий, плохой информацией разведки, несогласованностью действий министров и т. д. Тут давать «советы постороннего» бессмысленно. Если будет деловой разбор полетов (может быть, со сменой правительства или отдельных министров) – это прекрасно. А для депрессии и упадка сил – нет причин.

Да, второй Шестидневной войны не получилось. Но два раза в такой короткий исторический промежуток времени (всего 40 лет) подобные чудеса не происходят – даже с евреями. И уж тем более это практически невозможно в случае партизанской войны.

Безусловно, главный победитель – Насралла. Он резко увеличил свою капитализацию, теперь может метить во вторые Арафаты, а то и Бен Ладены. Неприятно. Но это куда хуже для Ливана и Палестины, чем для Израиля.

Психология палестинской улицы 100 лет известна: свои потери – ничто, израильские – всё. Палестинцы давно живут не «для себя», а назло Израилю. И тот факт, что «Хизбалла» (хоть и помятая) выстояла, смогла противостоять, это для палестинцев – гигантская психологическая победа. Тот факт, что их лидер смог сделать «насралла» в сторону Израиля – пусть для Ливана это и обернулось кровавым поносом, – повод для ликования. Других радостей в этой жизни у них нет. Да они и не ищут...

Что ж – неужели евреям уподобляться этим нищим духом, думать не о своих проблемах, а об арабских эмоциях?

Задача Израиля очевидна – временно отогнать ос от своего меда. Отогнали. Хотя, к сожалению, с большими потерями. Ну и ладно – надо жить дальше. Израиль, к счастью, живет для себя, а не «назло палестинцам». Так что восторги этих безумцев, конечно, неприятны и опасны (если в ходе очередных «свободных демократических выборов» «Хизбалла» придет к власти в Ливане, как «Хамас» в Палестине), но совсем не катастрофичны. Сегодня передышка – вырвана.

Не берусь обсуждать военные уроки компании. А о политических несколько слов сказать хотелось бы.

Ближний Восток. В очередной раз показано, что никакого единства – даже по вопросу уничтожения Израиля – там нет. Никто, кроме Ирана и Сирии, и не подумал помочь «Хизбалле». Египет, Иордания, Турция сохраняли отношения с Израилем. Никакой конференции арабских государств не было. Больше того. Иран и Сирия тоже реально (кроме истерического визга) ничем «Хизбалле» не помогли,

попросту – предали братьев-террористов. И это тоже надо ясно видеть – чтобы не впасть в типичную еврейскую эсхатологию «весь мир против нас»!

Весь мир на сей раз, кстати, вел себя приличнее, чем обычно.

Да, по-прежнему новости на всех европейских, российских каналах, да и на CNN, сводились к одному: «Над родной арабской хатой пролетел “фантом” пархатый», но политическое давление на Израиль со стороны «мирового сообщества» оказалось меньше, чем можно было ожидать.

И хотя резолюция ООН вполне бессмысленна (не сказано про обязательное разоружение «Хизбаллы», про необходимость возвращения похищенных солдат и т. д.), но кто же ждал от этой бессмысленной «организации стран Азии и Африки» произраильской резолюции? Нет антиизраильской – на том спасибо.

Отдельный вопрос про антисемитизм мира.

Безусловно, любопытно наблюдать за трансформацией вечных юдофобских мифов, которые выползают из-под фактов, как гадюка из-под камня.

Ритуальные детоубийства... Разве отголосок «кровавого навета» не слышен в той кликушеской истерике, которую устраивают мировые СМИ по поводу «убийств арабских детей»? Какая-то бабка мне так прямо и сказала на «Эхе Москвы»: евреи нарочно разбомбили какой-то «молоковоз», который вез молоко арабским детям... Раньше пили кровь христианских младенцев – теперь молоко арабских. Восхитимся прогрессом и смягчением нравов антисемитов.

Да и вообще, с тех пор как Европа сама себе запретила прямой антисемитизм, он лезет наружу через щель «антисионизма» и «гуманизма – по отношению к арабам» (ясно, когда в войне Ирана с Ираком гибнет миллион человек, Европа лишь зевает).

Это – очевидно.

Но мы часто забываем о другом. О том, что не будь этой лицемерной политкорректности, сочувствия евреям бы всё равно не было – был бы просто прямой антисемитизм!

Тот антисемитизм, который был вполне принят в Европе... даже после 1945 года! И стал совсем уж неприличным только где-то в 1960-х, после общей гуманизации, связанной с вьетнамским синдромом, с событиями 1968 года в Париже и т. д.

Левая идеология тогда окончательно победила у европейской интеллигенции. Антисемитизм прополз и в эту идеологию – но чувствует себя там куда менее уютно, чем на свободе...

Евреи часто обижаются на мир. Это имеет серьезные причины. Но смотрите в динамике – и вы увидите, что последние 40 лет мир относится к евреям не хуже, а лучше. Мир не так хорош, как нам хотелось бы, но и не так плох, каким он нам кажется!

То же самое относится и к итогам этой войны.

## АЛЕКСАНДР ГАЛИН: В ДРАМЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРЕДЖИЗНЬ

Александр Рапопорт

Александр Галин – один из ведущих российских драматургов, сценарист ряда художественных фильмов, режиссер театра и кино. Автор пьес «Ретро» (1979), «Восточная трибуна» (1981), «Звезды на утреннем небе» (1982), «Чешское фото» (1993) и др. Пьесы Галина ставились более чем в 200 театрах разных стран. Первыми спектаклями, поставленными им на профессиональной сцене, стали «Дыра» (1990) в театре-студии О. Табакова и «Группа» – для фестиваля в Вудстоке (США). Как кинорежиссер снял по своим сценариям фильмы «Плащ Казановы» (1993) и «Чешское фото» (2001).



– Александр Михайлович, можно ли будет в ближайшее время увидеть постановку вашей новой пьесы?

– Последние несколько лет я пишу повесть, постепенно перерастающую в роман. Если же говорить о той профессии, которой занимаюсь большую часть жизни, – сочинение пьес и киносценариев, – то вот уже несколько лет, как я ничего не писал. Впрочем, могу сказать: сочиняя после большого перерыва свою последнюю пьесу, которую закончил совсем недавно, я испытывал острое наслаждение. Я как бы оживал в процессе этой истории, когда что-то менял в тексте и выстраивал сюжет.

**– Вы продолжаете работать для кино?**

– В будущем году я приступлю к работе над фильмом по своему сценарию, который получил государственную поддержку и финансирование. Картина будет называться «Пострадавший». Она о тех людях, которые эмигрировали уже в нашу эпоху... однако фильм совсем не об эмиграции.

**– Простой вопрос: расскажите о своей биографии.**

– Я родился в поселке Надежда Матвей-Курганского района Курской области. Папа мой из Бессарабии, мама из Польши, познакомились они в 1942 году в Красной Армии. Мамин брат в 1939 году смог в трюме корабля добраться до Америки. Все близкие, оставшиеся в Польше и Румынии, погибли. Между собой родители всю жизнь разговаривали на идише. Первое слово, которое я произнес: «бройт». Любопытно, что мою раннюю пьесу «Ретро» – ее ставили по всему миру – поставили также «аф идиш» в Тель-Авиве. Я был на этой премьере с сестрой.

А под Курск после войны родители приехали потому, что там жил мой дядя со стороны мамы. Там мы и поселились. Жили в бараке, в каморке под лестницей, она была выгорожена фанерой. Одно из моих детских воспоминаний: я сплю в корыте. Потом помню двор. Вначале жили бедно, но потом тетя Маня-большая и тетя Маня-маленькая наладились шить брюки. У Мани-большой был муж Залман, который эти брюки гениально продавал на курском рынке. По-моему, он скупил всю местную милицию. И вот, когда появился некоторый достаток, отец вдруг приобрел проектор для диафильмов. До сих пор не знаю, почему отец это сделал: он был простым электриком и не тяготел к тонким материям. Вот с диапроектора-то всё и началось.

Первые просмотры помню очень хорошо. По вечерам на сарай вывешивалась простыня, собирався весь наш двор, приходили люди с других дворов, впереди садились дети, и мы смотрели Чаплина в диафильмах. Кто-то из взрослых читал текст. Просмотры эти были событием. Недавно, отдыхая на Мальте, я пересмотрел уже на DVD все его фильмы, в том числе увиденные в детстве. И понял, что весь современный кинематограф начался с Чаплина.

Не скажу, что мои родители были особенно религиозны. Обстоятельства к этому не располагали. Но в семье зажигались свечи. Помню несколько своих дней рождения, один из них – особенно ярко, потом уже я понял, что это была бар-мицва. В четырнадцать лет я пошел работать на аптечный склад. Папа меня к этому подталкивал, потому что мужчина должен работать. Я познакомился и подружился с Вадимом Корнеевым, сыном курского поэта. У них дома бывали писатели Носов, Овечкин, Астафьев – благодаря этому кругу я стал много читать. Маму и отца это обрадовало: сын читает. Папа даже сделал мне книжную полку. Вместе с Вадимом мы ходили в курскую областную библиотеку и познакомились там с двумя девушками, работавшими в спецхране. Они стали давать нам книжки, которые тогда достать было невозможно. Я читал журналы «Красная новь», запрещенного Пильняка, многих других авторов. Еще в школе у меня обнаружилось свойство придумывать, рассказывать, смешить – мне это удавалось, и я понял, что хочу стать актером. Окончив школу рабочей молодежи, я стал поступать в театральные вузы Москвы и Питера. Продолжалось это четыре года, никуда меня не принимали. Это было после 1967 года. Когда я наконец поступил на режиссерский факультет, Владимир Викторович Петров, прекрасный педагог и впоследствии мой друг, сказал мне: тебя бы никогда никто не взял на актерский факультет. Именно по этой причине – слишком еврейская внешность. Но у меня никогда никакой обиды не было. Меня, признаться, это даже как-то закаляло.

Не поступив в первый раз, я пошел работать в курский кукольный театр, где остро нуждались в мужских голосах. Несколько месяцев был учеником актера, потом актером. Озвучивал медведей, козлов, павианов...

В Ленинграде, учась на режиссерском факультете, я познакомился с моей будущей женой Галей, благодаря чему впоследствии стал Галиным. И вот, это было уже на третьем курсе, ей на Восьмое марта нужно было что-то подарить. И я, за несколько дней, написал пьесу. Мы сидели в общежитии, я читал, ребята хохотали. Мой мастер Владимир Александрович Галицкий об этом узнал и показал текст

драматургу Александру Моисеевичу Володину. Володин прочел и сказал: «Ты написал профессиональную пьесу. Мне нечего к ней добавить. Ее надо ставить. Брось всё и пиши». Эту вещь, которая называлась «Стена», через шестнадцать лет поставил Роман Виктюк в «Современнике». Я не исправил в ней ни одного слова.

С той встречи я поверил в себя. Володин убедил «Ленфильм» заключить со мной договор, правда, сказал, что «если мальчик не справится», он сам доделает. Для того времени это был немислимый успех юного сценариста. Мне было двадцать три года, я пришел с улицы в дырявых ботинках... Фильм «Последний побег» снял режиссер Леонид Менакер, в главной роли играл Михаил Ульянов. С тех пор, с первого ленфильмовского аванса, я занимаюсь литературой.

**– Одна из ваших первых пьес – «Ретро» – и сегодня идет в МХТ. Как пришел этот замысел?**

– В Питере я подружился с Камой Гинкасом и Генриеттой Яновской, у них был прелестный еврейский дом. Тон задавала великая Гетина мама. И Кама, и Гета сейчас известные режиссеры, Яновская – главреж Московского театра юного зрителя... Ощущение, что ты талантлив, что ты что-то напишешь и этого ждут, – очень тогда помогало. Однажды у них дома – сидели на кухне – я услышал разговор о том, как одному старику привели знакомиться сперва одну женщину, потом вторую, затем третью, а он всё недоволен, никто ему не подходит, – выбирает, как жених. Все тогда засмеялись. Я понял, что это сюжет, и написал пьесу «Ретро». Пьесе повезло, ее перевели на множество языков, поставили в огромном количестве театров, в одной Германии – в двадцати трех, в том числе в знаменитом «Шиллер-театре». Меня не пустили на премьеру. В инстанциях сказали: он молодой, его никто не выпустит. За границу я тогда не ездил.

По телевидению показали «Ретро» в постановке Малого театра с великолепными актерами. И мой курский двор в тот вечер смотрел. Родители еще жили там. В пьесе я сохранил названия курских улиц, некоторые имена, курский колорит. И когда я туда приехал и увидел глаза матери, я понял, как мне повезло.

**– Следующей пьесе тоже повезло?**

– Следующая моя пьеса, получившая широкую известность, называлась «Звезды на утреннем небе». Ее тоже переводили, она много шла по миру и по стране. Были пьесы, и немало, которые шли в нескольких театрах. Однако есть пьесы, которые нигде не шли.

Еще одно ощущение удачи у меня было, когда я снял, как режиссер, свой первый фильм – «Плащ Казановы» – и приехал с ним в Израиль, где тогда уже жили мои родители. Там была большая премьера, на которой они присутствовали и разделили со мной этот успех. А началась история с этим фильмом так. У Олега Табакова был подвал, из которого выросла студия «Табакерка». Я поставил там свою пьесу «Дыра». В эту студию приехала делегация итальянских артистов, среди которых был знаменитый актер, сыгравший впоследствии главную роль в моем фильме. Он предложил: «Напиши что-нибудь для меня. Вот ты меня видишь – напиши». Я что-то стал придумывать... А потом он позвонил из Италии и сказал: «Я достал деньги, делаем фильм!» Так всё это завертелось. Съемки проходили в Венеции. До этого и после я бывал там много раз, а снимали мы, вместе с подготовкой, всего три недели.

**– Почему вы решили пригласить на главную роль Инну Чурикову? Рассматривались ли другие кандидатуры?**

– Другие не рассматривались. В сценарии было всё для того, чтобы пригласить именно Чурикову. В то время Инна Михайловна вместе с Колей Караченцовым играла в моей пьесе «...Soggy». У нее была роль русской поэтессы, работавшей в морге, – печальная, в общем, история. И вот она сыграет в спектакле, садится в самолет, летит в Венецию, снимается, а потом возвращается в Москву, выходит на сцену, снова играет и снова возвращается на съемки... Так она разрывалась между кино и театром, Италией и Россией.

**– Сколько у вас книг?**

– У меня издана всего лишь одна книга, очень давно, в конце восьмидесятых. Издал ее Союз театральных деятелей РСФСР, в ней восемь пьес. Многие годы я не хотел ничего издавать, был какой-то психологический барьер: пьесы, думал я, кто их читает? Мою книгу потихоньку раскупали, но однажды мне позвонили с книжного склада и попросили забрать остатки. Я приехал, погрузил эти пачки, привез домой,

некуда было их деть, всё это так угнетающе на меня подействовало, что я надолго потерял желание издаваться. Хотя, наверное, драматургу это нужно, время от времени меня спрашивают, где взять пьесы.

– Любите ли вы актеров?

– Да, актеров я люблю больше, чем режиссеров, особенно если это хорошие актеры. Тогда им всё можно простить. Но когда я сам репетирую со средним артистом и натыкаюсь на жлоба, я сразу «умираю». То есть на жлоба по манере игры. Я тогда «зажимаюсь», творческая атмосфера исчезает.



*Ἰὺνῆ «Παρόδι» ἀ Ἰ Ὀῦ. Ἰ εἶ ἀ Ἀἰθῆρῆτῶν - ἰαδῆτῆρῶν ἀδὲρῶν ἐὰ δὲ Παεῖν Ἰ ἀεῖνῆ ἰῶν, Πῆτῆ Ἰ ἀμῆ-εἰ ἰεῶν - ἰαδῆτῆρῶν ἀδὲρῶν ἐὰ δὲ Ἀἰ ἀνὸ ἀνῆν Ἀἰτῆ ἀνῆτῆρῶν,*

*Ἀεῖτῆ Ἀδῶνῆτῶν - ἰαδῆτῆρῶν ἀδὲρῶν ἐὰ δὲ Ἰ ἀὸ ἀεῖν Ὀαῖνῆτῶν, Ἰ εἶτῆε ἀεῖ χῆ ὀεῖ - ἰαδῆτῆρῶν ἀδὲρῶν δὲ Ἀεῖτῆ εἰδ Ἰ δῶν ἰῶ*

– Когда мы говорим об актерах, актрис тоже имеем в виду?..

– Я никогда не приближался к актрисам. Ничего личного. Они должны только играть.

– Это что же, такое самообладание?

– Да-да, в этом смысле необыкновенное самообладание.

– А дружеские отношения?

– Поддерживаю. Некоторые актеры стали известны, сыграв в моих пьесах. Например, Алла Борисовна Покровская. Замечательная актриса и театральная педагог, профессор. Когда-то в «Восточной трибуне», поставленной в «Современнике», она прекрасно сыграла Шуру Подрезову. Это был огромный успех, ее признала театральная Москва. Она же вместе с Гафтом играла и в моей пьесе «Аккомпаниатор», которую я сам поставил. А сейчас ее часто приглашают молодые режиссеры, например Серебренников, – она разнообразна, не статична, она хочет их понять. И поэтому она востребована.

**– Читаете ли вы новых драматургов?**

– Сегодня много новых драматургов. Не всех я читаю. Не всех, начав читать, могу дочитать до конца. Вообще, это подвиг – читать кого-то... Честно признаюсь: самого себя я иногда с удовольствием перечитываю.

**– Все ваши пьесы связаны с современностью, с текущей жизнью?**

– Все они на современные темы, исторических пьес у меня нет. Да, это – современность. Но, если по секрету, не всегда они связаны с текущей жизнью. Зачастую они о той жизни, которая только что была и уже не вернется...

Есть разное отношение к моим текстам. Есть авторы, которые написали – на разных языках – книги о моих пьесах, и есть люди, которые снисходительно ко мне относятся. Это нормально. Я мало читаю критических работ о себе. А в последнее время их и нет по той причине, что сейчас надо платить, чтобы о тебе написали хорошее или плохое. Колонка денег стоит. И театр, и, особенно, кино – коммерческие предприятия.

**– Нет бескорыстных рецензентов, они полностью вымерли?**

– Я говорю сейчас о том, что любой новый фильм нуждается в пиаре. Конечно, существуют издания, есть критики, которые откликнутся на это событие, если оно заметно. Если оно гениально или если оно отвратительно, об этом напишут. Но, как правило, в бюджет фильма закладываются деньги на то, чтобы зритель о фильме узнал – и через рекламу, и благодаря аннотациям и статьям о нем. Нет, это не значит, что авторы фильма покупают хорошие рецензии. Но очень сузился «метраж» для людей, которые говорят или пишут об этом бесплатно.

Существует также Интернет с его дискуссиями, обменом мнениями, но в нем, преимущественно, не театральная, а киноаудитория. Есть серьезные театральные критики, которые ценят то, что я делаю. Я общаюсь с несколькими крупными театроведами, к мнению которых прислушиваюсь. Но я не верю в публично-печатную составляющую успеха. Не верю в общественное мнение о том или ином культурном событии. Редко оно совпадает с моим.

**– Расскажите, пожалуйста, о последней пьесе, которая еще не поставлена.**

– Как-то мне приснился Олег Табаков в роли Ленина. Это было очень странно: толстый, непохожий... И я написал маленькую пьесу: она начинается с того, что на «Мосфильме» снимают триллер, в котором молодой героине снится памятник Ленину. Находят старого актера в Доме ветеранов кино, который когда-то играл Ленина и был знаменит. Его приглашают, он приезжает на «Мосфильм», где его гримируют под памятник. Об этом узнает гример, который этого актера когда-то гримировал под Ленина. Для актера это был пик творческой карьеры. Тогда на «Мосфильме» перед ним почтительно открывали двери. Сейчас он забыт, это человек, послуживший умершей легенде. Он – идол, которого растоптали. Я не имел в виду реального человека, это вымышленный персонаж, обобщенный образ.



*Είπα × οδὲ εἶπὰ ἀ οὐ εἶμι ἀ «Ἰ ἐὰν Ἐὰν Ἰαί».*

– Недавно вы участвовали в отборе пьес для номинации на премию «Дебют», там рассматривают произведения авторов до двадцати пяти лет. Поддерживаете ли вы отношения с начинающими драматургами?

– Иногда мне присылают пьесы. Вот сегодня я два часа работал с молодым автором. Он прислал мне письма, написанные литературно одаренным человеком. И я предложил ему написать пьесу. То, что он принес, было ужасно. Патетика, слова, за которыми ничего нет... Сегодня я пытался объяснить ему, что в драме слова идут потом, им предшествует поступок, действие. Если слово произнесено на статичном бездейственном фоне, это не театр. Как бы высоко оно ни звучало. В драме подобное считается банальным. Огромное количество текстов, которые сейчас выносятся на сцену, не содержат драмы. Они не сценичны, не могут выразить действия. И они лишают актера и зрителя возможности ощутить подлинный театр. Здесь нужна особая инструментовка, она сложна и очень интересна. Драматический театр – это не только слова. Слова в театре умирают мгновенно – а иногда живут. Создать среду, в которой слова будут жить, – задача драматурга.

Володин как-то сказал: «Я хочу, чтобы мою пьесу понимал каждый зритель, понимал солдат, который пришел со своей девушкой и купил на последние деньги самые дешевые билеты. Надо так написать, чтобы до него дошло». Прошу прощения за пафос, но театр – высокое изобретение. Это не место для сухих экспериментов, которые умирают мгновенно.

– Отличается ли работа над сценарием от работы над пьесой?

– Очень отличается. В кино – как, впрочем, и в прозе – существуют разные планы, близкие, средние, дальние. Изображение можно приблизить или отодвинуть. В сценарии описываешь то, что должно быть показано. В кино всё должно случиться сейчас, на глазах у зрителя. В театре же, в драме должна быть преджизнь. Всё главное в жизни героев пьесы случилось раньше. Зрителю – в лучших пьесах – показывают только короткий двухчасовой взрыв событий, которые predeterminedены. Он видит уже последствия того, что назрело. И ты пишешь лишь то, что не может не произойти. Хаос твоей творческой фантазии в театре ограничен невероятным образом – ограничен преджизнью.

У меня есть пьеса «Восточная трибуна», которую именно на этом я строил. Как можно описать застой? Люди живут, но в их жизни ничего не происходит, у них всё было прежде, в прошлом. Я придумал разрушающийся деревянный стадион и героев, которые существуют лишь воспоминаниями. Это пьеса. В кино же ты должен что-то показывать, а не рассказывать, иначе зритель умрет. Итальянский монтажер фильма «Плащ Казановы» говорил мне: «Я ненавижу театр. Там только общий план».

**– Вы окончили режиссерский факультет, но вначале не ставили спектаклей. Почему теперь вы сами ставите свои пьесы?**

– Видите ли, наши режиссеры немного сошли с ума. В Америке и Европе другое отношение к драматургу: то, что он написал – закон. Там режиссер воплощает чужую интеллектуальную собственность, он – строитель, который получил проект. И он не может сделать в стене четыре окна, если в проекте их три. В России же зачастую режиссер считает себя соавтором пьесы. Однако пьеса – это литература. В типографии же не меняют текст в угоду наборщикам! И еще одно соображение. Как правило, современные режиссеры пользуются услугами средних артистов. А я пишу роли для больших артистов. Большой актер зачастую не вписывается в их режиссерские возможности. Такой актер требует места, времени и внимания. Режиссеру он неудобен, самим фактом своего существования он разрушает построение режиссера.

Станиславский создал пример правдивого и органичного театра, который существовал благодаря актерскому ансамблю. Режиссерские идеи проходили через замечательных артистов. Москвин, Качалов, Книппер доносили до зрителя послание драматурга благодаря своей игре. Современный театр этим не пользуется, ему нужно другое, он предлагает прежде всего новую сценическую форму.



*ŃĀāāāī Āīōīāēēī.*

**– Вы сказали, что фильм, к которому вы приступили, не об эмигрантах, хотя эта тема присутствует. Можно подробнее?**

– Это сценарий об актере, который в поисках работы приехал в Америку. Ему предложили сыграть роль человека, пострадавшего в автомобильной аварии. Он согласился, потому что его жена – наркоманка, она гибнет, лечение стоит дорого. Из-за этого он и поехал на заработки. Но жену он не спас: заработанные им деньги она выкрала и исчезла. В финале герой бросился под настоящий автобус и потерял память. Сыграл по правде. Персонажи: адвокаты, врачи, психологи, актеры, писатели. Это будет фильм об ампутации памяти. В фильме не будет этнической составляющей, понимаемой примитивно. Главные герои моего сценария – евреи, но это история о людях, говорящих и чувствующих по-русски. Еврейство – прежде всего душа, а не длина носа, цвет кожи или фамилия.



народ усилиями новых правителей оказался вовлеченным в кровавую неразбериху Гражданской войны, расколовшей нацию и страну и приведшей ее на грань катастрофы.

Эмоционально заряженная творческая интеллигенция приняла в этих кошмарных событиях самое деятельное участие. В советском искусстве вообще, а в русской поэзии в частности появилось множество этнических евреев – выходцев из черты оседлости и примыкавших к ней украинских и белорусских городов. Эти люди не скрывали своей национальной принадлежности, вряд ли кто-либо из них, подобно известному деятелю 60-х, сказал бы о себе: «Я не еврей, я по национальности русский интеллигент». Как это ни дико звучит, в те годы – от окончания Гражданской войны и почти до исхода десятилетия – принадлежность к еврейству не вызвала негативной реакции и почти не возбуждала проявлений антисемитизма. Дело тут, конечно, не во внезапной сердечной вспышке той самой пресловутой «любви» к евреям, а, скорее, в весомом присутствии потомков Авраама, Исаака и Якова во властных и карательных структурах «пролетарского» государства. Евреи во всю писали русские стихи и прозу, ставили спектакли, снимали кино и сочиняли музыку. Это уже потом, во времена застоя, усердные национал-патриоты взялись подсчитывать, насколько густо евреи прославляли русское искусство, какой процент они там составляли, по каким критериям оценивать причиненный ими ущерб и какому наказанию их подвергнуть. Веселое было времечко, ничего не скажешь...

Так или иначе, в 20-х годах сформировалась группа молодых стихотворцев, получившая название «комсомольские поэты». В их числе был и Михаил Светлов. Из всех он единственный, пожалуй, остался на слуху и в памяти современных людей – другие сохранились лишь на страницах литературных энциклопедий.



*È. Óòèèí è Ì. Ñàíóèñà*

*1920-à ñàù.*

Молодая кровопролитная власть имела склонность сваливать в кучу понятия и фигуры вовсе несопоставимые. Безликое «мы» вытесняло понемногу неповторимое «я». «Якать» – означало противопоставлять себя коллективу, а значит, и «коллективной» власти. И это прямиком вело на лагерные нары.

В отличие от прозы, терпящей с грехом пополам соавторство, поэзия не допускает «коммунального» зачатия. Поэт – он всегда один в поле воин; иное просто немислимо. Что же такое, какой клей, помимо указующего перста большевистских идеологов, объединял «комсомольских поэтов» Михаила Светлова, Иосифа Уткина, Эдуарда Багрицкого, Павла Когана, Михаила Голодного, Александра Безыменского? Юный возраст? Членство в политической организации? Национальная принадлежность? Но были ведь и другие молодые поэты – «лица еврейской национальности»: Павел Антокольский, Семен Кирсанов, – никаким боком не примыкавшие к комсомольской группе.

Подразумевалось, очевидно, что «еврейских комсомольцев» и примкнувшего к ним Александра Жарова объединяла преданность режиму и горячее стремление ему служить; такое впечатление, во всяком случае, складывалось как бы само собою. К одному из «сочленов» это относилось несомненно – к вполне

бездарному Александру Безыменскому, выступавшему, помимо сочинения пионерских и комсомольских маршей, в роли эксперта в ходе подготовки политических процессов против поэтов, писавших на языке идиш. Это на него, на Безыменского, в 60-х годах была сочинена эпиграмма:

*- Аієііі аіаіі,*

*Сіаіі оіѠ-єіі, -*

*Њòàòіé і .ààé*

*Њ єіі ііі ієііієіі сіà-єіі.*

Но несправедливо и бессмысленно ставить в один ряд с Безыменским таких поэтов, как Багрицкий или Светлов.

Михаил Аркадьевич Шейнкман, пользовавшийся литературным псевдонимом Михаил Светлов, родился 4 июня 1903 года в Екатеринославе в бедной, почти нищей семье. О серьезной учебе нечего было и думать: мальчик сызмальства работает где и как придется – в фотографии, на товарной бирже на побегушках, в типографии. Копеечные заработки идут не на книжки и леденцы, а в семью – на картошку и селедку. Таких еврейских семей хоть пруд пруди в Екатеринославе... Нетрудно догадаться, что будущее перед подростком открывалось довольно-таки беспросветное, и политическое брожение, захватившее огромную страну, несло в себе проблеск бесшабашной надежды. Гражданская война, последовавшая за сокрушительными событиями 17-го года, стала для Светлова первой настоящей школой жизни.

Выигранные войны, какими бы тяжкими они ни были, оставляют в душах уцелевших участников незаживающий эйфорический рубец. И после Гражданской, и после Отечественной войн появились группы «военных поэтов», таких, как, во втором случае, Борис Слуцкий и, в меньшей степени, Александр Межиров с его знаменитым «Мы под Колпином скопом стоим, / Артиллерия бьет по своим...». Трудно прилепить к Межинову, сочинившему также и «Коммунисты, вперед!», ярлык с надписью «коммунистический поэт». Что угодно, только не это! «По своим артиллерия лупит, / Лес не рубят, а щепки летят» – едва ли эти строчки вписываются в слащавую картинку «светлого коммунистического завтра», тиражировавшуюся большевистскими идеологами с московской Старой площади.

Так и Светлову нестати была комсомольская бирка, прицепленная к нему мутным временем и подходившая ему, как корове седло. На Гражданской войне, «на той, – по словам Булата Окуджавы, – единственной Гражданской» оставил Светлов свою молодость, а с нею и свои надежды: «Мы ехали шагом, мы мчались в боях, / И “Яблочко”-песню держали в зубах». Не он один оставил – но был он одним из немногих, не кричавших потом во весь голос, что всё кругом хорошо и просто замечательно. Его простреленные надежды скончались от потери крови, а сам он продолжал жить в новой затвердевающей реальности, где нашлось место одной-единственной коллективной надежде: не угодить в тюрьму и выжить. Маска с идиотической победной улыбкой всемирного строителя коммунизма не приросла к лицу комсомольского поэта Светлова – он улыбался грустно и иронично, почти вызывающе на фоне всеобщего лицедейства. Эта улыбка, вместе с полусотней шутивных афоризмов, составляет память о нем, да еще три стихотворения: «Гренада», «Каховка» и «Итальянец». И этого немало.

Русская поэзия не вчера появилась на свет, хотя, не в обиду ей будь сказано, несколько поотстала в разграфленном по векам времени от западноевропейских трубадуров с миннезингерами, не говоря уже о китайцах и японцах с их раскосым взглядом на жизненные принципы. Оставим в стороне, в старине седой гусельные былины и песни дедушки Егора – и русская поэзия уместится между сомнительным Кантемиром и несомненным Дмитрием Приговым. Теплится вдали Василий Тредьяковский, блистают алмазные Грибоедов, Пушкин и Лермонтов, имена поэтов Серебряного века вырезаны на золотых скрижалях русской культуры. Сотни тысяч стихотворений, миллионы строк... Среди этого множества слова Светлова, сложенные в строчки, не горят яхонтами. И даже мнение великой Цветаевой, изложенное в письме великому Пастернаку, не исправляет положения: «Передай Светлову, что его “Гренада” – мой любимый, чуть не сказала мой лучший стих за все эти годы». В «эти годы» «Гренада» стала знаковым стихотворением, принесшим громкую славу автору. Но, как известно, мирская слава быстро проходит. Нынче на слуху у публики не испанская Гренада, а испанские Канары. Наверно, это и к лучшему...



*А і іааіі оуаа І. Нааоёіа І. Аіёіаі уе, а і еі е - А. Вм уе е І. Аіёіааа*

*1923 аа*

Трудно было, взглянув на Светлова конца 50-х – начала 60-х, угадать в нем человека, опаленного боевыми страстями двух войн. Сутулый, ироничный и на первый взгляд застенчивый, Светлов, казалось, не был, подобно маршалу Буденному, «рожден для жизни конной». Тем не менее боевые навыки молодого Светлова проявились в отряде еврейской самообороны Екатеринослава, в самом начале Гражданской войны, когда город то и дело переходил из рук в руки и за евреями охотились все без исключения персонажи, участвовавшие в этом диком маскараде: от «белых» до «зеленых». Будущий Днепропетровск был разбит на секторы, каждый сектор патрулировался подразделением еврейской самообороны. То была опасная работа, требовавшая мужества. Сохранились свидетельства о том, что в самообороне участвовали, вместе со Светловым, еще два молодых писателя: поэт Михаил Голодный (Эпштейн) и еврейский поэт Перец Маркиш. Входил в состав отряда самообороны и Менахем-Мендл Шнеерсон – будущий Любавичский Ребе. Принимая в 1972 году у себя в Бруклине невестку Маркиша – жену его младшего сына-«отказника», удерживаемого советскими властями в Москве от репатриации в Израиль, Ребе в разговоре с ней вспомнил об этом эпизоде своей жизни.

Трудно предположить, что Михаил Светлов – юный боевик еврейской самообороны, участие в которой являлось делом добровольным, – был чужд национальной жизни. Сионистские настроения в среде еврейской молодежи были тогда достаточно сильны – как, впрочем, и бундовские. Мы не знаем, какому направлению отдавал предпочтение Светлов, – впоследствии он на этот предмет не высказывался, к занятиям общественной деятельностью не склонялся и свои политические пристрастия держал при себе. Лишь однажды был он привлечен в качестве народного заседателя к судебному процессу. Судили насильника-санитара, употребившего для достижения своей цели наркоз. Светлов задал подсудимому уточняющий вопрос: «Какой наркоз? Общий или местный?» С тех пор знаменитого комсомольского поэта на судебные разбирательства больше не приглашали.

Да и с членством в комсомоле не всё так ясно, как казалось бы. По утверждению одного из исследователей, Светлов был исключен из комсомола. За что? За недостаточную активность? За соленую шутку? За неуплату членских взносов? Неизвестно. Зато известно, что прославленный поэт так никогда и не вступил в Коммунистическую партию – а это было как бы правилом игры тех времен, игры в одни ворота.

Правил было немало, и все они были неписанные, но зато действенные. Эти жесткие житейские правила не имели ничего общего с красивыми статьями Конституции, гарантировавшими гражданам счастье и свободу – всем поровну. Вряд ли нашелся бы в СССР хоть один человек, принимавший всерьез торжественные обещания Конституции, этот документ играл роль фигового листка, прикрывавшего срамное место Империи. С ним хотелось поступить так, как поступил платоновский матрос с требованием на выдачу подводных лодок, предъявленным героем «Сокровенного человека» Фомой Пуховым в городе Ростове-на-Дону: плюнуть на оборотную сторону бумажки и прилепить ее к ближайшему забору; пусть висит... Верил ли Михаил Светлов большевикам с их посулами? Верил, можно предположить, но – с оглядкой. И до поры до времени.

С чего, спрашивается, пьет русский человек, включая еврея? От радости он пьет. Или же от горя.

Кто-кто – но Светлов пил не от радости. И шутил куда как невесело.

Смех в СССР был делом нешуточным. Следовало точно знать, над чем можно смеяться, по какой причине, сколько и как. Смеяться над дядюшкой Сэмом и американским империализмом было не только можно, но и желательно. Смеяться над советской властью – «Софьей Власьевной» – было категорически запрещено, пренебрегшего запретом ждали большие неприятности, вплоть до посадки в тюрьму или в сумасшедший дом. Смеяться над государственной безопасностью – «Галиной Борисовной» – и ее присными никому и в голову не могло прийти: голова-то даже у советского человека, самого продвинутого на всей планете, была всё же одна... Смеяться над мелкими чиновниками дозволялось, но в меру и не громко. В первом варианте сценария знаменитой кинокомедии «Карнавальная ночь» Бориса Ласкина и Владимира Полякова объектом шуток выступал советский начальник средней руки. Цензура такой смелый замах «зарубила» на корню, и Игорь Ильинский сыграл простофилю Огурцова – безобидного директора Дома культуры.

Смеяться было опасно, иногда смертельно опасно, – но это вовсе не означало, что советские люди смеялись только хором, по знаку партийного дирижера. Народ жил одновременно в двух параллельных мирах, соединенных друг с другом узкой калиткой; то, что можно было обсуждать и над чем можно было потешаться дома, в кругу верных близких людей, совершенно исключалось на публике, «с трибуны». И такая раздвоенность, как это ни парадоксально, казалась естественной: она въелась в поры души, к ней привыкли.

Михаил Светлов не был исключением из правил. Его «крылатые слова», нелицеприятные для властей, разлетались по империи. Вместе с тем он не был диссидентом, не появлялся в «самиздате» и не собирался выходить на Красную площадь с антисоветскими лозунгами. Он существовал как бы на стыке этих самых параллельных – советско-антисоветских – миров. Он охотно общался с остатками старой литературной богемы, – но, оставаясь официально признанным заслуженным советским поэтом, не относился безоговорочно к ее кругу. Он однозначно не шел с большевиками, а, как известно, «тот, кто сегодня идет не с нами, – тот против нас» (Вл. Маяковский). Советская власть почему-то решила не сажать его в тюрьму; возможно, она махнула на него рукой. Более того: Светлову доверили «подковывать молодежь», он вел поэтический семинар в Литературном институте, и семинар этот был наиболее посещаемым и любимым студентами. Другим меньше повезло: автор всесоюзного шлягера «Песня о тачанке» (1936) харьковчанин Михаил Рудерман канул в литературное небытие еще при жизни и пребывал в нем до самого своего конца в 1984 году. Не помогла этому тихому еврею и сочиненная уже после Отечественной войны «Пионерская тачанка»: интерес к его творчеству ограничился лишь той, первой «Тачанкой», тоже, к слову, не вполне прозрачной.

*- Yō, òà-àí èà-èèááýí èà, -*

*í èñäè Ðúúáðì àí, -*

*Í àòà ã ðáíñòúè è ðáñá*

*Èí ìì ì èúñéáý òà-àí èà*

*Áñá : àò ú ðá èí èáñá!*

Уж если тачанка и представляла собою чью-либо гордость и красу, то это относилось не к комсомольцам и не к большевикам, а только и лишь к Нестору Ивановичу Махно, в чьей армии появилась на свет эта «крестьянская танкетка» – узкая телега с установленным в задке пулеметом. Она наводила страх и на Буденного, и на Шкуро с Мамонтовым, – но Рудерман, скорее всего, об этом и не догадывался. Позднейшие прорывы танковых клиньев напоминают кое в чем тактику тачаночных атак: сотни и сотни телег появлялись внезапно и одновременно из крестьянских овинов и мчались вперед, сея панику и ужас. Скорость их передвижения и маневренность была, по тем временам, уму непостижима...

Светлов, разумеется, был знаком с Рудерманом; «Тачанка» не уступала в популярности «Каховке». Обе эти песни являлись, в определенной степени, логотипом предвоенной эпохи. Светлов, с его общительным и открытым характером, был знаком с сотнями людей, а его знали тысячи, читали – миллионы. Его «хохмы» переходили из уст в уста, как жемчужины истинного фольклора. Нет смысла повторяться и приводить здесь светловские горьковатые шутки, растиражированные всеми доступными способами и получившие широчайшую известность. Как, впрочем, и многочисленные, граничащие с

анекдотом истории о самом Михаиле Светлове, о его бесподобном остроумии, о его преданной любви к национальной забаве – расцвеченному бодрящими душу напитками столу. Перефразируя известное изречение, можно сказать о нем: «Он был самым знаменитым из скромников, самым скромным из знаменитых».

И всё же нельзя обойти светловские истории стороной. Расскажу о двух из них; одной я был свидетелем, другая малоизвестна.

Собралось в самом конце 50-х, в частном доме, литературное застолье, украшенное звездами первой величины. Провозглашали тосты, пили за присутствующих, придерживаясь по традиции табели о рангах – несмотря на непринужденность обстановки. Пили по очереди за Бориса Лавренева, за Всеволода Иванова, за Петра Чагина, за Вильгельма Левика, за Евгения Пермяка, за многих других. Светлов сидел, посвечивая своей удивительной улыбкой – наполовину смущенной, наполовину торжествующей; о нем почему-то забыли, обошли тостом. В конце концов Михаил Аркадьевич встал, покачивая рюмку в руке.

– Я хочу выпить, – сказал Светлов, – за самого замечательного писателя за этим столом. За честнейшего человека. За красавца мужчину. За выдающегося семьянина. – Все напряженно молчали, примериваясь к тосту: чье имя назовет Светлов? – Я хочу выпить за себя!

Другая история. Светлов на писательском крымском курорте Коктебель сильно поиздержался – иными словами, остался без гроша. Просить деньги в долг у братьев-писателей представлялось нелегкой задачей и неприятной. Ситуация обострялась тем, что хочешь не хочешь предстояло возвращение домой, а билета не было, и не было денег, чтобы его купить. Светлов оказался в отчаянном положении. Тогда, наскребя мелочь по карманам, он отправился на почту – посылать телеграмму в Москву, Хесину.

Хесин, еврей с отзывчивым сердцем, директорствовал в Литературном фонде; туда, в Литфонд, стекались писательские гонорары со всего Союза – за исполнение песен по радио, за театральные спектакли. Эта организация, основанная литераторами еще в царские времена, работала весьма налаженно и эффективно. Хесин своей властью мог ссудить членов Литфонда какой-никакой суммой денег в счет будущих доходов. Мог ссудить, а мог и не ссудить.

На телеграфном бланке Светлов написал всего две строчки, но зато какие!

*- I eð áix áii áá oáii.*

*Órú ðaði ói áii Óáiréí!*

В ответ на этот тактичный вопль о помощи в Коктебель из Литфонда немедленно пришел телеграфный денежный перевод. Еврейская солидарность проявилась во всей красе.



*И. Наидонов*

*1954 г.*

Каждая эпоха, помимо общего соединительного ствола, обладает уникальными, неповторяющимися чертами. Литературная атмосфера, писательский быт, начиная с послевоенных лет и вплоть до распада СССР, составляли часть этих неприметных на первый взгляд черт. Там было многое намешано, в этом сюрреалистическом коктейле: вера и неверие, показной советизм и скрытый антисоветизм, богатство и нищенство, чугунная цензура, позорная «самоцензура» и праздничная свобода слова в рукописном «самиздате». Был даже вовсе зазеркальный и подлежащий вымарке «неконтролируемый подтекст» и, соответственно, квалифицированные специалисты по этому взрывчатому подтексту, в просторечье именуемому «фига в кармане».

Нынче на дворе иная эпоха, с иными литературными чертами, иными повадками.

Вряд ли Михаил Светлов нашел бы в ней для себя свободное местечко.

# «НАМИ ПРОВОДИТСЯ ЛИНИЯ НА ПОСТЕПЕННОЕ И ДОЗИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ КОНТАКТОВ С ИЗРАИЛЕМ...»

## Ê 15-êàðêð ìíêííã àííòàííãàíí êý àêíêíí àðê-àíêêò ìòííòàíí êê ñ Ëòðàêêàí

*Àêàêííí àð Êíêêêí*

*Í ðàêêàííí ùà àíêíííêð ÷òðàðàêý àíêííí òí ãàíòðòíí êíòíðêê àííòàííãàíí êý ñààòíêí-êòðàêêúíêêò ìòííòàíí êê. Ííê ñààòííòàííòò, ÷òí ÷òíò ìòííòàíí çàíýê ìàíêíêíêí êàò. Ðàçíðààòíí ìòííòàíí êý ìãàêêííí êãã-ã ÷àí àííòàííãàòíí êò àííêàííòàêê. Ñàí ãàà ðàçííà àêíêíí àðê-àíêêò ìòííòàíí êê Ñíàòííêíã Ñíðçà ñ Ëòðàêêàí ìòíêòòàê ìí êíêòêàðêàá ñààòííêíê ñòíòíí. Íà òðàðêê àáíú ìííãà ìã-ããà Ñàíòêàíííêê àíêííú 1967 ñãã, ìíêò-êà ìãàêêòêàíòò êíòíòí àòêð ì òíãã àíããíò àãêííòàêê, ÑÑÑÐ ðàçêí ããàííòí-êê ñãíò àíòêêòðàêêúíêêò ìíçòêð. 7 êðíý 1967 ñãã Ë. Õàííðàí êí, ñààòííêêê ìòàííòàêêòàêúí à Ñíàòííòà Àãçíí àíííòê ÌÍÍ, ìòàêêíãêêê à ñíí-ííí ìíòýããà ìòêíýòí ðàçêíòêêð ì ìòàêêàííêê ìãý. Àúêí çàíããàíí, ÷òí Ñíàòííêêê Ñíðç ìòàêêàò àêíêíí àðê-àíêêà ìòííòàíí êý ñ Ëòðàêêàí, àíêê òíò ìòêããàòííí àíííêíêòíí òííããý ðàçêíòêêê. 10 êðíý 1967 ñãã àêíêííí àðê-àíêêà ìòííòàíí êý àúêê ðàçíðààíú. «Ñ ÷òííã ìíí àíòà, - àíííí êíãê êòðàêêúíêêê àêíêíí àò Êíííò Àíãêí, - Ñíàòííêêê Ñíðç ìíêíííòíòò ì àãçííííòí-íí, êãê à àãííòíòííêò ìòííòàíí êýò, òàê ê ìã ì àããòíí àðííííêê àðííã àíòàê ìã ñòíòííò àðããííêò ñòðàí à êò àíòííãà ìòííòêà Ëòðàêêý, ñòðàíú, ñ êíòíòíêê ò Ñíàòííêíã Ñíðçà ìã àúêí ìêãêêò êíòêêêòíã, òàðêêò ìòêããúíò êêê àíãííúò, ñòðàíú, ñ ìãòííí êíòíòíêê àíí ñãýçííããêê êíòíòê-àíêêà ê êêúíòòííú à òçí».*



*Í ðàçããàíò Ëòðàêêý Õàêí Àãòííã (àòíòíêê ñããã), ì êíêíòð êíííòðàííúò àãê Àãããà Ëããê (ìãòàíêê ñããã) ê ìííêê Ñíàòííêíã Ñíðçà À. À. Àíãêí àí àðãíí ÷àòàííí êêê àðê-àíêêý àðêòòàêúííúò àðãíí ò.*

*Àííòíò ì ðàçããàíò òà, Ëãòííãêêí, 13 àãããàòý 1991 ñãã*

Начавшаяся в СССР перестройка принесла зримые плоды прежде всего во внешней политике. Впрочем, в ближневосточной политике изменения происходили довольно медленно, отказ от устоявшихся стереотипов давался с трудом. Переговоры между СССР и Израилем об обмене консульскими группами были начаты в 1986 году. Лишь почти год спустя они завершились договоренностью о том, что в Тель-Авиве советская консульская группа разместится в посольстве Финляндии, а израильская консульская группа в Москве – в голландском посольстве. Дело было в том, что с момента разрыва дипотношений интересы Советского Союза в Израиле представляла Финляндия, а интересы Израиля в Советском Союзе Голландия. Образ Израиля, давно превращенного советской пропагандой в настоящего монстра, постепенно

обретал новые и необычные, для большинства жителей страны, черты. Важную роль тут сыграли доброжелательные публикации об этой стране в перестроечных изданиях и прежде всего в журнале «Огонек». На отношение к еврейскому государству бесспорно повлиял и приезд большой группы израильских спасателей в Армению в ноябре 1988 года, после страшного землетрясения в республике. Между двумя странами установились культурные, торговые и туристические связи. Советские власти в годы перестройки отказались от никогда не признававшейся, но всегда и повсеместно существовавшей политики государственного антисемитизма. В разных регионах Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, в Москве и Ленинграде, появились, как тогда говорили, «неформальные», то есть созданные по инициативе снизу, общества еврейской культуры. Возникли Общество дружбы СССР – Израиль, Еврейская культурная ассоциация, Еврейское историческое общество. Еще в феврале 1986 года из тюрьмы был освобожден Натан Щаранский – известный активист еврейского движения за права человека, за репатриацию. Его обменяли на советского шпиона, арестованного американцами. Вскоре началась полоса освобождения многочисленных «узников Сиона» – еврейских активистов, преподавателей иврита, арестованных по сфабрикованным обвинениям. Многолетние «отказники», лишённые права на выезд в Израиль и долгие годы пребывавшие в стране исхода в состоянии полной неопределенности, получили наконец разрешение покинуть СССР. Абсолютное большинство их сразу же направилось в Израиль. В условиях новой эмиграционной политики, сначала сотни, а затем и тысячи советских евреев смогли беспрепятственно репатрироваться в Израиль – страну, с которой Советский Союз по-прежнему не имел дипломатических отношений и прямого воздушного сообщения. Существовало несколько возможностей для того, чтобы достичь «исторической родины». Большинство из них и воспользовалось Еврейское агентство («Сохнут»), организовавшее доставку советских евреев в Израиль. Маршруты были проложены через Бухарест, Будапешт и Финляндию. Румыния была единственной страной соцлагеря, не порвавшей отношений с Израилем в 1967 году. Венгрия уже с 1985 года установила с Израилем тесные отношения, наладив воздушный мост с еврейским государством. У советских граждан имелась еще одна возможность: долететь до Кипра, а оттуда паромом добраться до Хайфы. Словом, несмотря на отсутствие прямого сообщения, с начала 1989-го и до середины 1991-го общее число евреев-репатриантов из Советского Союза достигло 345 тыс. человек. Это составило почти 24% от общей численности всего еврейского населения Советского Союза по переписи 1989 года.

Советское руководство не спешило восстанавливать дипломатические отношения с Израилем в полном объеме, хотя такая позиция явно связывала руки советской дипломатии и мешала СССР занять свое место в намечавшемся тогда раунде переговорного процесса на Ближнем Востоке. Руководство Министерства иностранных дел и иных стоящих за ним структур предпочитало к тому же, как следует из публикуемых ниже документов, подчас иметь дело с маргинальными общественными и политическими деятелями. У всего этого были свои причины. Опасались, что восстановление отношений с Израилем вызовет недовольство и раздражение «арабских друзей», что евреи станут уезжать в еще большем количестве. Нерешительность М. Горбачева и Э. Шеварднадзе объясняется и другими вещами. Полное восстановление отношений могло вызвать (и вызывало!) открытое недовольство у консервативного крыла правящей советской элиты. Эти люди явно не хотели изменения привычного хода событий, их устраивал тщательно сконструированный советской пропагандой образ агрессивного, профашистского сионистского государства.

Тем не менее демократические процессы в СССР, сама логика политического диалога между странами способствовали дальнейшему сближению. 30 сентября 1990 года в Нью-Йорке, во время встречи министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе с министром иностранных дел Израиля Д. Леви было подписано соглашение о преобразовании консульских групп в официальные консульства. Возглавил консульство Израиля в Москве опытный дипломат Арье Левин.

Наконец, 18 октября 1991 года в ходе визита советского министра иностранных дел Б. Панкина в Иерусалим было объявлено о полном восстановлении дипломатических отношений между СССР и Израилем. Генеральные консульства обеих стран получили статус посольств. Это произошло накануне открытия Мадридской конференции по урегулированию арабо-израильского конфликта, проходившей под эгидой США и СССР. Советским послом в Израиле был назначен человек, никогда прежде не служивший в МИДе, – известный публицист Александр Бовин. Арье Левин стал первым после восстановления отношений чрезвычайным и полномочным послом Израиля в СССР.

13 декабря 1991 года посол Советского Союза А. Бовин вручил в Иерусалиме верительные грамоты президенту Израиля Хаиму Герцогу. Советский гимн в последний раз прозвучал в Израиле на официальной церемонии. Однако пробыл новый посол СССР на своем посту всего неделю, ибо Советский Союз перестал существовать. Посол СССР стал послом России.

С тех пор минуло пятнадцать лет. Результаты давних событий налицо. Они-то и позволили, говоря словами Александра Евгеньевича Бовина, «сделать Россию понятней Израилю, а Израиль – России».





1. **ΑΔΑΔΟΙΤΑ Α. Α.** - εεί ΟΕ ΕΙΝΝ, ααυόαο Ααδραίτα Νταοά ΝΝΝΒ, αεααί εε, αεδαοίθ ΕΙπνέοοά ΝΟΑ ε Εαί ααυ ΑΙ ΝΝΝΒ

2. **ΑΔΟΔΑΙΟ Ε. Ι.** - εαίεαο α εείυ ΟΕ ΕΙΝΝ, çàι ανόεοαεü çàααφιααί Ι αεαοί αδραίτι ιοααετι ΟΕ ΕΙΝΝ

3. **ΑΙΔΙΑΕΕ Α. Α.** - ιδαυαοαεü Νταοίεταί ετι εοαοα çαεεού ι εδα

4. **ΕΑΔΙΤΑ Α. Α.** - ιαδαίε ιαεδαοαδύ Ιδαεαίεü Νηçà ιεταοαεε ΝΝΝΒ, ααυόαο Ααδραίτα Νταοά ΝΝΝΒ, ααίε Νταοίεταί Νηçà

5. **ΕΙΤΙΑΕΙΤΑ Μ. Ε.** - ααυόαο Ααδραίτα Νταοά ΔΝΟΝΒ, ιδαεαίε Ο Αεααί εε ιααααε-αίεεο ιαε ΝΝΝΒ, ιδαυαοαεü Νταοίεταί ιαυαοά αδκαύ ε εεεüοδίε ηçε η αδαίεει ε ηοδαίαι ε

6. **ΙΔΑΕ Α. Ε.** - ιαδαίε çàι ανόεοαεü ιδαυαοαεü Νταοίεταί ετι εοαοα çαεεού ι εδα

7. **ΑΟΔΕΕΙ Α. Α.** - çàι ανόεοαεü ιδαυαοαεü Νταοίεταί ετι εοαοα çαεεού ι εδα, εεί-ειδααί ιααί Ο ΑΙ ΝΝΝΒ, çàι ανόεοαεü αεδαοίθα ΕΙπνέοοά ΝΟΑ ε Εαί ααυ ΑΙ ΝΝΝΒ

8. **ΕΟΑΒΑΟΑ Α. Ι.** - αεααί εε, αεδαοίθ ΕΙπνέοοά αηααδραίε ε ιδαα ΑΙ ΝΝΝΒ

9. **ΕΑΙΕΘΑ Ι. Ν.** - αεδαοίθ ΕΙπνέοοά ανοίετααίεü ΑΙ ΝΝΝΒ, ιδαυαοαεü Νταοίεταί ετι εοαοα ηεεααδί ηπνέ ηοδαί Αçε ε Αόδεε

10. **ΕΑΑΙΤΑ Α. Α.** - ιαδαίε çàι ανόεοαεü ιδαυαοαεü Ιδαεαίε ΟΙ Νηçà ηαοίεεο ιαυαοά αδκαύ ε εεεüοδίε ηçε ηçαδκαείτι ι ηοδαίαι ε

11. **ΑΑΕΒΑ Ε. Ι.** - ιίεεοε-αίεεε ιαίçααοαεü «Εεοαοοδίε ηçαοü»

**ΝΙ ΕΝΤΕ**

ο:ανόίεετα εδραίτα ηοίεα ηαοίεε ε εçαεεüηεε ιαυαοάαί ιηπνέ ιι αηιθραί αεεεααηηοί:ιτα δααίεεθραίεü

(εçαεεüηεεα ο:ανόίεεε)

1. **Ι αεθ Αεεüαδ** - ααυόαο είαηια, αηι αδαεüηεε ηεεδαοαδύ ΟΕ Ετι ιαδθε Εçαεεü

2. **Οçε Ααδαι** - ααυόαο είαηια, αηι αδαεüηεε ηεεδαοαδύ Ιαδθε οδαα

3. **Υεçγιαδ Αδαίιο** - ααυόαο είαηια, αηι αδαεüηεε ηεεδαοαδύ ΟΕ ιαδθε Ι ΑΙ ΑΙ

4. **Ιθα Ιαιεθ** - ααυόαο είαηια ιο ιαδθε οδαα

5. **Οαει Δαι ηι** - ααυόαο είαηια ιο Ιαδθε οδαα

6. **Θεαί εο Αείτε** - ααυόαο είαηια, εεααδ Αεεαίεü çà αδαεαί ηεεεα ιδαα (ΒΑΟ)

7. **Ααηηι ει Αηιαί** - εεί Ιίεεοαφθ ΟΕ Ετι ιαδθε Εçαεεü, δεηιαίεοαεü οδαεεε Ααί ηεδαοε-αίεεα οδραίε αηιθραίηη ιαυαείεε Αεηοααδθε

8. **Αηηα Εαοαδ** - ιθραηηθ δεηηηεε Οαεü Αεεαίεταί οίεαδηεοαο, ο:ανόααίε α δαίια Ι αεαοί αδραίτα οαί οδα çà ι εθ ια Αεεαίεαί Αηηοίεα

9. **Μεδαί Αεαεαδ** - ηεεδαοαδύ ιδαίεçαεε αηιθραίεεταί οίεαδηεοαο ια Α Ιαçαδθε









**Ի հոգի նշանակում էլիս ա ի ղ ի հոգի էլ Եղանի:**

1. *Согласиться с замечаниями, изложенными в записке тт. Шеварднадзе Э. А., Яковлева А. Н., Крючкова В. А. от 3 ноября 1989 г. (прилагается).*

2. *Считать целесообразным пойти на преобразование существующих консульских групп СССР и Израиля соответственно в Тель-Авиве и Москве в официальные консульства. МИД СССР информировать об этом решении Израильскую Сторону в подходящее время и с учетом развития обстановки.*

3. *Одобрить предложения о необходимости налаживания связей советских общественно-политических организаций с массовыми израильскими общественными движениями, партиями, выступающими за всеобъемлющее политическое урегулирование ближневосточного конфликта.*

*Рекомендовать вводить в практику прием в Верховном Совете СССР депутатов израильского парламента (кнессета) от этих партий во время их пребывания в Москве.*

*Содействовать встречам представителей советской, израильской и палестинской общественности с возможным участием представителей других стран, международных организаций в целях установления мира на Ближнем Востоке. В частности, поддержать предложение руководства Компартии Израиля о проведении в Москве по линии Советского комитета защиты мира круглого стола общественности СССР и Израиля по вопросам ближневосточного урегулирования.*

4. *По согласованию с МИД СССР открыть в Тель-Авиве корпункт ТАСС. Предусмотреть возможность распространения на Израиль сферы деятельности корреспондентов центральных советских газет, аккредитованных в соседних с Израилем странах.*

5. *Торгово-промышленной палате СССР выступать в качестве координатора торгово-экономических контактов советских организаций и предприятий с израильскими деловыми кругами. ТПП СССР по согласованию с МИД СССР подписать с Федерацией торговых палат Израиля соответствующее соглашение, включая обмен представительствами.*

6. *МИД СССР, Министерству культуры СССР совместно с другими заинтересованными ведомствами представить замечания по вопросу поддержания культурных связей между СССР и Израилем.*

7. *Возложить на МИД СССР координацию контактов политического характера представителей советских министерств, ведомств и организаций с официальными представителями Израиля.*

**ՆԱԵՆԱՌԱԴՄ ՕԵ**

**Ի . Ա ղ ղ ղ ղ ղ ղ**

**подлинник. Машинопись.**

**Российский Государственный архив Новейшей истории (РГАНИ)**

**Ф.89. ОП.9. Д.68. ЛЛ.1–10**

## НАШ ОТЪЕЗД ИЗ РОССИИ

Моше Клейнман

Окончание. Начало в № 9, 2006



### 4.

Так метались мы от учреждения к учреждению, от одного сановного лица к другому. Жили день-деньской между надеждой и отчаянием; путного ничего не выходило.

Как при старом режиме, так и при новом советском, всегда есть кое-какие лица, пользующиеся особым расположением у власть имущих; через них иногда и совершенно невозможное делается возможным. Оно и естественно: там, где нет объективно господствующих норм законности, правопорядка, там открывается широкий простор «усмотрению» и произволу. Всё зависит тогда от личной воли, иногда даже от настроения данного правителя, воля же и настроение поддаются воздействию. Нужно только найти ту особу, которая имеет «влияние», которая может содействовать изменению воли или настроения в желаемую сторону. В старину такими проводниками влияния были чаще всего женщины, пользующиеся «особым вниманием» сановника, или врач, входящий в его дом. Всё осталось и ныне, ничего не изменилось.

И вот, после того как все легальные пути были исчерпаны, для нас стало очевидным, что без какого-либо стороннего воздействия нам не обойтись. К счастью, нашлся для нас «спаситель» в лице человека, ничего общего не имеющего с упомянутым типом, можно сказать, «профессиональных фаворитов» и всё же оказавшегося как нельзя лучше приспособленным для нашей цели. Это был молодой врач, занимавший с виду одну из скромных должностей по своей профессии в одном из советских учреждений, но имевший всё же, благодаря своей частной врачебной деятельности, доступ к «сильным мира сего».

Этот врач, А. М. Шпигель (ныне сотрудник немецкого Красного Креста, при помощи которого он оказывает неоценимые услуги многим из наших эмигрантов и беженцев), был нам уже раньше рекомендован как лицо, вхожее ко многим влиятельным советским особам и могущее наше дело сдвинуть с мертвой точки. Но мы, напуганные событиями одесской жизни, подходили к этому пути с большой опаской. Лишь после того, как для нас выяснилась полная безнадежность легальных путей и прямых влияний, мы решились на последний отчаянный шаг. А. М. Шпигель должен был нас свести с неким «весьма важным» лицом, важным именно в том учреждении, от которого зависела наша участь.

Свидание у «лица» состоялось в поздний ночной час в номере одной из первоклассных московских гостиниц, ныне именуемой «Домом Советов». Проникнуть в этот «дом» вообще было делом нелегким для простых смертных, да еще похожих на явных контрреволюционеров, как мы. Но это уже устроил наш спутник. Лицо приняло нас, полулежа на кушетке, с искривленным лицом от страданий, видимо, только что пережитых от врачебной интервенции д-ра Шпигеля (вошедшего несколько раньше меня)... С виду это был мужчина лет под сорок, из военных или же из железнодорожных жандармов, поговору и манерам – типичный петербуржец. По мере нашей беседы боль у него, видимо, проходила, лицо успокаивалось, и он становился приветливее.

Выслушав обстоятельства дела и предмет моего ходатайства, он пытался переводом беседы на другие темы выловить мои отношения к советской власти и выяснить, не намерены ли мы повести против нее активную борьбу за границей. Я был с ним довольно откровенен, к чему меня явно подстрекал А. М. Шпигель. Как раз эта откровенность ему, по-видимому, импонировала. Беседа наша становилась всё более непринужденной, так что порою я забывал, что уже третий час ночи и что я нахожусь лицом к лицу с человеком, при одном упоминании о котором у многих обывателей душа в пятки уходит... Он всё время играл карманными часами, поминутно нажимая кнопку, причем верхняя крышка отскакивала и вновь закрывалась. При прощании он показал мне ряд моментальных снимков моего изображения, поз и движений лица во время беседы. «Часы» оказались фотографическим аппаратом.

В этом доверчивом обнаружении секрета заключалось явное проявление доброжелательства и намеков на успешный исход моего ходатайства. Ничего определенного, обещающего сказано не было. Из других источников мы знали, что главной причиной задержки было вмешательство какой-то девицы-истерички, определенно указывавшей на величайшую опасность, которая грозит советской власти в том случае, если «эти еврейские черносотенцы, империалисты и антантовцы» (это всё мы, бедные еврейские писатели-то!) будут живыми выпущены за пределы РСФСР. Дело наше было явно безнадежным. Однако прошло всего несколько дней после того ночного визита в «Дом Советов» – и мы благополучно получили паспорта... Мало того, для вящей помпы А. М. Шпигель отослал нас к вокзалу в автомобиле Реввоенсовета...

## 5.

С получением паспортов, однако, вопрос о нашем отъезде еще не был целиком исчерпан. Перед нами стоял весьма трудный вопрос о вывозе наших книг и рукописей. За этим пришлось обращаться в ведомство г-на Луначарского (Наркомпрос), и нужно отметить, что и там мы встретили весьма симпатичный прием и готовность пойти навстречу нашему ходатайству в лице как самого Луначарского, так и его помощника, члена коллегии З. Г. Гринберга. Само собою разумеется, что в значительнейшей степени наш успех надо приписать магическому имени Бялика, который, как оказалось, и среди советских деятелей весьма популярен и почитаем. Тем характернее отношение к нему евсекционистов и их попытка очернить его в глазах советских правителей как завязатого контрреволюционера и чуть ли не активного врага советской власти. В этом отношении любопытен следующий инцидент, разыгравшийся накануне нашего отъезда из Москвы, вылившийся в целый «скандал в благородном семействе» и заставивший о себе говорить «всю Москву».

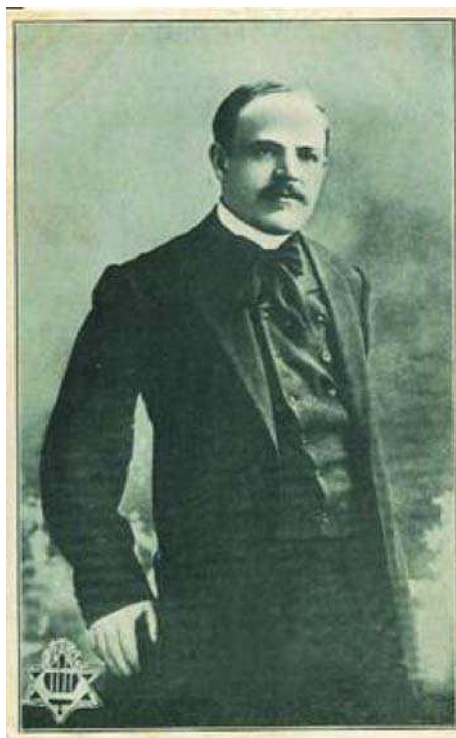
С момента, когда выяснились наши шансы уехать из России, среди большевиков, с которыми нам приходилось иметь дело, можно было наблюдать особую предупредительность к нам и повышенный интерес к нашему мнению о советской власти и ее учреждениях. На нас стали уже смотреть, как на «знатных иностранцев», перед которыми почти что заискивали, которых всячески старались расположить к себе, выражая надежду, что, мол, там, за границей, в хорошем обществе, «нас добрым словом помянете», во всяком случае, дурного не скажете. Время тогда было такое, когда большевики, покончив с белым вооруженным движением и переходя к «мирному строительству», усиленно ломали «окно в Европу», старались завязывать «торговые отношения», лелея надежду, что от них и до официального признания будет недалеко. На этом фоне литературное преклонение перед «европейски известным» поэтом Бяликом было естественно, и Бялика действительно окружали беспримерным вниманием и почетом. В литературных кругах Москвы тогда зародилась мысль чествовать отъезд великого еврейского поэта большим

торжественным собранием в «Доме Искусств», в котором должен был принять участие, наряду с другими именитыми людьми от литературы и искусства, также и Луначарский в своем качестве писателя и драматурга, а отнюдь не наркома. Об этом вечере усиленно хлопотали несколько молодых литераторов, а также заведующий Центропечатью, большой поклонник еврейской литературы вообще и Бялика в частности, удивительно культурный и симпатичный человек, тов. Малкин. Всё уже было готово. Луначарский выразил охотно свою готовность выступить со словом о Бялике; заручились, наконец, и согласием самого Бялика, хотя это не было легкой задачей при скромной природе поэта вообще, при его настроении в то время и при его глубоком возмущении господствовавшим режимом...

Однако почти на самом кануне предполагавшегося вечера прибегает вдруг впопыхах молодой поэт К. и сообщает, что «вышла чепуха», вечер «пока» не состоится. Узнаем вот что: Евсекция, узнав о готовящемся чествовании поэта, об участии в нем и Луначарского и опасаясь, как бы это не выродилось в большую манифестацию в честь еврейской литературы вообще, – а они ведь вели тогда отчаянную борьбу против этого языка и литературы, в особенности же против еврейского театра «Габима», – возмутилась. Как? Комиссар советского просвещения – и контрреволюционный язык? И буржуазно-империалистическая литература? Этому не бывать! И «пошла писать губерния». Евсекция обращается сначала с товарищеским письмом к Луначарскому: мы узнали, дескать, что вы собираетесь сделать выступление на вечере в честь еврейского поэта Бялика, вероятно, потому, что вы не имеете точного представления о том, что такое представляет собою его поэзия и кому служит его муза. А вот мы, «ученые евреи», блюстители пролетарской революции на еврейской улице, мы вам дадим об этом самые точные сведения. Бялик – это поэт отсталой еврейской мелкой буржуазии, хоругвеносец черной реакции, глашатай самой доподлинной контрреволюции, певец и вдохновитель империализма и т. д., и т. д. Чествование такого лица в красной Москве надо считать вообще дерзкой затеей не унимающейся контрреволюции, а уже во всяком случае в нем не может участвовать народный комиссар рабоче-крестьянской власти.

Луначарский был крайне смущен и этим безобразным отношением к национальному поэту, и циничным менторским тоном по отношению к нему. Ближайшим людям он будто сказал: «Эти господа положительно развивают антисемитизм». (Читатель вспомнит аналогичный отзыв о Евсекции Максима Горького в его нашумевшей беседе с Шоломом Ашем.) Однако в официальном ответе он ограничился одним формальным возражением: в чествовании Бялика он намерен принять участие не как представитель власти, а чисто приватно, как писатель; из поэзии Бялика ему не знакомо ничего такого, что оправдывало бы тот отзыв о нем, какой дан Евсекцией. К сожалению, у меня нет под рукой подлинных документов этой интересной переписки между Евсекцией и Наркомпросом о Бялике, но они у меня были перед глазами в Москве. Я процитировал их приблизительное содержание на память и ручаюсь за аутентичность если не в словах, то в смысле.

Всё же Луначарский испугался. Он просил устроителей вечера отложить его на неделю. Евсекция, в свою очередь, не удовлетворившись ответом Луначарского, настаивала на полном его отказе от участия, пригрозив ему партийным дисциплинарным судом. Но тут вмешался сам Бялик и наотрез от чествования отказался. Так оно и не состоялось. Разрешение на вывоз книг и рукописей мы всё же получили.



*О. И. Айвәзјә*

## *6*

Наш приезд в Одессу «на щите» произвел фурор и буквально всколыхнул застоявшееся местное болото. Наши квартиры буквально осаждались просителями, дававшими нам всякие поручения к дядюшкам и теткам и просто к знакомым, уже счастливо пробравшимся по ту сторону рубежа, но «позабывшим», по видимому, о страданиях оставшихся здесь... Более близкие приходили заручиться обещанием, что, как только будем на той стороне, мы оттуда организуем и их спасение, а иные просто приходили узнать – «верно ли?» – и выражали дикий восторг, получив утвердительный ответ. Одним словом: отбою не было. Между тем у нас-то на душе очень еще кошки скребли, ибо доносились слухи, что местные власти собираются саботировать московское разрешение: ведь здесь, мол, Украина, а не Россия. А без местной власти обойтись нельзя было. Кое-кто даже собирался толковать это обстоятельство так, что требуется ратификация Харьковского правительства, а без него разрешения, выданные Москвой, не действительны. Мы же склонны были рассматривать себя как граждан РСФСР, выезжающих за границу через пределы «федеративной с нами республики». Этот юридически конституционный вопрос дебатировался очень серьезно и очень долго. Прецедентов ведь никаких не было, формальных постановлений – подавно. Мы были первые, получившие право легально выехать за границу из пределов Украины, и всё было так неожиданно, так странно для самих властей.

Для выяснения положения мы решили пойти в исполком, но там узнали, что дело подведомственно не им, а губчека. Пришлось сделать визит председателю губчека. Нелегко нам было решиться на этот шаг. Прежде всего, предстоял известный риск, как бы у нас просто не отобрали разрешения и впредь не дали бы даже возможности опять хлопотать в «центре», – от наших местных правителей всегда можно было такой «трюк» ожидать. Но даже уже самая встреча лицом к лицу с этим палачом нашего города внушала ужас и отвращение. Ведь всего недавно жертвою его жестокости пали два близких товарища, ни за что ни про что убитых в его застенке. Мы долго колебались. Но страстное желание вырваться взяло верх – и мы отправились в логовище зверя.

Пропуск нам достался при помощи дружественного коммуниста. Мы прошли через ряд часовых в воротах, внутри двора, на лестнице вниз и вверх и прошли в просторную, хорошо меблированную канцелярию. За обширным письменным столом шустрый мальчишка, по виду лет 17, в кожаной куртке и с револьвером за поясом. Он нас смерил взглядом, проштудировал несколько раз пропуск, поставил на нем штемпель и молча указал нам на дверь, ведущую в следующую комнату. Там повторилась та же процедура с той только разницей, что за столом сидела девица вместо мальчика, но всё в той же неизменной кожаной куртке. Так мы проходили из зала в зал в этом, некогда роскошном, барском особняке на некогда кокетливой улице

Маразли, и в каждом из них натыкались на одиноко и молчаливо сидевшего у стола человека, неизменно мерившего нас глазами сверху донизу, тщательно обследовавшего пропуск, ставившего на нем свою печать и молча указывавшего нам на следующую дверь. Так повторилось несколько раз, и у меня было ощущение, что я странствую по казематам черной инквизиции XVI века.

Наконец мы очутились в небольшом, но роскошно меблированном зале. За высоким массивным пультом на высоком удобном кресле сидел высокий худощавый мужчина, с продолговатым, неприятно уродливым лицом, но статный и властный. Он был одет в тужурку, галифе, опоясан револьвером. На столе лежала куча бумаг, а по бокам, с обеих сторон, блестели браунинги. Это и был грозный тов. Дейч, чье имя упоминалось в нашем городе с ужасом и проклятием. Он жестом указал нам сесть на стоявших перед столом двух элегантных стульях и ждал, что мы ему скажем. Слушал он нас всё время с опущенными глазами, что меня не удивило, ибо я давно уже наблюдал, что чекисты никогда не смотрят прямо в глаза. Выслушав нас, он несколько оживился и стал выспрашивать, зачем мы так хлопочем об отъезде и чего нам тут недостает. Затем он перевел разговор на сионизм и Палестину, высказал обычные в его кругу взгляды и, наконец, сказал нам решительно и откровенно: если бы от меня зависело, я вам разрешения на выезд не дал бы, но если Москва рассудила иначе и всё же выдала паспорта, я вам мешать не буду. Но также и помогать не буду. Уезжайте, как знаете. Тут он поднялся в знак того, что аудиенция окончена.

Мы ушли, значит, ни с чем. Но мы узнали, что он, по-видимому, не вправе отменить московское разрешение. Тогда мы пошли к представителю украинского наркоминдела. К нашему великому удивлению, оказалось, что полномочия этого представителя гораздо больше, чем у местного чека, что от него именно зависит нас выпустить и что он-то принимает московский штампель безоговорочно и выезд нам беспрепятственно разрешает, если только мы найдем средство сообщения. Через несколько дней мы сговорились с греком, стоявшим в одесском порту со своим пароходиком, на котором он якобы привез из Константинополя товары для Внешторга (это был один из первых константинопольских купцов, начавших в то время торговлю с Россией под итальянским и греческим флагом). «Пароход», вернее катер, еле вмещал наших 33 души (11 семейств писателей) и пудов 300 нашего багажа, но мы решились пуститься на нем в море и при сравнительно благоприятной погоде достигли Босфора через двое с половиной суток.



## 7.

В Константинополе наши мытарства кончились еще не скоро. В Босфоре нас визировало контрольное судно французов и задержало, как подозреваемых большевистских эмиссаров. В самом деле, было странно по тому времени, что вдруг выпустили людей из России, да еще евреев, да еще писателей. Русский офицер из белых – на службе в французской контрразведке – принялся нас обследовать. Первый ехидный вопрос, который он нам задал, был: как это мыслимо, что еврейские писатели бегут от еврейского царства, и как это мыслимо, чтобы большевики свободно выпустили нас, если мы писатели не большевистские. Затем началась пытка выпытывания у нас «точнейших сведений» о расположении красных войск, о намерениях большевиков относительно Бессарабии, Польши и так далее. И делались многозначительные жесты недоверия, когда мы заявляли, что обо всем этом ничего не знаем, да и знать не можем.

Так держали и пытали нас трое суток. Муки жен и детей, валявшихся в грязных трюмах нашего судна почти целую неделю, и перспектива быть возвращенными обратно в Одессу создали в нашем маленьком гнезде атмосферу крайнего напряжения и нервозности. Было действительно близко к тому, чтобы нас прогнали обратно, и одна мысль об этом приводила нас в неопиcуемый ужас. Только благодаря энергичным мероприятиям занимавшего тогда должность директора «Джойнта» в Константинополе З. И. Темкина мы были спасены от этой участи. На четвертые сутки мы были спущены на берег под протекторат английского комиссара, который выдал нам паспорта. С этого момента мы попали в разряд горемык «русско-подданных без отечества», и потребовалось двухмесячное пребывание в Константинополе, обивание порогов у всех консулов, пока мы получили визы на дальнейшее продвижение в Европу. Но это уже «обычная история».

*«Дайджест», 1923 г.*

## МАТВЕЙ ГРУБИЯН

*Ἐπίτῳ Ἐἰσὴν*

*Ἴ ἀόρατῳ Ἀδμαεῦ - ὀδῶδες ἰγυὸ, ἰπῆρα Ἴ. Ὀλεῶν ἐ Ἴ. Ἐξόσῳα - πῦρ ἀεὶ πῦρ ὀαῖθ-ἀποαῖ ἐ  
ὀδῶδες - ἀεὶ πῦρ πῦρ ἀ πῦρ ἰαῖ ἀεὶ ἐ ἰεῖσῖ ἀεὶ - αἰεὶ πῦρ πῦρ ἢ Ἴ εἰπῆν, οἷοῦ ἀεὶ πῦρ ἰ ἰ  
ὀδῶδες ἰ ἀ Νιεῖτῖα*



Ему были свойственны черты советского еврейского поэта первого послереволюционного поколения. Воспевая новую жизнь и отправляя в поэтическое небытие старую еврейскую местечковую, описывая тайники в шахматном столике Ленина, в которых хранилась большевистская «Искра», Матвей Грубиян активно разрабатывал в своей поэзии и неожиданную тему: он настойчиво воспевал казавшуюся ему возрождающейся еврейскую жизнь в послевоенных местечках. Поэт, в годы Отечественной войны обращавшийся от имени своего лирического героя с просьбой дать ему «лошадь Ошера Шварцмана», стал раз за разом описывать возрождение еврейских местечек, сожженных войной, строительство новых домов евреями, наследующими профессии своих предков, и т. д.



*Ī ēlīē.*

*ēpēü 1944 āāā*

Однако не мог еврейский поэт, считавший необходимым говорить со своим народом на еврейском языке, «одевавший» свою любимую в слова родного языка, остаться вне еврейской традиции. В комментарии к посмертному «Избранному» 1979 года сказано, что в стихотворении 1961 года, написанном под впечатлением от процесса над А. Эйхманом, «автор ассоциирует его злодеяния со зверствами, описанными в ветхозаветной (или библейской) (так! – Л. К.) книге “Эйхо” (Плач Иеремии)». Не зная, что еврейские книги называются по первым словам текста, невозможно понять ни это стихотворение, ни его игру слов, однако даже очень ценивший Грубияна и переведший стихотворение Л. А. Озеров не мог открыто сказать, что советский еврейский поэт пользуется иудейской книгой. Отсюда странные двойные и противоречивые именованья книги пророка Ирмияу.

В другом стихотворении – о засухе и чаемом дожде – поэт вдруг вспоминает соответствующую еврейскую молитву, назвать которую не может. Ведь не всегда фамилия фашистского палача «помогает» ввести в стихи нужный еврейский мотив. Тогда он применяет забавный прием: стихотворение о дожде относится во времена детства, а молитва превращается в детскую считалочку:

*Ā-ā Ā-ā äëÿ äüü ðäÿò çäi èè*

*Öäiëüé äŕææè-æé ĩŕöèè!*

А другой образ явно обыгрывает библейскую цитату из молитвы на Йом Кипур со словами о том, что молящийся просит Всевышнего простить все прегрешения, когда «гортань его уже пересохла»:

*Ī ūā ā ðēŕ - ūā:ŭé äüi ūōŭā*

*Ŋēāŕçüēŭōŭōüé äöøè ēpāŭēēā*

*Öéäòäèè ääüŭŭ ā ūāŭŭāŭā*

Сложная поэтическая образность, которую к тому же скрывает от читателя непонимание переводчика или, наоборот, полное понимание и желание сохранить ее под спудом советских литературных правил приличия, скрадывает оригинальность поэтического мира и дара Матвея Грубияна. Однако это беда не его одного.

А наша задача в том, чтобы сегодня – уже только для самих себя – восстановить слово и имя каждого еврейского поэта, ибо «ни одно имя не должно быть забыто в Израиле», сказано в «ветхозаветном» и «библейском» (по выражению атеистов из «Советского писателя») Второзаконии – Дворим.

Рассказ о Грубияне мы завершим упоминанием факта трагикомического. Стихи еврейского поэта о местечке переводил, в числе других, и славный своим антисемитизмом Лев Гумилев, в этом вопросе явный антипод своей матери Анны Ахматовой. Впрочем, неисповедимость путей Всевышнего не нами впервые отмечена...

## Ì ÍB ÒÈÌ ÍÁÐÀÓÈÈ

Í á ðààè òòòèè á íáíáí ðàçáí áí ðá,  
Í á àéý ò íá, ÷ ò í á ðàèè ò ú íá í ð,  
ò í ò àé áú ý í á í í á ðàèè í á í òý  
í í ò àèè ò ú ò è í í á ðà è ð í á í ð.

È, ò ò ý á í á è à ò ò à á í í è í ò ò ò í,  
è í à ý è è ò ú à ò ò í á ú è í ò à ð á ð  
ý à éý í á á í ð á á ð à è á ú ò í è ú è í ç á ç á ú -  
í á ò ý ù è à ð ý è è ò á ð ú í á á á í

Í ò ò ú ý ò à è í è à í á ò í á ò í á á ú á à è,  
Í á è è à è ò à ð í í á á ð à - í í è í à ò ò à ð í è í è,  
à ò í è ú è í á è à à è, ò í è ú è í ò è í á è à è à à è,  
í á í ð ò í è ú è í á è à à ð í í ò ò è í è.

È á í á í á ò ò í è à è í è í è í è è è,  
Í á ò í è - à à í ò í ð à ç á í ú ò í á á ú è è ò  
á ò ò í, ÷ ò í ò ò è è ò ò ý è ò í á ý á í ò í á è à  
í í í á ð à è í á á í á í è ò ò ò ð á í è ò.

Í á ð à á í á á í í ú è ý ò à è í è í á í á ð è,  
Í á ú ú ý í í á á ð à è í í ú ò ð á á í ò,  
è ç á à è ò í á - í í á í á í Á ò è è à á ð ò -  
ý í á á è á ú à éý è í è à í á ð á í è à ò.

Á ð í á á ð ò à, è ç í á ç á à è ò ò í è à è á à ò è,  
ý í á è á ú ò à í, á í á í è á í è ò ò à è...  
È ò ò í í ú è á à ò á ð í á è à à ð ò ò í è à ò ú ý  
í í ð á ú è í è à ð ç á í ò ò ò í è è ò ò à è.

1959  
Í á á á í á ð ò ò è à à ò ò í á é ý è í á á

## ÁÁÒÑÒÁÍ

Ò à è á ú à é ý à è í í è á í í ...

Í á ò ò à - è à á ð á í ò à  
Ñ í í è à è ú á è, ð à è í ð,  
Ñ è ð ò ò ú ý í í è í è ç á á í ò í è,  
Ñ á á ð à è ò è ò í è í ð,  
Ñ í á ð í á è ç è í ð,  
È ò «- á ò í í ð í á á á á í è»  
Í á í ú è ú í í è è à à è ú á  
Í á á á á í ú í è è à è à í è  
ç á í á ò í á è è è,  
Ñ ò í è ò á á ç ð á á í ò ú  
Ò è ð ð è ú ý á í á ð à è á  
Á á à è ò ú ò è ý ò,  
Í í á ð à è á í ú á á á ð á ú,  
Í á á ò ò ý ó ò à ò  
Í í á ç á á í ð á í è í ç á í  
Á á ç á í á ð ò ò ò ò à ò ò  
Ò í ú è í è á ò ò í í,  
È è ò ú á á ð á ú á ð í á è ò  
Í í á ò ò ð á ð á í ç á è ò í í è  
Á á à è ò ú á ð á ý ò,  
Á í è í á ò à è ú í í - ò ò ð í á è.

Èçãç: èé àéóóíé...  
 Í èí ò í à u è è à í ñ í í à è...  
 È è ò ù ñ è è è à ò ò í ò è à  
 Á í í : è í à í à ò ñ í à ò,  
 Á á á à é à ñ è ò ñ í í ò í à  
 È ò ý à è ù á è ñ í ù...  
 Í à í à ó ò í é à à à à è è  
 Á í è ù è ò ò à í à ñ  
 Í ñ è è è è í í è í è í è è à  
 È à ò ò ó í ò ñ à  
 Á à ñ è ù ò à à ò à è  
 Á í è í ò ç à ý ñ ò à ý...  
 È è ò í è à í ù é ç ò ù  
 È ñ í ò à í à ñ ò ñ ò à ý,  
 È ñ ò ò à è í è è - í à í ý é,  
 È Ñ è à è ò ù è è ò à í è à  
 È à à ò ñ ý ò à ý  
 Í à à à í ò ò í é ò ý à è à í é;  
 Á í à ò à í ý í à è à à ù  
 Ç à à è í à ç í à í ý  
 Í ò ñ è è à ñ í í à à è è  
 Í à ñ ñ í í à ñ ý í è.  
 Á ñ à è ò à è è  
 Ý ò í é à à ò à í è í è à í è,  
 Á ñ à à ù è è ñ ò ò ñ è ò à è è  
 È ò à ñ è í à ñ ñ è à í à  
 Á è ý à è à è ù í é à í è è,  
 Á à ç à è ñ ò ò í é è à ñ ò è,  
 Á à ç à ñ í ù ý è à í è è  
 È í ò í : è ò í à ñ : à ñ è è,  
 Í è í è ò í í à à à è  
 Á à í í à ñ í ù é ñ ò è ò,  
 Í í à í è ù à  
 Ó í í è : à í í à ù è í í ò í í è ù  
 Í à ñ ò ù ç í à ò ò í à ý ò ñ í  
 Á à ñ è ù à à à ò è,  
 Í í í ò ñ ò ù è ò è ù á è à  
 Ó à à ò à ò í à ç à ñ è à  
 È í ò ñ ò ù  
 Í à ñ ò à í à ò ñ ý ñ ò ò à è í ù ò í ò ò à ò è í,  
 Á è ç à í è è ò ñ í ò ò è í  
 Í à í ò à è ò à ñ í ñ : à è à

1939  
 Í à ò à à í à È ù à à Á ò í è è à à à

**Ì Í É B Ç Û È**

È ò í ñ à ò ò à ò à ñ à è ý à ò ñ í í à  
 Ó à è ò à í í - ò à í í, à ñ ò à ñ ñ à ò à?  
 × à ò í à ò ò í à à í à à à ñ è í à  
 Á ý... à ý ò à ý ç à ñ ò à ý ò ñ í  
 Í í à í è ò ñ í í è à à ç ò ñ í ñ à è à  
 È ç ò à : è à ñ ñ : ù è ñ è ò ù à í í è ò ñ à à -  
 Í à à è ý ò í à, ò í à à : à ñ è í à à ç à ñ è à  
 B à à ò ò ò à à í, í à í ñ í à à è à à è è,  
 Í à à è ý ò í à, ò í à à í à è è è ò à è à í è ò è,  
 Í à ò, ý ò í : ó ñ à à í ý, à ñ ò ñ è : à ñ à  
 Ñ í à ò ñ à ñ í, í è à è ò ñ ò à í í è í í é : à è à è,  
 Í ò ñ à à è ò ò ý à è è à ò à ò ñ è ñ ò ù à í ò è,  
 B à à ñ ò è ò ù ò í : ó ñ í í è ñ í à ò ñ à ñ í  
 Ñ è í à à ñ è ñ à ò à í à à à à è ñ è ñ í ý ç ù è à

Í řářáí řáőíáé řářđéőúđáéá  
 Í řá řáőíéí řáářářáí,  
 Í řářáí řáőđú, ÷đí áééřđáá říđí ř:áđ,  
 Í řářáí í řđđ (í éđ áá říéúóíé),  
 Éíđíđí óíá íóáéáí řáđářá:éé,  
 Éířáá říéí řářđéőúáúóá řáőóíé.

1963  
 Í áđářá Éúřá Í řáđřáá

\*\*\*

B í řááú í ářđé íá íéá:á đáááí éá  
 É řáí áářéáá á óđé đáçá řđóáé,  
 Éířáá á íí ří áyeyř éáéí é çáí í éí  
 É ÷đí-đí í đáéđáú řá éáí áóáé.

B řđóíééé í ářđé íá íéá:á í ářéúóíí,  
 Ńđéđé íí-ááđáéřéé óáí:á íá đířáó,  
 É řđóáéř áá í řá áí đáéúřéé áéőíáé -  
 Á áá:ííí í đéáđířáí ří řáó

É íáúđ í éőóí ářáđ áář, ááđé,  
 Í á ářđéđáý í đóí ářééđ řéáç,  
 Í ářáđ, éíđíđúó áářáí éé ááđáđ  
 Ááçáéířđóí í ááéúí đó çáí éé đí ář  
 1963

Í áđářá Bđřířááá Ńí áeyéřáá

É ÁÁÍÁ Í ÍÝĐÁ

×đí íá đááý í ááđóú, í ýý áéáá?  
 Đáçáđřířáí í úá í éřúú áí á,  
 ×đí ááđđíí óí ářéí?..

Í áí áá, áá éđřáđř ářđéáí éááéúé éáá?  
 Đááá íí áááđ áééí í íááđ, -  
 Í áááđ íá çáí éř óýáééí...

Đářířááđ ú đáí í éá đřáí úó éđááá?..  
 Ááç í éó áéáçá - éáé óúřééíá řđóáééí.

Í áééáéó řááđ éőđ ří í áářáí ářđóáí ú  
 Í řéí řđéóíí, éáé óáí úđ çřéí đóíé,  
 Ńéđáí é ó á đéá óáéé.

Í đéíí í é í éířéé éář í řđáí úóá ářđóáí ú  
 É řáí řáé áář í é í áđýá,  
 Ááá í řéí éáé đářééó í řáíé.

Úááý í ááí ó á řéí á:í óđ đéáí ú  
 ×đí á í í é óááđ í é í đó đí ří áá řááđá:ú  
 Á ářéé řéí óá ááéééí,  
 Úááý í ááí ó ý  
 Á áářáí í óđ đřáí óđ đá:ú

1969  
 Í áđářá Í éřú Áí đřéí é

### ÓÍ ĐÍ ÁĐÁÓ

Ááá óí đí řááđó? Í í çářú ééé í đř:ú đéáđáé?  
 Çářú Ńđééó éáé í é á:áí í á áú ááéí.  
 Ááđáí ří ýóú í áééí í ééřý, á ááçřé



iĩāyāāē  
 È íāāōīñēé íā āēīāō īīēōūāāēī.  
 Í ā īīāōā-ēāēē āōōōī íā āīāñōīūē  
 ñōēō,  
 Í ā ðāñēēāīāēé ī ðēōāē íā-āēāē ī íēō!  
 Āīyī ñāī ūyī íā ñēāī ūyō āāāāyī ī ūō ñēāēō.  
 Òēōēē āī-āā. Ñōāīōā  
 Āīyī ñāī ūyī...  
 Āō, ēāē ā ñāāōā  
 ē ā āīāēā ūāī ēō!..  
 Ī āōūñīōōīī (ā āī āīōāī çāīōā);  
 ðyāīī - āāāōēā, āāī; ñī ðāāī -  
 āāō ē ñāñōōā;  
 Ñēāāā - ēōðēī, ñāīyī-āī ēōā, āāō āī ðā -  
 Ī yōū ēūēēāō ūō āēīā..  
 Ī āāā īēīī ñō āēūū ūī...  
 «Òāē, íā āāē āō ūyī!..  
 Āūñō ðāē ē āūī ...  
 Ñēāī çī íā ī ū āēō yī ēē íā ī ēēūō ūāēāō  
 Āīāñē ē āōāñē..  
 «xōī íāī ī ðēyōīāē āēyō īīā -  
 Ī īōā ñēīāēīē? Ēāñē? Ēēē çāī íē ā āīāō?..  
 Ñāāōā, ñāāōā ī íā çāōēāāī ēēīñīō ñōīīā  
 Í ā ñōīēāō ī āyī āēāī ūē ī āī āē ñāī ūē -  
 Ōīōīāāōēyī ā ðāī ā.. Ōī īēēēē āīā ī ēēē..  
 È ōīōīāāō ñāī ðāē, ÷ōī íā īēā-ē ī íē  
 Ī īēīāēē ī āōāñē ī ñēēā ðāī ēūā ðēē.

1957  
 Í āāīāīā Ī āō ðā Ñāī ūī ēīā

**ĀĀĒĒĀĀĀ Ī ĒĪŌĀĀĒ Ī ĪYŌĀ ĪŌĀĀĀ ŌĀĀĀŌĪ ĀĪĀ**

Āīñē ī íā ñāāūā ī īēīāēō  
 Ñ-āñō ūā ūāāñē ē ī āñē -  
 Ī īāāñēō ūī ðīōōī íā ēīōāāūī  
 Ōāāñōī āīā Ī ōāñā

B ā ñōēñāī ē çīēīōñī ē  
 Āē ī īāāēē ēīī ūōā  
 Ī ðēē-ēē ī āāā āōñēī ē  
 Ī āēī īñōūp ī ðēñūōīē.

Ēīēēē āē ÷ē ðāē āū ñō ðāñōīī,  
 Ēāē āōçyīī, āūāāēī,  
 È íāā ī ðāñēīē ēō ī ðāēñāñī íē  
 Ēīōāāūī āū ðūāāēā

B āē āēāāēē āū īā-āēūī ī  
 Āñēāō āē, āçāūōāyī: -  
 Ōū ñāñāī ñāī ðēī āī ōāēūī ā,  
 Ēīōāāūī āī ðīāyī.

Ēpāē ñī āñōī ū, īī íā āñyēēē  
 Ñī āñōū āñō ðā-āāō ñī āñī āē.  
 Ī īī íēōū āñāī ēēā ā āōāēā  
 Āñī ē ñāēñō āēāçī ūē?

Ī ī ōīāē, ÷ē ðāyī āēñēī  
 Ī āñāīā ñō ðīēē..  
 Ōū īāāōā ōū, ēīōāāēā,  
 Ōī ōāīē ī āāēāēēē.

Néooáé ñàòüàì : íá eáñáò  
Òò, èòí áíáðíé áíéáé  
Á áíé èááò è ñòááéýáò  
Æéçíüíá ðàòííì ííéá

Ýòí, ááòèá, íá çáááá,  
Óíáñé íáñÁ-æá -  
Ýòí çíá-èò, ááá èáé èááá  
Náðáóá ðáñò ðááí æéé.

Í áá áá ñò-éçííé ì èéíé  
Áçáééñý áüì óóáñí úé,  
É òáíé ííáíáñý ññééíé  
Í àòýí óé íí æéáñò íí.

Ðáçáíýé íí áðáæüé òó-é,  
Níáíáéíá íáí áéí.  
Ní áðòüñáé òáíáó  
Íáí éíó-éé  
Níéì íá ðáç íéýñáéá

È èñòáé íí èðíáþ -èñòíé  
Í à òðááá ííáí íáé,  
Í ðíñéýá çáçáíé éó-èñòíé  
Èþáýì á òáì áí íááí üý.

Èíóááü -óáí áíðíáá  
× òí ñéáæó òááá ý?  
Á çáí èþ òü óááðü ííáþ,  
Nòóéíé ìíñéüü áá

Í æáñé òü ðæáíüñí ýðüí  
Òáí íúé èáíé ííéá,  
× òíáü áí íáíáíéíü ííæáðíí  
Í á çáí æééáñü áíéý.

Í çáí éý ì íý ðíáí áý,  
Áóáü áíááá ñ-áñòééáíé,  
Í è òðááíá íé ááá íá çí áý,  
Ðáñóááòáé íá æéáí!

Áíéé æ íááí òüñ á íáéíæéò,  
Èáé á òí óóðí éáòíí, -  
Í íááðéòüí ðíóóí íá éíóááü  
Óááðüí áí á-ííýòá

1959  
Í áðááíá Í áò ðá Náí úí éíá

## ÝÉÓÍ<sup>11</sup>

Òá, ñéíá íáææáó áí áñòáñ éíæáé  
Òü ñòíááé á ñò áðáí üí íçááðéíí;  
Òá, éíá òü áí áé éííáòüí íáééü  
Áéý ñáý ñáí èó íáðáá ðáñò ðáéíí;  
Òá, éíá òü íá ñòíéü óééááü ááé,  
× òíá óééòü íéíóáòíí,  
éáé éáñòáòíí;  
Òá, éíá òü çáæéáí çáéáí úáñé  
Á çáí èþ éðüéúé ñá - çéí íé è éáòíí;  
Òá, éíá, éáé áðááíá, óðáááéýí è  
Óéíæéá ááí çéííí íáééááé;  
Òá, éíá ðáñò ðáééáé òü áñ éíó

Í à ðàçàòì ùààÿ, í à ì í à à è;  
 Òà, è ì ã à à è è ò ù à à à à à à à è à ò  
 È è ì ã ì à à à ì ÿ è í à ì ù è ì,  
 Ó è ì ã à à à ì ù ò à à à è í è à ì í è  
 Ðàçà è à à è, - è ÿ ò ì à ù è ì, à ù è ì;  
 Òà, ÿ ù è ç ì è ò ù à ç à ù ñ ì ÿ ñ ì  
 À è è ò ù à ò ì ð à à è ò ù è ç ì ð ò à,  
 Òà, ÿ ù è è ì ñ ì ò ù ñ ð à ç à è è ñ ð à ç ò  
 Í à à à ñ ì ò à ù ÿ è, ì è ñ à è ñ : à ò à;  
 Òà, è ì ã, ñ à è à à ÿ, ñ è ç ù ì à ù ì ì ì  
 Í ð à à ð à ù à è à ñ à ù à ì à è à è à;  
 Òà, è ì ã ò ù, è ñ ò ì ì ì è è à ñ à è ì ì è,  
 Ñ à è : ù ò ì ò à è - ì à ð ì à ù è à à è à, -  
 Òà, è ì ã ò ù ì à ò ñ à è ì ì à à ñ è ò ù  
 È è è à À ò ò à ì à à è ù à à ç à à è è ò ù  
 È è è ð à ñ ò ð à è ÿ ò ù à à à ò Ò ð à à è è ì è è,  
 È è ù à À à à à ò ð à ç ù ì à è è è è ò ù -  
 À ñ à ì ù, ì à ð ò à ù à è è è à è à ù à  
 Í à ñ è ì ì, à ñ è ì ð, è ð ì à ñ ð, à ñ ì ù, è ð à è,  
 Í ù à à ç ñ è ì à ñ à è à à ò à è ù ò à ù ì : ÿ è ò ì!  
 ÿ ò ì à ù è ì! ÿ ò ì ã ì à à à à ò!

1961  
Í à à à ì à È ù à à Í ç à ð ì à à

À Í È À Ù

È à è ç à ð ì à, è è ð ð ò ì ù ì : à ì ò è ò ù ì è ì ì.  
 Í ì à è ð ì à è è à è ð ñ ñ è à à ò ù è ì à à ì ì?  
 À ì ì à è ì è è à à ò ÿ ì ñ ò ì ÿ ò ù ì ì à à ñ à è à à ì ?  
 Í ò ð à à è à ì è è à ñ à è à ù ì? Í ò à à : à ò ù ì ì à ñ à è à à ì.  
 È ò ì ç à à à è à ù ì ð à è à à ì ì à ñ à ì ù è à ñ ì ð ñ ñ  
 Ç à ì è à ì à ì ì à ñ ù ÿ à è à ì è ÿ à ñ ñ ç?  
 Ò ù ì ì ì ì è è ù è è à à ò ñ ò à ì,  
 à ì è ì à ò ò ò ì à?  
 Ñ à à ñ à ð ñ à è à ñ ò ù à ù ò à ì ù à à ò ð ì à?  
 À à ð à à ÿ à ñ à è à à ì ç à ò è à à ì ò è ñ ì, à ñ à ì à  
 Ò à à ò ù à ñ ì è à ð ò à ñ è à ñ è ù à è ì à  
 È ç ò ð à à ñ à ñ ñ ò ì : ì ù ò ò ñ à è ò à ñ à à  
 Ç à à ñ ì à à ò ù ì ì ÿ ì ì à ò è à à è ì ù à à à à,  
 À è ñ à ñ : è è ì à è è ì è ù à ò ò ì ì à à ñ à à ì,  
 È ì ù, è ò ì à ì ò ñ ò à à ÿ, ì à ñ ì è ì ì à ì :  
 «Á-á Á-á à è ÿ à ñ à ò ð à à ÿ ò ç à ì è è  
 ð à ì è ù è à ñ à è à è ì ì è è!»  
 À ù à à è ì, ì à à ù ì à à à ò à ñ à è à ù - ì à à ñ ð ì à  
 À ñ ð ì à ù è ì ù è ù ù ù ì è ò ñ à è ò ì à ð ì à  
 È ð à ñ ò ù ÿ ì è ì ñ ù ì ð, à ñ ì è ì è ì à à ò,  
 È ì ð ñ è ò à ñ à è ÿ ì ì è ì à : à è ù ù ù è ì ò à à.  
 È à è à è à ì è ÿ ò à ñ à è ÿ, à ñ ÿ à ñ è à ç à ò  
 à ñ ð ì à à  
 Á ñ à à ò à ñ ì ñ ò è ì, ì ì à è ò è ì - à à à à..  
 Á ì ù ì : à ò ì ì à ò à ð è ì ð ÿ : ò ò à à ò à è  
 Í ò ç à ñ ì è è ò, ì ò ð à à ñ ñ ò ù ì à ñ ñ ì è ò  
 à ñ à è è..  
 À à ð à ç à ñ ì à ñ ò ì ì ì ì ò ð à à ò ì à ì, à ñ à è à ù ì?  
 À à ð à ç à ñ à ñ ñ è ò ñ ÿ ì à ì ñ à à ì ì ì à ñ à è à ù ì?  
 Í à ì ð ÿ : ò ñ ì ò è è à ì ÿ, ì ò ñ à è à è ñ ò ð è.  
 È ì à à ì, è à ñ à è à ù ì è à à ð à à ÿ - ì ì è.

1964  
Í à à à ì à È ù à à Í ç à ð ì à à



## Ì Á × Í À B Ò DÓ Á Á

Ì í á ã ð è í - í á : í é à ù ì í ò í á  
Ñ è à ù è í ò í ò ú é à ó è è þ á ñ è è á  
Ò è à ò à è è à ù ñ ù , á í á á í ñ á ù á  
Ì á ì à è ò ù ñ ÿ : è ò ù ñ ÿ : ñ ñ æ æ á í ù ò  
Ì á á í ì í é í í à è è í á á á ñ á  
È , ó ì á á , ì í á ç à ñ ì í à è à è à ç à

Ì ð ì ù á ð ÿ è ò á á ç è í í ó á  
È ð ñ á ð ÿ ì á ó à è è ì ò ó á  
Ì á ñ ò ù æ á á á á ò ì ð ñ è è ÿ ò ù ñ ù : á ð ì ù ì  
È è ç ì ù ì ÿ -  
Ó æ è í è ù ÿ æ è á í é -  
Ò à ì , è ò ì ñ í á á á ò ì ò à è  
Ì í á ã ð è í  
Á ç à ù á è ò ù á í á á í á : í é ò ð ñ á í é .

1965  
Ì á á á á á È ù á á á ð è í ñ è í á

## Á D Ó Á Ó

N. Á à è è è í ó

Á í è ù ì . Ì : á ì ù á í è ù ì .  
È ð ñ æ è ò ñ ÿ ñ ì á á .  
Á á ñ ì á ñ á á ñ á ñ ì è ò è í ì à è á í ù è è ,  
Á á í á ñ  
È è á á ò ç à ì á : à ò à è ù ì ù é : à è í á á è ,  
× ù á á í è ù ì í á ñ á ð ó á  
Á ñ , ò á á ò ñ è à æ à ù ì á í á ì .

B à è á á ñ è í á è ÿ þ á á ñ ì í é í é ,  
Ì è ð ì í á æ è ù ì á ì ò ò ù ì á á ñ ò ì ð ñ í á  
Ì í é ò è ò è í á è ì á á ò á è í ñ ñ á í é ,  
È í í á ò è ò ì í ù è í ð á ñ ñ è à ç ù á á á ò ì í á  
Ý ò ì ò : à è í á á è í á ñ á þ ñ á á è  
È ñ á á è ÿ ò ù ñ á ð ó á è þ á ñ è è á ì í á  
Ì í ì ð ñ ò í é : à è í á á è ñ á á è è þ á á è ,  
Á ñ á á è ì ÿ ò í á á á ñ ò ÿ ò , ì í á í á  
Á ò á ì á ð ÿ ò ì ò á í á  
Ò ì ò ù á ù á è ð ñ á á ñ è á á ò ù ì í á  
Á í è ð ñ á

Ò á ð ó à è ì í á ò ó í é í á ì í á ,  
Ò ì è ù è í á á ñ ñ á í í ù é è á á ð ì ù é á ð ñ á  
Ì á ð è ÿ á á á ì è í á ñ ò á á è ÿ á ò á á .  
Ì í á ñ ò á á á ò è ù è í é è ñ í é í á  
È à è à è ò í á ñ ò á è á ñ è í á : í ù é  
á è è -  
Ò ì è è á ñ è ð ù ò á ÿ á á í á ì í ð ñ ç à à è á í á ,  
Ò ì è è ñ á ð ó á ì ÿ ÿ ò á ç à ñ ò ù è í  
í á ì è á ?  
Á á ÿ ò ì ò à è , Ì á ð è ÿ , ì ð ñ í ç à ì í  
Ñ á ð ó á ì ÿ ÿ ò á è ì ù ù è ò : á  
Ç è ì í è ì ñ è í ò á ì ì ð á æ á í í ,  
Ì í ò á á ò , ò è ò ì , ò è ò ì ñ ò ó : á  
Ì ò ò í á ì á ì á í è ù ì ì ...  
È ð ñ æ è ò ñ ÿ ñ ì á á  
Á á ñ ì á ñ á á ñ á ñ ì è ò è í ì à è á í ù è è ,  
Á á í á ñ  
È è á á ò ç à ì á : à ò à è ù ì ù é : à è í á á è

Ì × À Ì Á À Í Í Í Á Á À Ì Á Í

Òàèí à ààààà ñíííè à ò ù  
 Èàè á × à ò í í à è ò à ò ó à í è ç à è à,  
 Í á í ò ñ ò í, - ÿ à ò í á í ò à à ò ù  
 È Ì è Á à í ó - ð à ç à í à è í?  
 Í í á ÿ ò è ù à à à à à ù ÿ è à à  
 È í í è í à è è í á í í à à è à è ò  
 Ì á ò í è í à ç à à ñ í è ò, ò ð à à í á  
 È à ò à à ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò  
 È ñ à à ò í è ò ð à à ò í ù ò è í í á  
 Ñ í ò ò è è ñ ÿ í ò è ò à è ç í è ò í ò ò  
 Á í è ò à à í ù è ñ í è á ò è ò è í á  
 Í ñ í í à è ò à ì è ò ò è è ñ ò à ì ò.  
 Òí à à à à à à : ò à à ñ è : à ò  
 Ñ à í à è è í ò í í è è í è ù ò à è í.  
 Í : à è à í ò í í à è à è è ù è ñ í à ò -  
 È ÿ í í è ù è, ç à à í ò à ñ ò à è í...

B à ò í á ñ ò à ò ù è ò à è à à è,  
 × ò í í á à ò à è í è ñ ò í ÿ è ñ ò ò è ÿ ñ ñ ÿ -  
 È à è á í á í ò ñ è á í í í à ò ò à è;  
 Á í á í á í è è ç à à ÿ ç í ù ò ò è è ò,  
 Í á í à à à à à ò ò í è ñ ò í è ÿ  
 Á ù ñ è í è á í : è á ò ù à è è Í í ò è í,  
 Ò í : à ñ ÿ í á ò à è ù è ñ à ò ò ò ÿ,  
 È ò è : à è ñ à ò à è à à í à í í á í :  
 - Á à è í í à à ò ù, í ò ò ÿ ò í à í,  
 È à è ò í à ò<sup>21</sup>, ñ è í ð à è è í à à ç à à ù  
 È á Í ð ò í á í è ò í<sup>22</sup> í ò í á ñ ù -  
 Í à ò ù í à ò à à ò à í ò è ò ò à ñ à ù...  
 Ò ò ò ñ í í è ñ à à ç à à í ò ò ò è è,  
 Ñ à à ò à è è à ò ÿ ù è è í á ð à à í è í á  
 - Ò ù ç í à à ò ù è ò í í ñ à í à è è  
 Í ò í è è à ñ à ò à Á ò è í à è í ó?  
 Á í ò í à è ñ è è ñ è à à ò í ò ñ ò í è,  
 Ñ ò à à í ò è ò à à ò è è ç à à è à è à;  
 Í í á ò à í è á ñ è ð à ñ í ò ç à à ç à è  
 B à è ñ ÿ, ò í : í í ç è ñ í è è ñ è í è..

Á í è ò à à í ù à ù è í à ò ÿ í ù í í í,  
 Ò í à à à à à, è í í á è à ç à è í ñ ñ  
 È ç ñ á ÿ ð à ñ à ò í ò è í è í í  
 È à ù ò à è, í í ç à à ù à ò ò à è í ñ ò ù  
 È ò ÿ à è ù ù í ò í è í á í á ñ à à í  
 È á à ñ è í í á : í ù í í à ò í à à í, -  
 È ð à è à ñ ò ò à ÿ ñ ñ ç à à ñ í è ò à ì,  
 Í í è è ç Í ð ò à í è è è à í à ò  
 B à ñ í í í è è ñ ò à ò ù è à ñ í á ò à í è -  
 Ò í ð à à ù è è è ò á ç à à ñ ù à ù è è í à à - ò í.  
 Á ò à ì - ò ò ò ù à á à ù è ù à à í è  
 Á í à è è ð í à ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò ò  
 ù à ò à à ò ù è.  
 Á ñ í ç à ò è à ò à à í è ð à ñ ò,  
 B à è à ñ - í à è à è í à ò ð à - à ò,  
 Í ð è í è ù à ò à à è ç à à è ù ù è ò í à ñ ò,  
 È ò à ì è ò í à ð à à í è ñ í è ò à ò.  
 - Í à í à è, í á ñ : ò è ç à ò ð à à  
 Í ò à à ò è ò ù - ò ù è à ñ ð à à à ò  
 í ð à è à ñ ò ù!

Ááá ñò àí ààèèààéñý òòò  
Í èñò àèù Èòòí è Èàéàòò Í àðáò,  
Èíàà à ñàí è àí òí à ñ àðàèèñù  
Í à èí í óàðáí òèþ ààðàè  
È àðàèíí ñ ñ òè òù í òèí ýèèñù  
Çà «èèè» í èàí àí í í àí èáý?  
Í à çàñù èè Í àðáò í òí òí àèè  
È ñàí, èàè í àéàéí, òàñ ò àý è?  
Í í òí èðí ààáí ò èáò í à ñ ù è  
Ñòðàí èò, ÷ òí èþ àýí í í  
ñò ààèè

Áàçàð ñè àí çù àðáí ý àé àó ý,  
Áóòòèí á ó àí çí à ñ àðí ààí è.  
Í í è í í í óðá à ñ ò ò ýò,  
Ñòò: à í ò òí èí àà çù ààí è.  
Í í è àí í í çàí àé í í: è àé àòò  
Á èþ áòþ í àí í àñ àù í á çí àý,  
× òí í á àðí ààí è ò ò ò ýò òòò,  
Á ò ò ò è àí è - ó àí ó ñ è ààý.  
Áñ - í í è ààáí è í è ç ñ ò àí àé,  
Áààí ý è àòò è á ò ò ý í ù àí àí í  
È í è ù è è ààí: í è è - ààðàè -  
Áñ àú èè í í çàí ù ò ù Á - àí.  
Í á: àé àí àí è í ù ààáí è è è àà,  
È ç ñ àðáò à àú è è àò è è ñ ý í à è í í.  
Á ò ý àí í à è è í àí àà, è àè àðáò,  
Á àðàè è í è í àí è à à çí à à è í í è.

Áàðàè, ý ñ ò ù àí í í à è è í:  
Ñòí è ààí: í è è í á -  
ààí à è í ò è è: ù ù! -  
Çà í í è òí à ò à è àí í àí è í  
Áí í ý è è ñ ý è àè çà è ò à ñ í í è  
àé: ù þ...

Í í àí ò ààçàð è ñ: à ç è ç àé àç  
Í àðáí í í í è àðáí à í àí ò í:  
Í í àí è àí ò ù, è í àí ó è àè ò à ç  
È í ò è àí è è àñ ù Áí è í í à ò ò à  
Ò àí ñ è ò ù ò ñ è ñ í ó è í ç ù ò à ò ò,  
Á è à: ò ò ò à é à àí ù à ààðàè  
Í à í àí ò ò í í ý ñ è ò ù í <sup>14</sup> àé àòò,  
Í á: ò ó í ñ ò ò í àí à è àé àý.  
Í í àé ò è ò àí àí í à àí ñ à  
Ááá ò à ç àí è ý çà í è à àí í í  
È àý à þ ò è à ò í ò í ò è è ò í ò?  
Òí è àðá à àí è è í, í è àý í í ù í!

Áóòòò ñ àí í à è í ó è í ù,  
Í òí ñ ò ù à ñ àí í à è è ç è í à è,  
Í í ç àí è à ò è ò ù ò à è í è ò àí ù,  
Òí ò ù à à à í òí à à é ñ ý,  
í í í à í í à è ò.  
Òí àà í í ñ àí í à è è ò à à ò ò,  
Àí ó à é à í á ò þ ò àí ù è è à ò à ò ò;  
È àè Í òò à í ñ à í à é ñ ò ù í è àí à -  
Á ñ è à ç à ò àò à àñ í àí à ò ò...  
- Ý è, ò è - í í è à à à í à ò è?  
- Ò è è... <sup>15</sup> -

Áí í àí òí à è è àñ ù ò ù, Á ó è í à é í á,  
Í àí ò à è è ò àí è: à à à à ò à à ò è  
Áñ àí ñ àðáò àí, à í á í í è í à è í í è.  
Í í á ò í ò í ò í, ÷ ò í á àí à ò ù è ñ ñ è  
B í à ò àí à é ç àí è à í ò è ñ à é  
Í í à ñ ò à ò ù í à à ò à à í í ò è è à à

<sup>11</sup> Í àí èñáíí ìíà àíà: àòéáí èáì ñáà íàà íàòèñòñèèì ìðàñòóíí èèèì Ýéòí àííì. Áàòíð àññòèèðòòò àñ çèíááýí èý ñ çàòñòààì è, ìíèñáííúì è á ààòóíçààòííé (èèè àéàéàéñéíé) éí èá «Ýéòí» (Í èà: Èáðàì èè).

<sup>12</sup> Óíí àò - èàòóáí úé òéáá, çàì òàòí úé á íàññàéúú úá áíé. Çààñí - èðí èèè òéááà

<sup>13</sup> Ì èòí - ííñéèè àéý ì àòòáúò

<sup>14</sup> Ì íýñéòúì - íáúéííáý ííí íúúí à ííéóí éó ááú àéý íàññàéúú íá ñáéáàðà

<sup>15</sup> - Áíáí òéòúèè òú íí-ì íéáááñéè?

- Áíáí òþ...

## ПАДШАЯ

*ᠢᠶᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠷ ᠢᠯᠠᠭᠲᠤ ᠰᠣᠶᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠶᠡᠭᠡᠭᠡᠷ*

*Moderato*

Эр- гэц шлогт шойн цвэй дэр зэй- гэр,  
с'из шойн ланг нох хал- бэр нахт,  
ун кэйн гро- ши, кэйн фар- дин- стл  
hot биз ицт зих ништ ге- махт.  
Ун кэйн гро- ши, кэйн фар- дин- стл  
*rit.*  
hot биз ицт зих ништ ге- махт.

**ÄÈ ÁŸÒÀËŸÍ Ÿ**

Эргэц шлогт шойн цвэй дэр зэйгэр,  
с'из шойн ланг нох халбэр\* нахт,  
bis ун кэйн грошн, кэйн фардинстл  
hot биз ицт зих ништ гемахт.

\*- h произносится как в английском have.

Эпэс вайхн мир ди мэнэр,  
мэнэр, о, их кэн зэй гут!  
bis Вос из вэрт шойн а ныкэйвэ,  
вэн зи хуст ун шпайт мит блут?

Х'бин шойн мэр фар зэй кэйн схойрэ,  
ёлдн, фраерс вос ир зэнт!  
bis С'брит фун хиц майн юнгэр кэрпэр  
ун майн куш ви файер брэнт.

Фрэгт айх, ёлди, майн фарфирер,  
эр вайст, аз от ди фун гас  
bis hot а харц, вос бэнкт нох либэ,  
hot а харц, вос брэнт фун нас.

Кумт, кумт! Х'вэл кэйн гэлт ништ монэн,  
кумт, кумт, хоч ойф эйн минут!  
bis Х'вэл ин айх арайн зих байсн,  
айх фарсамэн мит майн блут.

Эргэц трахт ацинд а мамэ:  
– Вос из мит майн кинд гэшэн?  
bis Блут волт гэйн фун ирэ ойгн,  
вэн зи волт ир кинд дэрзэн.



## ᠶᠠᠠᠭᠠᠨ

*ᠠᠠᠭ-ᠣᠯᠤᠰᠤ ᠠᠨᠢ ᠶᠢᠳᠠᠭᠡᠨ ᠠᠠᠭ,  
ᠠᠳᠠᠢ ᠶᠢᠭᠠᠭᠠᠭᠠᠭᠢ ᠴᠠᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ-ᠤ  
ᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ, ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ-ᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ*

*ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ, ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ*

*ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ, ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ - ᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ, ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ*

*ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ, ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ, ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ*

*ᠠᠠᠭ-ᠣᠯᠤᠰᠤ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ -  
ᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ ᠶᠢᠶᠢᠶᠢᠶᠢ*

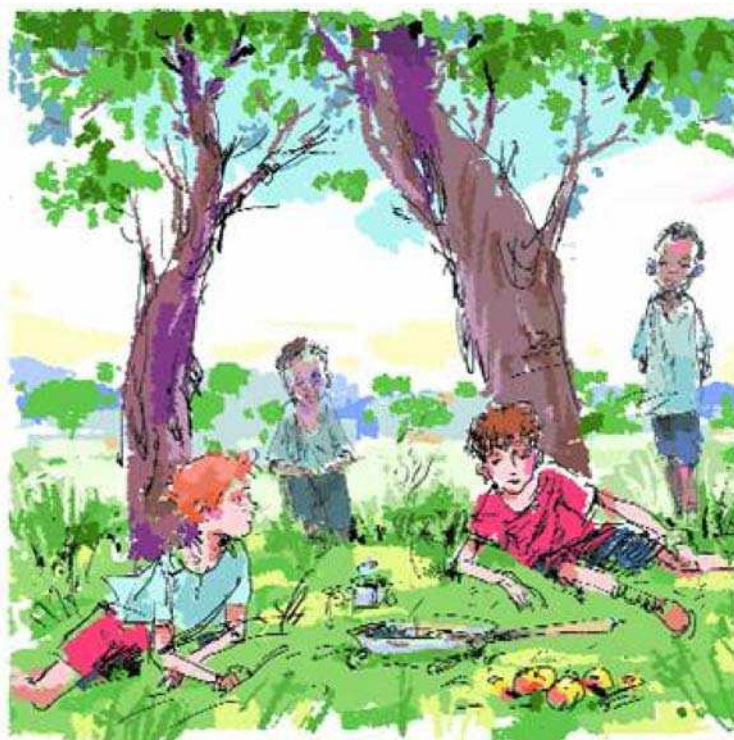
## УЧЕНИЧЕСТВО

### *Айі Аэаёёаіі*

С Дэвидом Паллингом я дружил всего года три-четыре, но когда я оглядываюсь назад, мне порой кажется, что мы всё детство провели вместе. Теперь уже трудно отличить одно лето от другого – они слились в памяти; и в них всегда присутствует Дэвид: худой, нескладный, огненно-рыжий, веснушчатый, с носом-кнопкой и голубыми глазами; слышу его высокий голос, жалобный, когда он говорил, пронзительный – когда пел. Он был моложе меня на год или на два, но одного со мной роста, и это стирало разницу в возрасте. Наши старшие братья тоже дружили, однако их дружба была не столь тесной. Они были намного старше нас с Дэвидом и не состязались между собой столь открыто и упорно; не позволяли себе плакать в присутствии друг друга, что с нами еще случалось; им быстрее надоедала игра в крикет на заднем дворе, а для нас это было любимым развлечением; они не смеялись так истошно, как мы, над шутками, непонятными словами, разодетыми в пух и прах африканцами на улице, над собственными гримасами и ужимками.

Три или четыре года – а сколько увлечений было пережито! Мы разводили и гоняли почтовых голубей, и это было наше постоянное занятие, постоянный общий интерес. Но было и много чего другого. Каждое лето мы воровали в соседних садах фрукты – и это нас неизменно увлекало, – при том что наши родители постоянно приносили домой с рынка ящики винограда, слив, персиков, абрикосов, инжира, а в садах у нас росли раскидистые деревья и земля вокруг них была усеяна мелкими сладкими плодами, тем не менее мы отправлялись вечерами обирать деревья во всех садах нашего предместья. Мы пробирались по темным пыльным проулкам, где собирались кучками и болтали слуги-африканцы, пока не находили безлюдное местечко, тогда мы перелезали через кирпичные или железные ограды и ныряли под сень деревьев; как только открывалась дверь во двор, или загорался свет, или слышался крик, мы улепетывали, задыхаясь от волнения, по проулкам, пересекая освещенные асфальтированные улицы, неслись к пустырям за домами. Рубашки наши пузырились от добычи; если плоды были сочные, их мякоть текла по животу под ремень; если же жесткие и несъедобные, мы, оказавшись в безопасности, швырялись ими друг в друга или в уличные фонари или же отдавали их оборванцам-негритятам, которые вечно болтались поблизости.

Днем же, в каникулы и в выходные, мы охотились на ящериц в вельде, на мышей у сараев на заднем дворе; устраивали гонки на велосипедах или бегали наперегонки; мы натягивали проволоку и катались как по канатной дороге, уцепившись за насаженный на проволоку кусок трубы; часто, стащив с кухни лук, картофель, масло и сковородку, мы отправлялись в вельд жарить картошку на костре, сложенном из веток и сухой травы. У нас никогда не получалось румяных хрустящих ломтиков, всё слипалось в однородную массу, подгоревшую снаружи и сырую внутри, порой она была такая тошнотворная, что мы всю ее отдавали негритятам, которые неизменно крутились где-нибудь рядом. Какое бы уединенное место для костра мы ни выбрали, негритята всё равно нас находили; у них были огромные черные глаза, тощие ножки и такие заскорузлые ручонки, что они могли хватать картошку прямо с раскаленной сковороды. Мы воспринимали их присутствие как нечто само собой разумеющееся – они были для нас как камни, трава, колючки в вельде, как блестящие железные крыши вдалеке. По воскресеньям мы ходили на дневной сеанс в один из трех кинотеатров города, и когда свет гас, курили сигареты; мы непрерывно говорили о девчонках, но дальше слов дело не шло, разве что мы носились на велосипедах вокруг дома той, которая становилась объектом нашего особого восхищения; случалось, один из нас присоединялся к семейным увеселениям другого – это мог быть пикник у реки, поездка на целый день на ферму, посещение одной из шахт города.



У меня было собственное представление о семействе Паллингов: я считал их всех «типичными». Наверное, типичными они мне казались главным образом потому, что они были гоями, а мы евреями: это различие прямо или косвенно определяло все остальные. Дело было не только в том, что они отмечали Пасху и Рождество, а мы Пейсах и Йом Кипур. Мои родители говорили с акцентом, родители Паллинга – без. Мистер Паллинг служил управляющим в местном отделении строительной компании, у моего отца было свое дело. Родители Паллинга называли друг друга «мать» и «отец», мои – нет. Мистер Паллинг каждое воскресенье отправлялся в белой рубашке, белых фланелевых брюках и блейзере в местный клуб играть в кегли, мой отец туда не ходил никогда. В доме Паллингов всегда было чисто и прибрано, у нас – нет. Мои родители беспрестанно говорили о политике – местной, сионистской, о войне в Европе; родители Паллинга об этом вообще не говорили. В нашем доме всегда была куча книг и газет, и мы постоянно ходили в городскую библиотеку; в доме Паллингов печатных изданий не держали. Мы с братом хорошо учились в школе, мальчишки Паллинг – плохо. Мы спорили с родителями, мальчишки Паллинг – никогда.

Я не хотел жить без книг или плохо учиться, или бояться отца, но всё же в глубине души я завидовал Паллингам, завидовал потому, что считал их типичными, похожими на все семьи из книг, из фильмов, из рекламы в газете. Я завидовал им, потому что их положение казалось мне куда более надежным и безопасным. Мальчишкам Паллинг не приходилось читать в газетах про уничтожение их соплеменников-евреев в Европе, не приходилось выслушивать антисемитских высказываний хамов-учителей или гадких насмешек соучеников на школьном дворе, на них не давил груз вины перед черными и сочувствия к ним, который, будучи евреями, несли мы; их не передергивало внутренне, когда их родители неправильно произносили английское слово.

До чего же просто, казалось мне, быть сыном мистера и миссис Паллинг – или быть мистером и миссис Паллинг! Мистер Паллинг называл по имени всех соседей и всех учителей школы; лоб у него был гладкий, без морщин, подбородок всегда чисто выбрит, восьмиугольные очки без оправы крепко сидели на маленьком курносом носу, выражение лица у него было невинное, даже туповатое, однако у вечно поджатых губ залегли жесткие складки. (Все говорили, что Дэвид копия отца, только рыжий.) У миссис Паллинг черты лица были более тонкие, чем у мужа: нос и рот более изящных очертаний, лоб шире, щеки чуть втянуты внутрь – как будто она глубоко задумалась. Для женщины она была высокой – с мужа ростом. Она тоже звала по имени всех соседок, по утрам пила с ними чай и курила, днем же обычно отдыхала на одной из кроватей в комнате мальчиков – курила, дремала или просто глядела в потолок. Они с мужем не только ходили в спортивный клуб, но еще были членами множества организаций – «Сынов Англии» (хотя оба родились в Южной Африке), Общественного комитета при методистской церкви (хотя в церковь ходили редко), «Ротари» и «Ротари-Анн»<sup>[1]</sup>. Они ходили на танцы, играли в карты, обнимались и называли друг друга «любимый» и «любимая», могли, вернувшись домой, пошутить, что у Джо, или у Бетти, или у Билла, или у Боба выпили лишнего, – мои родители никогда себя так не вели. Они были типичными, типичными,

был убежден я, во всех отношениях, и я страстно завидовал покою и уверенности, которые, как мне казалось, давала им их типичность.

Однако зависть моя переросла в нечто иное, и случилось это, когда мы с Дэвидом играли в гараже Паллингов и случайно опрокинули коробку, где лежали перевязанные розовыми и голубыми ленточками пачки страстных писем – их мистер Паллинг писал двадцать лет назад девушке, на которой позже женился. Я успел прочитать три-четыре письма, когда Дэвид – он читал письмо из другой пачки, – застыдившись, выхватил их у меня и швырнул вместе с теми, что прочитал сам, обратно в коробку. Что он прочитал (и возвращался ли когда-нибудь к этой коробке), не знаю, но те письма, которые видел я, меня поразили, показались странными, чуть ли не безумными. В этих письмах мистер Паллинг неистовствовал, писал об отчаянии, о спасении и проклятии, о луне и звездах, о ее красоте, о том, что он ее недостоин; он льстил и унижался, он умолял, он хвастался, что есть и «другие», угрожал покончить с собой. И это писал мистер Паллинг миссис Паллинг! Да разве такое возможно? У меня уже сложилось представление о них, и иными я представить их не мог. Я был потрясен, ошеломлен – мне казалось: раз писал такое ей, значит, так можно полюбить кого угодно, где угодно. Разве это типично – писать женщине о ее груди и руках, о том, что ты готов пасть ниц к ее ногам, о том, что, если она не уступит, ты уйдешь к другим, разве типично говорить о той ночи, о ее голосе, о вашей любви и о слившихся воедино сердцах? И типично ли скрывать и сдерживать эту страсть под покровом условностей и приличий? Выходит, никто в этом мире не застрахован от опасностей, и риску подвергается каждый.



Но понял я, как повлияли на меня эти письма, только минут десять или двадцать спустя. Я пошел с Дэвидом в дом и, едва увидел его мать – ту самую, что получала эти письма и, должно быть, отвечала на них, – во рту у меня пересохло, дыхание перехватило. Я влюбился в нее. Это было последнее и самое страстное увлечение из всех, что я испытал за нашу дружбу с Дэвидом; и о нем он никогда не узнал.

Если бы пришлось прожить жизнь заново, многого я хотел бы избежать, в том числе и тупого, безнадежного вождения, которое мучает тебя в отрочестве. Как и большинство мук, которые приходится претерпевать, когда оно проходит, о нем быстро забываешь. Лишь изредка во сне вспоминаешь его, вспоминаешь терзание, стыд, неведение; только во сне тебя так неумолимо влечет к развязке, которая до самого последнего момента покрыта тайной. Я любил миссис Паллинг, но не понимал, что значит это слово, и не мог сказать его даже себе, не то что кому-то другому; я ничего не мог поделать с любовью, которую испытывал, и мне оставалось только одно – смотреть на миссис Паллинг и делать это как можно чаще. Я мог только уговаривать Дэвида поиграть не у меня во дворе, а у него, поиграть не во дворе, а в доме, пойти к нему в комнату, где, как я знал, днем отдыхала его мать.

В комнате всегда – и зимой, и летом – было тепло, потому что в окна попадало предзакатное солнце. Желтые занавески были задернуты, и белые стены, черный туалетный столик, лоскутные покрывала на кроватях заливал ровный золотистый свет. Миссис Паллинг обычно лежала на дальней от окна кровати брата Дэвида; она никогда не раздевалась, только сбрасывала на пол туфли. На стуле у кровати стояла пепельница, рядом – сигареты и зажигалка. Одна рука покоилась вдоль тела, другую она обычно сгибала в локте; и дым от ее сигареты, у кончика синий, подымаясь тонкой струйкой к потолку, светлел и становился золотистым. Платье подчеркивало очертания ног. Я замирал у двери в эту комнату, где всегда было тепло и сухо, всеми чувствами стремился туда и боялся переступить порог, не мог сделать и шагу. Отрешенность – единственное слово, которым я могу обозначить то, что делало ее такой желанной для меня. Я боялся, что стоит мне пошевеливаться, заговорить, и я упаду или потеряю сознание.

Заговаривала она – иногда полусонно, иногда живо, и всегда дружелюбно, спрашивала, что нам нужно, где мы хотим играть. Поначалу меня огорчало то, что она разговаривает со мной точно так же, как и с другими друзьями Дэвида, позже я научился находить очарование даже в ее равнодушии. Я жаждал слова

или жеста, которые раскрыли бы ее тайны, я знал наверняка: она сама и создала их, и, я был уверен, временами они так же неотступно занимали и ее воображение. Но стоило мне поймать любопытный взгляд ее светлых глаз, я стеснялся и смущался; одного такого взгляда бывало достаточно, чтобы я поспешил уйти из комнаты.

Теперь я ценил дружбу с Дэвидом именно за эти моменты, ни за что более. Все наши общие забавы казались мне теперь бессмысленными и скучными, они имели смысл лишь потому, что вели меня к женщине, которую я любил, или уводили от нее. Я смотрел на Дэвида сверху вниз, потому что он и не догадывался о том, что я чувствую; но, как ни странно, я не ревновал к мистеру Паллингу. Скорее, я сострадал ему, поскольку он некогда страдал так, как страдаю я; в то же время я был благодарен ему: ведь он показал мне, какие чувства можно испытывать к его жене. Ему я обязан тем, что мне открылось, – красота длинных ног, ее поражающая отрешенность. Ему же я обязан тем, что понял, почему внезапно – «как гром среди ясного неба», так все говорили – брак Паллингов распался.



Однажды, в середине школьного года, Дэвид, объявив мне, что они с братом на несколько недель уезжают к тете в Кейптаун, расплакался. Когда я рассказал об этом родителям, они странно переглянулись, иронично и понимающе, и сказали, что у мистера и миссис Паллинг «нелады» и ходить к ним домой не стоит – незачем путаться под ногами. Что за нелады, они не объяснили, но я вскоре и сам всё узнал. Мистер Паллинг совершенно неожиданно ушел из дома и поселился с какой-то африкандерской женщиной в бедном районе на другом конце города. Этот скандал обсуждался несколько недель, и мы постепенно узнали всё в подробностях. По-видимому, мистер Паллинг встречался с этой женщиной много месяцев, кое-кто говорил – много лет. Миссис Паллинг приняла это очень тяжело – отправила детей к сестре в Кейптаун, сама же осталась жить в доме одна. Она умоляла мужа вернуться, пыталась с ним встретиться, звонила ему, писала письма, но он был непреклонен и клялся, что не вернется никогда.

Мне казалось, что я – единственный в округе, кого не потрясло и не удивило такое развитие событий; я давно – с тех самых пор, как прочел в гараже письма, – знал, что такие вещи случаются, что случиться может что угодно и с кем угодно. Но я также был уверен, что никого в округе это событие не взволновало так глубоко, как меня. Каждое утро по дороге в школу, когда солнце еще пряталось за верхушками деревьев и крышами, я делал крюк, чтобы пройти мимо дома Паллингов; днем, возвращаясь из школы, когда солнце стояло высоко и его собственный жар плыл наверх, отражаясь от островерхих крыш и ровной дороги, я снова проходил мимо, уже медленнее. Я топтался у калитки, заглядывал в сад, по которому еще недавно гулял, в окна комнат, куда еще недавно заходил; на углу я останавливался и оглядывался назад, в надежде, что миссис Паллинг выйдет. Я представлял ее одну в доме, в спальне, представлял, как она говорит со мной (я никогда не беседовал с ней наедине – виделся с ней только в присутствии Дэвида), и, если на улице никого не было, возвращался назад и снова стоял у ее калитки.

Однажды я просто открыл ее. Во время наших с Дэвидом рейдов по чужим садам, даже если разъяренные владельцы ловили нас и отводили в участок, я не испытывал такого страха, как теперь, когда шел по узкой, посыпанной гравием дорожке сада. Мне казалось, что солнце следит за мной, дом ко мне

прислушивается, тропинка готова на меня завопить. По дороге я твердил снова и снова вопрос, который был предложением для встречи с миссис Паллинг: когда вернется Дэвид? Когда вернется Дэвид? Я поднялся на теннисную веранду и позвонил в дверь. Мои силы были на исходе.

Я услышал приглушенную трель звонка, затем раздались шаги в холле, я увидел за стеклянной дверью расплывчатый силуэт. Отступать было поздно. Дверь отворилась. Сантиметрах в пятнадцати от меня стоял мистер Паллинг. Он был босиком, в майке и брюках.

От изумления я не мог произнести ни слова и только молча на него пялился. То, что в будний день он дома, а не на работе, поразило меня не меньше, чем всё остальное. По-моему, он не сразу сообразил, кто я, но потом резко спросил, что мне нужно.

Я был настолько потрясен этой встречей, что заранее подготовленный вопрос вылетел из головы. И я спросил напрямик о женщине, которую пришел повидать.

– Где миссис Паллинг?

– Она уехала. И не вернется. Что тебя интересует? – Он смотрел на меня с раздражением, даже, как мне показалось, с угрозой. Я не успел ответить, как из глубины дома женский голос – но не голос миссис Паллинг – спросил, кто пришел.

– Приятель Дэвида, – ответил мистер Паллинг, не повернув головы. И глядя на меня в упор, добавил без тени дружелюбия: – Обожатель моей жены.

Жаркая волна стыда накрыла меня целиком, до кончиков пальцев. Они знали! Она знала и сказала ему! Я хотел крикнуть, что это неправда, но что-то меня сдержало.

– Вы тоже были когда-то ее поклонником, – услышал я собственный голос.



Он со всей силы ударил меня по щеке, но боли я не почувствовал. Я слышал, как он вопит, вяло увернулся от второго удара, развернулся и побежал по дорожке. Он нагнал меня, когда я пытался открыть калитку. Потряс меня за плечи и снова ударил; чуть не перекинул меня через ограду. Но он не мог вытрясти из меня мою благодарность ей, мой восторг от того, что в те дни моя тайна не была для нее тайной. Его ярость и злость подтверждали одно: всё, чему я начал учиться у нее, действительно стоит знать, и учиться этому можно хоть всю жизнь.

*Í àdààtá Àádú Í òí òrètáíé*

*III «Dí ò àdè-Àíí» - ò àé í àcú ààèè àéí -éáí í á èéóáá «Dí ò àdè»; áí 1987 áí àà èì í á òàpàò àéí òú àíò òú àò ú á èéóá*

## ЧЕСЛАВАС

Григорий Канович

Окончание. Начало в № 9, 2006

Эленуте силилась понять, почему сатане, который всякий раз прикидывается мессией, удастся заманить человека в свои сети и сделать прислужником зла? Чем он его подкупает и очаровывает? Может, тем, что в отличие от Г-спода Б-га он требует от него не жертвенности, а жертв, обещая в награду не призрачное царство небесное, а земное, немедленное счастье, и находит виновников во всех его бедах и напастях. Только позови его, и он, вездесущий, тут же, неважно в чьем обличии – немца или литовца, русского или еврея, – оправдает и твою ненависть, и твою месть. И благословит даже на убийство. Какой же верой, какими доспехами надо себя оковать, чтобы устоять перед ним и не поддаться его простым и неотразимым чарам?

Стук в дверь изнутри батрацкой прервал ее размышления. Она поняла – можно войти.

В широкой, мешком висевшей рубаше Ломсаргиса, в его штанах, которые рослому грузину были явно коротки, в одном не зашнурованном ботинке на правой, неповрежденной, ноге он производил впечатление огородного чучела. Вахтанг наклонил голову, наголо, по уставу, остриженную полковым парикмахером, и гортанно пропел:

– Мадлоба!

Эленуте догадалась, что он благодарит ее по-грузински.

– Спасибо, – перевел он свои слова на государственный – русский – язык.

– Не за что. Приедет хозяин, который, кажется, немного говорит по-польски, он и решит, что с тобой делать. – Она жестами изобразила движущуюся телегу, а голосом – цокот и ржание лошади. – А теперь тебе надо бы лечь и отдохнуть!



Он ничего не понял, но снова сказал:

– Мадлоба!

– Вещи твои я заберу. Литва сейчас перешла на другую форму.

Эленуте собрала в охапку его гимнастерку, штаны, портянки, овдовевший кирзовый сапог, вынесла из батрацкой, облила за ригой керосином и подожгла зажженной хворостиной. Едкий дым от горелого советского сукна и кожи медленно и угарно поплыл с хутора к Черной пуще.

Вернувшись в избу, она не стала гадать, как Чеславас поступит с приبلудившимся танкистом, хотя забота о нем на время даже вытеснила ее тревожные мысли об отце и о сестре Рейзл. Ей хотелось, чтобы Ломсаргис его не выгонял. Было в участи этого несчастного грузина что-то общее с ней – может, полная зависимость от доброй воли других, оторванность от родного дома и неизбежная сиротская гонимость, а может, всё это, вместе взятое.

Когда Эленуте принялась готовить Ломсаргису ужин, с развилки до кухоньки вдруг донеслось радостное и протяжное ржание Стасите, а через некоторое время бричка Ломсаргиса вкатилась во двор, но остановилась не под окнами избы, не у крыльца, как обычно, а въехала прямо под навес.

Это дурной знак, почему-то подумала Эленуте и не ошиблась.

Чеславас вошел в избу, снял пиджачную пару, повесил ее в шкаф и молча бросился открывать и закрывать ящики стола и комода, осматривать в горнице все полочки и полки, а в прихожей полати, пока не нашел резную трубку и шелковый кисет с остатками допотопной махорки.

– Вы же не курите, – пытаюсь его разговорить, сказала Эленуте.

– До сих пор не курил. Но иногда без затяжки, как и без рюмочки, не обойдешься. – Он набил трубку и чиркнул спичкой. – Какая-то чертовщина! Стоит нынче только куда-нибудь выехать, как тут же настроение – вдребезги!

Эленуте из последних сил сдерживала себя, чтобы не задать ему главный вопрос – живы ли ее отец и Рейзл. Раз Чеславас ничего сам не рассказывает, догадалась она, значит, дела плохи.

– Они живы, живы, – опередил он ее вопрос и глубоко затаился. – Но...

– Что – но? – сдавленно прошептала она.

– Только их нет дома.

– С чего же вы взяли, что они живы?

– Мне этот ваш плуговатый подмастерье сказал.

– Юозас?

– Наверно, Юозас. То же самое подтвердил при встрече и объявившийся в Мишкине Тадукас Тарайла, Пранин племянник: все оставшиеся в местечке евреи живы. Кому-кому, а близкому родственнику он не стал бы врать.

– Но их нет дома, – не сводя с него глаз, пробормотала Эленуте.

– Да, – сказал Ломсаргис и, выдув голубое колечко дыма, уставился на ее крестик. Других сведений у меня нет. Во вторник к нам на хутор пожалует ксендз-настоятель Повилайтис. Может, мы от него что-то узнаем. Надо в его честь приготовить обед – зажарить гуся. Святой отец большой любитель жареной гусятины. Ты меня слышишь?

– Слышу, слышу. Во вторник к нам на хутор пожалует ксендз-настоятель. – Эленуте перевела дух и выдохнула: – Ваш Тадукас или подмастерье Юозас не сказали вам, где они?

– Кто?



– Все оставшиеся евреи. Если я вас правильно поняла, они еще живы, но уже без имени... Как ваши гуси, которых к приезду ксендза-настоятеля надо зарезать и зажарить, или как ваши свиньи, которых согласно обычаю непременно забьют к рождеству.

– Не гневи, Рамашаускайте, своими речами Г-спода Б-га. Тадукас сказал, что всех евреев отделили от остального населения, чтобы оно не выместило на них свой гнев, а чуть позже их отправят на работу то ли в Польшу, то ли в Германию, как наших в сороковом в Сибирь. Я, правда, успел спросить у Тадукаса, почему же отправляют всех без разбору, почему евреи не могут работать там, где работали? Ведь Мишкине останется без доктора Пакельчика, без парикмахера Ковалья и без портных. Тадукас мне ничего не ответил, – Ломсаргис снова набил махоркой трубку и, вздохнув, промолвил: – Что и говорить, безобразия! Ведь виновных всегда меньше, чем невинных. Такие вот пироги. И раз мы с тобой не в силах что-то изменить, нам, козявкам, остается только возмущаться и стыдиться за тех, кто своего начальника боится больше, чем Б-га.

– А зачем вам за других стыдиться? Вы же никого из дома не выгнали, ни от кого не отделили, наоборот, еврейку пригтели. За такое можно сейчас и головы лишиться...

– Всё равно стыдно. Взять хотя бы этого вашего шустрого подмастерья. Он-то куда полез? Еще пророчицей Микальдой сказано: тот, кто спокойно спит на присвоенных, еще теплых от чужого дыхания подушках, когда-нибудь проснется на раскаленных добела углях, – выпалил Чеславас и тут же себя оборвал: – Да ладно, хватит душу терзать, давай лучше ужинать.

Она подала ужин, но сама за стол не села. Стояла за его могучей спиной и смотрела, как он, стыдящийся за других, смачно расправляется со сдобренной шкварками огромной глазуньей, словно ничего страшного в десяти верстах отсюда не произошло ни с ее отцом Гедалье Банквечером, столько лет обшивавшим Ломсаргиса, ни с ее другом Яковом, отменным косарем, ни с теми евреями, которые в базарные дни толпились вокруг его телеги и покупали у него свежую картошку и капусту, яблоки и мед, зерно и лен.

Он говорит: радоваться надо – их же пока не убили, только взяли и отделили от человечества. Крупные, поминальные слезы катились у нее по щекам, но Эленуте-Элишева не смахивала их, не вытирала, потому что оплакивала самое себя.

– Не плачь, – сказал он, не оборачиваясь. – Садись и что-нибудь поешь. А может, по шкалику смородиновой наливки клюкнем? За то, чтобы все отверженные и несправедливо наказанные изгнанием целыми и невредимыми вернулись домой.

Он встал, принес початую бутылку и рюмочки, налил и повторил понравившийся ему тост:

– За то, чтобы все целыми и невредимыми вернулись домой – и твой отец, и твоя сестра, и доктор Пакельчик, и парикмахер Коваль... Все, все...

– И Пране, – сказала она.

– И Пране, конечно, – подхватил он и, опрокинув рюмку, спросил: – А почему ты ни о чем не рассказываешь? Крестик всё время носила или в лифчик прятала?

– Всё время носила.

– Никто на хутор не заходил?

Она помолчала и вдруг прямо и легко сказала:

– Заходил.

– Яков?

– Нет. Другой. Не здешний.

– Литовец или еврей? Наверно, еврей. Ведь ваши люди сейчас по окрестным лесам и хуторам поодиночке и стайками бродят и защиты ищут...

– Не ваш и не наш.

– Так кто же?

– Грузин. С танкового полигона за конопляником. Солдат, раненный в ногу. Тот самый в шлеме, что приходил на хутор в сороковом... вас тогда не было, – и чтобы разом покончить со всеми вопросами, Эленуте выпалила: – Сейчас он в батрацкой отлеживается. Форму его я сожгла... Только ремень оставила, чтобы штаны с него не падали... Вы уж меня за своеволие простите – я не могла его прогнать... Не могла... Ведь и вы его не прогнали бы?

– Ты – хозяйка, а хозяйке не за что извиняться, – со значением сказал Ломсаргис.

– Хозяйка? – Его слова, нагруженные двойным смыслом, не обрадовали, а больно задели ее: – Бродяжка! Беженка! Приживалка! Пятая вода на киселе! – И, как бы сглаживая впечатление от своих слов, продолжала: – Этот горец говорит только на своем языке. Может, вы по-польски с ним договоритесь?

– По-польски я не говорю, а чирикаю – слышно, но непонятно... Пусть отлеживается.

Она была рада, что Ломсаргис не рассердился на нее за самоуправство, но ей показалось, что добрым отношением к раненому он как бы искупает перед ней какую-то вину.

Утром они вместе пришли в батрацкую. Кроме еды Эленуте прихватила с собой лоскуты белой простыни для перевязки нагноившейся раны, а Чеславас для дезинфекции – остатки отборного пшеничного самогона. Вахтанг дремал на продавленном лежаке, из нутра которого выпирали пучки ломкой соломы. Время от времени он постанывал во сне. Услышав шаги, раненый с трудом продрал сочащиеся хворью глаза, повернулся на другой бок и с удивлением уставился на вошедших.

– Здравствуй, товарищ Сталин! – с беззлобной насмешкой сказал Ломсаргис.

– Чхеидзе, – выдавил раненый.

– Почему-то ты не в кителе, как твой главнокомандующий, а в моей крестьянской рубашке и штанах, – сказал хозяин на ломаном польском.

– Чхеидзе, – упорно повторял танкист. – Вахтанг.

Его лихорадило. Вобрав стриженую голову в плечи, он силился унять мелкую надоедливую дрожь, но совладать с ней ему никак не удавалось.

– Хлебни! Согреешься, – Чеславас вытащил затычку из бутылки и протянул раненому.

Танкист приподнялся, сделал несколько судорожных глотков, поперхнулся и снова рухнул на лежак.

Эленуте наклонилась над ним, промыла рану, перевязала ее чистыми лоскутами простыни, приложила ладошку ко лбу Вахтанга и сказала.

– Пышет жаром, как печка.



От каждого ее прикосновения к ноге Вахтанг вскрикивал, как вспугнутая ночная птица, на которую он и в самом деле был чем-то похож – не то зоркими, неусыпными глазами, не то наклоном маленькой красивой головы и прихотливыми звуками грозной и отрывистой, как орлиный клекот, речи.

– Боюсь, что с помощью самогона и вареных луковиц рана у земляка товарища Сталина не затянется, – сказал Чеславас, когда они вышли. – Некрасивая она... Некрасивая. Вокруг какая-то подозрительная синь, и вся нога до самых пальцев распухла... Как бы не началось заражение крови. Доктору бы его показать. Без этого ему не выкарабкаться. Но где сейчас доктора найдешь? Пакельчика нет. А до другого лекаря и за сутки не доберешься.

– Молодой! Может, выкарабкается, – пролепетала Эленуте.

– Мне с ним возиться некогда. За Пране в Занеманье еду. Если он до вторника протянет, покажем его ксендзу-настоятелю Повилайтису. Святой отец до семинарии два года в Берлине на врача учился. Если же нет, то литовская земля примет горца в свои объятия и простит его за то, что он ее своими гусеницами изрыл. Земля добрей и справедливей нас. Она – прибежище для всех и не допытывается у мертвого, откуда он пришел и какой веры.

– А за Пране вы когда отправляетесь?

– В субботу, с утра пораньше. Путь не близкий. Моя благоверная уже, наверно, заждалась меня...

Как он сказал, так и сделал: в субботу и отправился.

Эленуте не слышала, как он съехал со двора. Когда она встала, умылась, открыла окна, Ломсаргиса на подворье уже не было, и впервые за год с лишним своей жизни на хуторе ей по-настоящему стало страшно. Что если этот Вахтанг умрет? Ведь от заражения крови, как говорят, никакого спасения нет. Если Ломсаргис задержится, что она будет делать с мертвым?

Из-за этого навязчивого страха Эленуте не находила себе места. Только подоит корову и тут же мчится в батрацкую, задаст овса лошадям – и стремглав бежит туда же, накормит вечно голодных подсвинков – и шасть под оконца, привстанет на цыпочки и заглядывает внутрь – дышит он или не дышит.

Слава Б-гу, шевелится, стонет, зевает, а иногда, опираясь на палку, даже встает с лежака, выходит во двор и шкандыбаёт к нужнику. Жалея его, Эленуте притащила в батрацкую ржавый чугунок, чтобы он мог в любое время суток без лишних хлопот справить малую нужду на месте.

– Для пи-пи, – объяснила она.

– Пи-пи, – повторил Вахтанг и подарил ей подобие благодарной улыбки.

Она приходила к нему три раза на дню, садилась возле постели на колченогий табурет и вполголоса начинала что-то ему рассказывать и убеждать, что он еще увидит свою Грузию. Там, в горном селении, наверно, его ждут не дождутся мать и отец, сестры и братья, которых, конечно, никто ни от кого не отделит и не отправит на работу ни в Польшу, ни в Германию. Эленуте верила, что, пока она рассказывает ему и лечит надеждой, ничего дурного с ним не случится; он не умрет и пойдет на поправку. А когда кончится это повальное безумие, этот бесконечный кровавый раздор, Вахтанг Чхеидзе доберется до своего дома и снова будет растить виноград или собирать чай, пить вино, петь «Сулико» и лихо отплясывать лезгинку, как это делали его земляки в счастливых советских фильмах, которые русские по субботам крутили на рыночной площади в Мишкине.

Эленуте казалось, что он ее понимает, и от этого понимания светлеет его угрюмое лицо и в ответ что-то шепчут опаленные лихорадкой губы.

Когда ей надоело рассказывать, она принималась что-то по-еврейски напевать, подбадривая себя и отпугивая тишину, которую воспринимала как предвестие смерти.

Однако состояние горца, несмотря на непрерывную опеку и уход, не улучшалось – он впадал в забытье, бредил, бормотал какие-то слова по-грузински, кого-то звал, не поднимался с лежака, чтобы опорожниться, и Эленуте всё чаще съезживалась при въедливой и постыдной мысли, что, если кто и может избавить его от напрасных и унижительных страданий, так это только смерть. Один на белом свете, отверженный, без языка, захватчик, пусть уже не в танкистском шлеме и не в красноармейской гимнастерке со знаками воинского отличия, а в крестьянских штанах и рубахе, – кому он в чужом и враждебном краю такой нужен? Чеславас – не библейский Ной, и хутор его – не ковчег для семи пар чистых и семи нечистых. Он этого танкиста с пышными сталинскими усами терпит не потому, что такой отзывчивый и добрый, а только потому, что хочет угодить ей, новоявленной Эленуте Рамашаускайте, лишний раз шегольнуть перед ней своей доброжелательностью. Хотя этот грузин и служил дьяволу, он, Чеславас, как христианин не желает ему смерти – пускай живет и здравствует до ста лет, но на долгий приют в Юодгирай пускай не рассчитывает.

Ухаживая за Вахтангом, Эленуте вдруг спохватывалась, что думает об этом несчастном больше, чем об отце и сестре Рейзл.

Бесцельно слоняясь по двору или сгоняя хворостиной в загородку гусей, а курочек, потоптанных петухом-уланом, в курятник, она твердила выученные в детстве жаркие и неистовые молитвы, в которых обращалась к Б-гу, чтобы Он, Вездесущий и Милосердный, помог ее близким – хотя и Его – Еврея, – наверно, тоже отделили от остального населения и отправили на работы то ли в Польшу, то ли в Германию. Горделивые гуси и неприязнительные куры поворачивали к ней тонкие шеи и своим дружным гогогом и кудахтаньем поддерживали свою кормилицу.

– Га-га-га! Ко-ко-ко! – молили они небеса.

Готовясь к встрече с Пране и со святым отцом, она вопреки наставлениям Ломсаргиса решила снять с шеи серебряный крестик и куда-нибудь спрятать. А вдруг, увидев его, Пране возмутится, поднимет шум – зачем, мол, этот оболтус Чеславас при жизни своей законной супруги раздаривает то, что ей принадлежит? Сегодня презентовал еврейке крестик, а завтра, глядишь, – и землю, и скотину, и пасеку?

Как Эленуте и предполагала, хозяева приехали вместе с ксендзом-настоятелем Повилайтисом, дородным мужчиной в толстых роговых очках и маленьким аккуратным чемоданчиком в руке. Из-под

длинной сутаны, которую он всё время приподнимал, выглядывали начищенные до блеска старомодные ботинки. Бледное, одутловатое лицо без единой пушинки показалось Эленуте знакомым, но она не могла припомнить, где и когда его видела.

Ломсаргис провел святого отца в горницу, посадил за стол, накрытый белоснежной скатертью, и представил почетному гостю свою ученицу:

– Эленуте Рамашаускайте.

Элишева поклонилась.

– Много хорошего слышал я о тебе, дочь моя, – тоненьким, бабьим голоском произнес пастырь. – Я ведь помню тебя совсем маленькой. Да, да, совсем маленькой, чуть выше стула, ты бегала по квартире на Рыбацкой улице и мешала своему отцу снимать с меня мерку. Твоего отца, кажется, звали Гедалье.

– Гедалье, – выдохнула свое удивление Элишева.

– Он был хороший портной. Это он сшил мне сутану. Не эту, не эту. А ту, которую я давно сносил. Тогда и я был не такой, как сегодня, – худощавый, без очков и без лысины... Повилайтис от волнения заикался... даже на амвоне... Хорошо, что я тебя встретил, что ты тут, у хороших людей. – Последнюю фразу он произнес с особым чувством, почти как благословение.

Пране поставила на стол глиняный жбан с квасом, расписные кружки, миску с ломтями сыра и сказала: – Выпейте, святой отец, кваску. Такого кваса вы еще нигде не пивали. Эленуте заквасила.

Ксендз-настоятель Повилайтис пригубил квасу и, поставив на стол кружку, продолжал:

– У вас тут тишь да благодать. Не то что вокруг... Вокруг кровь и слезы. Люди забыли нашего спасителя Иисуса Христа и уподобились диким зверям. Не все, конечно. Не все.

Он вдруг осекся, глянул на Чеславаса, потом на Пране, как будто ждал от них какой-то поддержки, и у Эленуте промелькнула догадка, что приехал он не для того, чтобы насладиться жареным гусем, отведать кваску или произнести в доме проповедь о хороших и дурных людях, не для того, чтобы добрым словом вспомнить портного Гедалье Банквечера, а для того, чтобы ее окрестить.

Крестные почтительно молчали, и ксендзу-настоятелю ничего не оставалось, как самому сообщить Эленуте о цели своего неожиданного приезда.

– Дочь моя! – повернулся Повилайтис к Элишаве. – Когда-то в римской семинарии у профессора Франческо Мадзини я учил язык и историю твоих предков, читал их священные книги и в одной из них наткнулся на замечательное изречение, которое по прошествии сорока лет помню до сих пор и нередко привожу в своих проповедях: кто спасает одну душу, тот спасает мир. Я ничего не перепутал, дочь моя?

– Нет.

– Благодарю тебя. Еще тогда, в юности, я считал, что в трудные времена боги должны не враждовать, а помогать друг другу. Сейчас очередь нашего бога – Иисуса Христа помочь вашему. Ради твоего спасения и славы нашего бога я говорю тебе: прииди к нам!

Она слушала его, и ей казалось, что всё то, что он говорит и делает, относится не к ней, Элишаве Банквечер, а к кому-то другому. Ради жизни, ради спасения, звучали в ушах слова Повилайтиса. А разве это жизнь, когда ради нее надо отречься от своей веры, предавать своих близких, изменять тому, что тебе дорого? Если это спасение, то от чего оно спасет? От собственной совести, от своего отца и матери?



– Эленуте – умная девушка, – вставил Чеславас, недовольный ее молчанием, и с какой-то неуместной торжественностью произнес: – По-моему, она согласна.

И чуть позже добавил:

– По-моему, она уже к нам пришла.

– Отказаться от такой возможности избежать смерти может только человек, лишенный разума, – вмешалась в разговор ворчунья Пране. – Всех евреев давно надо было окрестить, тогда бы их и никто не трогал, и Сталина не было бы, и войны...

– Святой отец обещал тебе, Эленуте, и документ на Рамашаускайте выправить, – усилил нажим Ломсаргис.

Ксендз-настоятель достал из своего дорожного чемоданчика все необходимые принадлежности и приступил к обряду крещения.

Когда Повилайтис помазал Элишеве лоб елеем, начертал на нем пальцами крест, окропил ее голову святой водой и монотонно, зажмурившись от невидимого света, прочитал молитву, за окнами село солнце, но всё еще было по-летнему светло; и во дворе в честь новообращенной Эленуте Рамашаускайте грянула аллилуйя – загоготали гуси, закукарекал петух-улан, в хлеву замычала корова, под стрехой застрекотали ласточки, но сквозь этот гам и разноголосицу Элишева вдруг отчетливо услышала хриплый басок своего отца – Гедалье Банквечера, который когда-то, много-много лет назад, когда она была маленькой девочкой с рыженькими косичками, озадачил ее странным вопросом:

– Что ты, Шевочка, будешь делать, – спросил отец, – когда мы, как твоя бабушка Песя, умрем? Будешь плакать?

– Нет. Плакать не буду...

– Почему? Мы же тебя так любили... так любили... А ты и слезы не обронишь?..

– Я умру раньше всех. Я умру первая.

Тогда она о смерти никакого понятия не имела. Но сегодня ей действительно хотелось умереть первой. Раньше всех...

Совершив обряд крещения, ксендз-настоятель поздравил новообращенную, поблагодарил Ломсаргисов за гостеприимство и, к радости гуся, которого должны были зажарить на обед, заторопился домой.

– А мы-то думали, что вы у нас заночуете, – огорчилась Пране.

– Хотел бы в вашем раю побыть, да паству сейчас нельзя оставлять без присмотра, – буркнул он. – Вы уж меня извините.

– Извиняем, извиняем, – зачастил Ломсаргис. – Но, может, вы до отъезда еще одну душу спасете. Вы же не только пастырь, вы же без пяти минут и врач. Забрел тут к нам раненый красноармеец... Православный. Грузин, земляк Сталина

– Вот как! – воскликнул ксендз-настоятель. – Очень интересно, очень интересно. Ни одного грузина, кроме Сталина, да и то в газете, за всю свою жизнь не видел. И что с ним?

– Плох, совсем плох, – сказал Ломсаргис и обратился к Эленуте: – Сбегай в батрацкую, приberi там немножко и хорошенько проветри. Сейчас мы туда придем. Если святой отец ему не поможет, то хотя бы причастит.

Пока Эленуте бегала в батрацкую, Пране собрала ксендзу-настоятелю гостинцы – положила в новую плетеную корзину большую банку липового меда, сыр с тмином, большой розовый кирпич окорока, два десятка яиц, слоек с маринованными грибами.

– Кушайте, святой отец, на здоровье. И приезжайте к нам на яблоки, на малину...

Но тут вся в слезах в избу ворвалась Эленуте.

– Можете никуда не ходить! Этому грузину уже ничего-ничего не надо! – закричала она. – Он уже отмучился. Повесился на крюке... Г-споди, Г-споди, зачем я не убрала из батрацкой старую упряжь, хомуты и эти проклятые вожжи? Зачем?

В тот же день бессловесного висельника Вахтанга Чхеидзе, которому милосердная Пране чистой колодезной водой умыла измученное лицо и грубой холстиной накрыла худые ноги, похоронили на опушке Черной пуши.



Ломсаргис и новообращенная Эленуте Рамашаускайте вместе вырыли в сутлинке могилу, куда и опустили Вахтанга Чхеидзе в одном из двух гробов, которые впрок припасли для себя Чеславас и Пране и которые они в ожидании своего смертного часа бережно хранили на чердаке избы, время от времени аккуратно вытирая мокрой тряпичной оседающую на них густую дворовую пыль и раз в неделю исправно опрыскивая какой-то жидкостью, убивающей наповал коварных жучков-древоточцев.

Две небольшие, тенистые елочки с тонкой, как у Вахтанга Чхеидзе, талией и старый, в запотевших роговых очках, ксендз-настоятель, который не ради мертвых, а ради живых везде и всюду, на похоронах и поминках, на свадьбах и крестинах пытался примирить и сдружить богов, творили над чужаком общую заупокойную молитву.

## ТОРКВЕМАДА ИЗ РЕХОВОТА

*Î êîî ÷ àî èà Î à ÷ à èî â<sup>1</sup> 9, 2006*

*Bêîâ Øáòòáð*

После разбора четвертого или пятого дела даян велел Ханоху принести документы и оформиться в качестве помощника судьи на треть ставки, а через месяц на его счете в банке оказалась скромная, но по сравнению с грошовым содержанием ешиботника вполне внушительная сумма. Работа Ханоху нравилась, было что-то шерлок-холмсовское в расспрашивании истца, в попытке по едва уловимым следам подлинных событий восстановить истинную картину. Большинство приходящих на выяснение национальности были евреями, у которых по разным причинам пропали документы. У второй по численности категории истцов родители, путем немалых ухищрений, сменили клеймо в паспорте на запись «белорус» или «украинец». К таким людям Ханох испытывал плохо скрываемое презрение. Однако порученное ему дело выполнял добросовестно, стараясь отделять личное отношение от истины, заключенной в рассказах родственников, к которым направляли его ренегаты.

У настоящих евреев всегда оказывалось многочисленное родство, разбросанное по всему земному шару. Звонить приходилось в Россию, Австралию, Соединенные Штаты, Канаду и даже в такие экзотические страны, как Панама или Южная Африка. Еврейский мир оказался на удивление маленьким: буквально на втором или третьем шаге расследования Ханох выходил на друзей детства, одноклассников или сослуживцев истцов. Можно было подделать документы, купить настоящие метрики, выучить несколько религиозных обычаев, но договориться с разными людьми на разных континентах было не под силу самому ловкому пройдохе.

Но главным, подлинным критерием оказалась эвакуация. Если проверяемый на вопрос «где проживала ваша семья во время войны?» называл местность, находившуюся под немецкой оккупацией, Ханох сразу понимал, что перед ним обманщик. Для этого ему пришлось изрядно попотеть над атласом бывшего СССР, запоминая названия городов и местечек. Если же истец называл какой-нибудь среднеазиатский город, то следовала серия вопросов о пунктах следования, о том, как и сколько добирались, о быте на новом месте. Как правило, в семьях, прошедших через эвакуацию, на несколько поколений сохранялись рассказы о происшедшем.



Сам Ханох отчетливо помнил истории своей бабушки про многодневное странствие до железнодорожной станции, откуда еще ходили поезда, о двухнедельной поездке в теплушке, почти без воды и пищи. Особенно запомнился ему эпизод про отца бабушки, его прадеда, очень религиозного еврея. Он ел только кошерную пищу, и когда прихваченные с собой припасы кончились, несколько дней голодал. Их эшелон остановился в открытой степи и стоял в ней почти трое суток. Закончилось всё съестное, люди рвали траву и варили суп, от которого начинался понос. Когда поезд всё-таки тронулся с места, бабушка на первой же станции обменяла свои часы на большой кусок сала. Она была уверена, что отец даже не посмотрит на свинину, но когда тот протянул руку и взял кусочек, она испугалась.

– По дороге эшелон бомбили, – рассказывала бабушка, – но истошные гудки паровоза и разрывы бомб не пугали. Мне казалось, будто я смотрю кино. Кусочек сала, съеденный отцом, привел меня в ужас. Лишь тогда я поняла, что наша жизнь в большой опасности.

Дети и внуки эвакуированных могли моментально выложить не вызывающие сомнения подробности, обманщики же начинали травить байки, в которых сквозь тонкий слой маскировки просвечивала наглая ложь.

Ханох основательно проштудировал виды документов, выдававшихся в СССР, научился отличать подлинный бланк от поддельного, знал наизусть правила заполнения паспортов и метрик. Он запомнил фамилии паспортисток и заведующих загсами в еврейских местах и мог по оттенку чернил определить, когда была поставлена печать на документе.

Через год помощник реховотского даяна сдал экзамены и получил назначение судьей в Беер-Шеву, а Ханоха перевели в Реховот и положили полную ставку. Это было уже что-то, полная ставка означала настоящую, увесистую зарплату, под которую можно было брать ссуду в банке, покупать квартиру и жениться.

Прежде чем перебираться в Реховот, Ханох решил разобраться с семейным вопросом. Если уже селиться на новом месте, то сразу с женой и устраивать быт на двоих. Ханох отправился к известной всему Бней-Браку свахе и объяснил, чего ждет от будущей невесты. Сваха улыбнулась; запросы Ханоха показались ей более чем скромными. Немного поколдовав над картотеккой, она дала ему телефон и назвала имя – Мирьям.

Кандидатка жила в общежитии для иногородних девушек при учительском семинаре «Зеев». На семинар принимали девушек из самых крепких религиозных семей, и само название учебного заведения служило визитной карточкой. Мирьям приехала в Израиль всего три года назад из Белоруссии, попасть после такого короткого пребывания в стране в «Зеев» можно было только чудом. На первую встречу Ханох шел с большим любопытством, ему не терпелось понять, чем смогла эта девушка покорить суровые сердца экзаменаторов.

Мирьям оказалась невысокой брюнеткой хрупкого сложения, черты лица у нее были скорее славянские, чем еврейские, но поздоровалась она на идише, и Ханох от неожиданности ответил ей по-русски.

– Не надо по-русски, – мягко попросила Мирьям. – Если вы не можете «оф идиш», давайте будем говорить на иврите.

– Я знаю, знаю, – обрадованно зачастил Ханох.

Они проговорили около двух часов. Словарный запас Мирьям был невелик, да и обороты из самых примитивных, но изъяснялась она легко, словно дышала. «Так говорят только на языке детства», – подумал Ханох и понял, что растопило лед приемной комиссии.

Спустя полгода, когда Мирьям сдала выпускные экзамены в семинаре и получила диплом учительницы младших классов, они поженились и переехали в Реховот. Решение Ханоха оставить учебу очень расстроило главу ешивы.

– Ты один из моих лучших учеников, – сказал он, – и мог бы достичь многого. У тебя светлый ум и прекрасная память. Пусть чиновничьи обязанности исполняют менее способные люди, а ты должен учиться.

«И лопать чолнт из индюшачьих горлышек, – подумал Ханох. – Нет уж, спасибо, по горло сыт».

– Я не оставляю учение, – заверил он главу ешивы. – До обеда буду сидеть в суде, а потом над Талмудом.

Глава ешивы только скептически улыбнулся.

Квартиру Ханох и Мирьям купили в религиозном районе на краю города, и до суда приходилось добираться пешком. Но Ханох не жаловался, ведь после свадьбы его вес стал увеличиваться с угрожающей быстротой, и дальние прогулки до центра Реховота хоть немного, но способствовали поддержанию формы. Мирьям готовила очень вкусно: она варила густой борщ, набравший силу к третьему дню, пекла пышнейшие пироги с мясом и рыбой, а от ее блинов Ханох не мог оторваться, пока тарелка не становилась пустой и безвидной, словно земля в первый день творения.

С утра Ханох сидел в суде, но после обеда, по заведенному в этом учреждении распорядку, должен был учиться. Считалось, что помощник судьи «спит и видит» усестся в судейское кресло, и потому грызет необъятную глыбу закона с обеда и до самого вечера. Должность судьи, помимо почета и уважения, сопровождалась очень солидным жалованьем.



Поначалу Ханох искренне хотел выполнить обещание, данное главе ешивы, и навалился на Талмуд с прежним рвением. Но спустя неделю он вдруг почувствовал, что внутренняя злость, заставлявшая его проводить ночи над книжками, бесследно пропала. Он сопротивлялся, заставляя себя отсиживать часы на лекциях, а потом углублять услышанное, закапываясь в самую гущу книжной премудрости, но без давления изнутри, без запала, заставлявшего двигаться стынущие мысли, понимание не приходило. Любая мелочь вырывала его из текста, о сосредоточенном внимании, когда окружающая действительность отступала в сторону и на первом, втором, третьем и всех остальных местах оставалась только раскрытая страница Талмуда, оставалось лишь мечтать. Что-то изменилось в Ханохе, ушло и не желало возвращаться.

Были тому причиной счастливая семейная жизнь, близость с любимой женщиной, перемена в питании или необходимость отдавать лучшие, утренние часы дня на судебные разбирательства – кто знает. Спустя несколько месяцев Ханох сдался и вместо ешивы стал приходить в «Ноам Алихот» – синагогу для простого люда, расположенную неподалеку от здания суда. Он обкладывался книгами и потихоньку читал, выбирая самые интересные места в Талмуде и раввинских респонсах. Десятки томов Талмуда и сотни сопутствующих ему книг таили в себе все жанры литературы, от фантастики до детектива. Нужно было отыскать место, войти в разбираемый вопрос, а дальше только следить за перебранкой комментаторов. Их споры напоминали Ханоху спортивные поединки: резкие, как в фехтовании, выпады, головокружительный полет мысли, сравнимый с акробатикой, переброс темы, словно баскетбольного мяча, от одного комментатора к другому, через сотни лет и тысячи километров.

Его никто не торопил, и он приятно проводил время в уютном зале «Ноам Алихот». Мирьям преподавала в школе, потом спешила домой к детям, по дороге успевая заскочить в магазины. Они взяли подержанный автомобиль, но Ханох так и не удосужился сдать на права. Зачем, ведь детей в садик отвозит Мирьям, за покупками тоже она ездит, а права и уроки вождения стоят так много денег!

В его дела Мирьям не вмешивалась. Лишь однажды между ними произошел разговор, после которого Ханох долго не мог успокоиться. В один из дней к нему попало дело целого семейства из Белой Церкви. У него не было ни малейшего сомнения в том, что все они чистокровные украинцы, но документы семейство представило без сучка и задоринки, имена и фамилии родственников называло не путаясь и вообще свою версию излагало уверенно и даже нахально. Однако провести Ханоха было невозможно! Годы постоянного поиска доказательств, изучения паспортов, разглядывания фотографий и многочасовых бесед с просителями, выработали в нем безошибочное чутье. Он мог, мельком взглянув на человека, точно определить его национальность, а в последнее время ему хватало для этого всего двух фотографий: в анфас и в профиль.

Родной дядя из Кливленда, чей телефон был приложен к делу, сильно картавил и старательно копировал идишистский акцент, вставляя к месту и не к месту слова на явно чужом ему языке. Ханох попросил у семейства отсрочку на пару дней, позвонил в еврейскую общину Кливленда и попросил выяснить, кто проживает по такому-то телефону. Уже на следующий день ему прислали факс, из которого следовало, что родного дядю зовут Тарас Юхимович Остащенко и что он актер украинского театра Кливленда.

Следующую встречу Ханох начал с приглашения от Тараса Юхимовича на премьеру спектакля «Кляти москали». Глава семейства не сдержался, и между ним и Ханохом завязался интереснейший разговор. В качестве заключительной фазы разговора министерство внутренних дел передало в полицию дело о высылке незаконных репатриантов.

Когда семейство благополучно приземлилось в Харькове, Ханох рассказал эту историю Мирьям. Он хотел ее немного развеселить, ну и заодно похвастаться своей проницательностью.

– Тебе их не жалко? – вдруг спросила Мирьям.

– Жалко? – удивился Ханох.

– На Украине сейчас дела плохи, эти люди, скорее всего, влезли в долги, чтоб попасть сюда. Долги теперь отдавать нечем, а прощать такие суммы им никто не станет. Ты можешь себе представить, что их ждет в Белой Церкви?

– И представлять не собираюсь, – отрезал Ханох. – Эти люди жулики и попали сюда обманном путем. Почему я должен их жалеть?

– Евреи уходят из России. Но не может один народ чисто выйти из среды другого. Всегда тянутся родственники, знакомые. И жулики, конечно. За столько столетий русские, евреи, украинцы, белорусы переплелись, связались друг с другом. В конце концов, наши предки прожили вместе с ними долгую историю. Есть в ней темные страницы, есть светлые. Почему же ради светлых не пожалеть тех, кто пытается прибиться к нашему берегу? И сколько их, сто семей, триста?

– Ты что, – Ханох обалдело п

осмотрел на Мирьям. – Принимаешь меня за Г-спода Б-га? Ты хочешь, чтобы я восстанавливал историческую справедливость в память о добрых украинцах и жалостливых русских? Я всего лишь клерк, чиновник, делаю свое дело. Если буду его делать плохо, останусь без зарплаты. На что детей кормить будем?

– Прокормим как-нибудь, – тихо сказала Мирьям.

– И вот еще что, – продолжил Ханох, не обратив внимания на ее слова. – Мне всё детство жужжали о великом русском народе, о его мировой культуре, о могучем языке, о древней истории, замечательных традициях. «Русский» – звучит гордо! Уши замусорили народными частушками, пересвистом, треском ложек и трелями балалаечными. И вот теперь представители великого народа с такой легкостью, с такой простотой отбрасывают культуру и традиции к чертям собачьим и хотят любым путем стать евреями? Их что, на костер потащат? На работу не примут? Высылают из страны единицы, большинство прекрасно устраивается, в армии служат, деньги зарабатывают. Кто же мешает им оставаться русскими или украинцами? Для чего с такой быстротой нужно мимикрировать? Нет, им хочется, чтобы детям обрезание сделали, а свадьбу провели через раввинат. Им хочется быть, как все, понимаешь, как все. А все в этой стране – презираемый прежде народец, жидки пархатые, и представители великой нации – стремительно бросаются под нож, выставляя необрезанные концы! Стыдно, обидно и противно!



– Торквемада ты мой, – усмехнулась Мирьям.

– Почему Торквемада?

– Есть легенда, будто великий инквизитор сам происходил из крещеных евреев. И мстил соплеменникам, предавшим веру отцов. Вот и ты вступаешься за великий русский народ и его культуру.

– Ничего я не вступаюсь, – буркнул Ханох. – И русской крови во мне ни капли. Я из рода первосвященников, коэнов. Мой прапрапра-уж-не-знаю-какой-дед – сам Аарон, брат Моисея. Когда мои предки служили в Храме, предки русских гонялись за мамонтами с деревянными дубинами в руках.

На том разговор и закончился. Прошло много лет, дети подросли, стали ходить в школу. Поток репатриантов не ослабевал, и для быстрого решения вопросов установления национальности при реховотском суде открыли специальное отделение, а во главе поставили Ханоха. Не сдав экзамены, он фактически стал исполнять обязанности судьи. Должность так и называлась – исполняющий обязанности дайна, но жалованье положили полновесно судейское. Уже через два месяца Ханох почувствовал вкус настоящей жизни, ибо зарплата его исчислялась уже не тысячами, а десятками тысяч шекелей. Однако счастливыми послеобеденными часами в «Ноам Алихот» пришлось пожертвовать, ведь Ханох теперь стал начальником, и помимо рассматриваемых дел прибавились административные проблемы.

Единственное, что осталось по-прежнему, – это пешие прогулки. Они прочно стали частью ритуала, заведенного распорядка жизни, и без них Ханох чувствовал себя не в форме. Во время такой прогулки дорогу Ханоху преградил рыжий Мишка – известный всему Реховоту городской сумасшедший. Определить его ненормальность можно было лишь по размашистым, неэкономным движениям. Во всем остальном он вполне походил на обыкновенного израильтянина, разве что чуть менее аккуратного.

Откуда он родом, невозможно было установить, Мишка свободно изъяснялся на всех известных и неизвестных языках, причем без акцента. Выходцы из Ирака принимали его за уроженца Багдада, с кишиневцами он говорил на красивом румынском, а бывшим жителям Нью-Йорка Мишка, загородив дорогу велосипедом, читал наизусть сонеты Шекспира. Вежливые американцы учтиво молчали, но через десять минут их вежливости приходил конец. Мишка не обижался, а только звонил вдогонку в один из многочисленных звонков, закрепленных на никелированных рогах руля.

В субботу и праздники Мишка объезжал Реховот и, осторожно позванивая в самый деликатный из звончков, вполголоса кричал:

– Реховот, просыпайся! Спящие, очнитесь! Бредущие во тьме – открывайте глаза!

Проезжая мимо, он заговорщицки подмигивал, и Ханоху на мгновение начинало казаться, будто Мишка ведет какую-то непонятную игру, а велосипед его, увешанный кучей безделушек и детских башмачков, не более чем замысловатый маскарад.

На сей раз подмигиванием дело не ограничилось, Мишка объехал Ханоха, соскочил с седла и, развернув велосипед, перегородил дорогу.

– Самое дорогое у человека, – начал он на чистейшем русском языке, – это жизнь. И прожить ее нужно так...

– Не так, а там, – перебил его Ханох. – Там, то есть здесь. Вот мы здесь и живем.

– А может, – хитро прищурился Мишка, – тебе только кажется, будто ты живешь. А на самом деле спишь и видишь сон.

– Если это сон, – махнул рукой по сторонам Ханох, – что же тогда реальность?

– А так часто бывает, – продолжил Мишка, – вдруг получает человек письмо, или случайный разговор возникает во время случайной встречи, и понимает внезапно, что вся жизнь его не больше чем сон. Ужасный, кошмарный, невозможный сон.

– Не каркай, рыжий ворон, – снисходительно улыбнулся Ханох. – А я и не знал, что ты так хорошо владеешь русским языком.

– А я не знал, что ты такой дурак, – в тон ему ответил Мишка и, вскочив в седло, двинулся с места. Отъехав на несколько метров, он звякнул звоночком и завел свою песенку:

– Реховот, просыпайся! Спящие, очнитесь! Бредущие во тьме – открывайте глаза.

Ханох только головой покачал. И пошел домой.

Дома его ждал неприятный сюрприз. Не успел он раздеться, как в дверь позвонили. За порогом стояла молодая женщина и с робостью смотрела на Ханоха.

– Меня к вам послал раввин, – тут она пробормотала какое-то имя, – из Тель-Авива. Просил, чтобы вы выслушали.

И она протянула Ханоху фирменный конверт раввинского суда Тель-Авива.

Одной из немногих обременительных обязанностей, связанных с новой должностью, была та, что посетители приходили теперь не только в суд, но и домой к Ханоху. И приходилось принимать, куда денешься! Особенно досаждали ему просители, присланные раввинами. Выросшие и воспитанные в Бней-Браке, раввины до определенного возраста никогда не сталкивались с иностранцами и свое представление о гоях черпали из книг. Гой им рисовался или попом, насильно крестящим еврейских детей, или пьяным разбойником-гайдаком. И ежели предстал перед их ясные очи скромно ведущий себя представитель другой национальности, к тому же изъявляющий желание стать евреем, они приходили в восторг и немедленно посылали их к Ханоху с горячим рекомендательным письмом. Ханох поначалу недоумевал, не понимая, как может сочетаться тончайшее проникновение в сложные вопросы жизни с подобной наивностью, потом злился, а потом просто перестал обращать внимание на просьбы посодествовать и принять всяческое участие. Он теперь решал сам – по праву возложенных на него обязанностей и в силу принятой на себя ответственности. Но отмахнуться от этих рекомендаций было невозможно, и ему приходилось подробно вникать в каждое дело, а после писать высокому покровителю письмо с объяснениями.

– Проходите, – буркнул Ханох и пошел на кухню мыть руки.

Посетительница ждала в салоне, скромно присев на краешек стула в самом конце длинного стола, покрытого белой скатертью. Ханох пересадил ее поближе, сел во главе, удобно облокотясь на ручки кресла, и принялся изучать документы. Особенно изучать было нечего, женщина приехала из Беларуси, подлинники метрика, паспорт и выписка из трудовой книжки однозначно свидетельствовали, что Галина Дмитриевна Быкова, белоруска, двадцати трех лет от роду, закончила школу, потом ж-д техникум, и работала в Бобруйском отделении железной дороги. Всё нормально, всё гладко. Как попала в Израиль – очередная загадка Сохнута, везущего сюда всех и вся. Но выяснять это не дело Ханоха. Он по другой части. А вот, собственно, по какой, из приложенных документов неясно.



– Что привело вас ко мне? – спросил он, закрывая папочку с бумагами.

– Видите ли, – потупилась женщина, и по ее лицу растекся неровный румянец. – Я бы хотела, ну как это сказать, стать еврейкой.

– А зачем это вам нужно?

– Наш отец, мой и сестры, погиб на заводе, когда мы были совсем маленькими. Производственная авария. Мать много работала, чтобы нас прокормить и выучить, а воспитывала соседка, Полина Абрамовна. Мы у нее как дочери были, даже язык ее выучили.

– Ир рейд оф идиш?<sup>[1]</sup> – спросил Ханох.

– Яа, их рейд<sup>[2]</sup>, – ответила женщина и тут же перешла на идиш. Ее словарный запас был невелик, да и обороты из самых примитивных, но говорила она легко, словно дышала.

«Такого не подделать, – подумал Ханох. – Она действительно выросла рядом с евреями».

– Ну и что? – спросил он, глядя женщине прямо в глаза. Ее лицо почему-то казалось ему знакомым или напоминало кого-то. Впрочем, за последние годы он столько насмотрелся лиц из России, что немудрено было найти схожесть с кем-нибудь из бывших клиентов. – Разве это повод стать еврейкой? – сурово спросил Ханох.

– Я очень любила покойную Полину Абрамовну, – сказала женщина. – А она так мечтала попасть на Святую землю, столько рассказывала о ней сказок и преданий, что и нас заразила. Моя сестра уже много лет здесь, только связь с ней потерялась. А я вот сейчас приехала. Ну, и хочу, чтоб всё правильно было, как положено.

– А что положено?

– Ну-у-у. Если живешь в другой стране, говоришь на другом языке, то нужно стать частью ее народа. Мне в Израиле очень нравится, больше, чем в Бобруйске. Я хочу замуж выйти, семью большую завести и жить тут, как все.

– А как насчет заповедей? Их много, и они сложные.

– Ничего не сложные, – улыбнулась женщина. – Полина Абрамовна почти все соблюдала, так я насмотрелась. Как халу отделять – знаю, мацу печь умею, мясную посуду с молочной не смешивать. Меня всегда к религии тянуло, только наша, православная, больше на оперу похожа, чем на веру. Я несколько раз в церковь ходила, но прилепиться не смогла. А еврейский невидимый Б-г мне по душе.

Полуоткрытая дверь распахнулась, и в комнату решительными шагами вошла Мирьям.

– Прошу прощения, – быстро начала она, – я всего на минуту. Дело в том, что...

– Маринка, – ахнула женщина. – Мариночка, милая! Это я, Гала!

Ханох бросил быстрый взгляд на жену. Она побледнела, затем резко повернулась и, ни слова не говоря, вышла из комнаты.

– В чем дело? – спросил он женщину. – Что это значит?

– Это моя сестра, Маринка! – воскликнула та с величайшим волнением. – Я ищу ее больше десяти лет. А она тут, у вас.

– Мне кажется, – сухо сказал Ханох, – вы обознались.

Он хотел добавить, что ее лицо тоже напоминает ему кого-то, но он не делает из своего ощущения никаких выводов, как вдруг понял, на кого похожа гостья. Да, несомненно, женщина походила на его Мирьям.

«Глупости, – оборвал он самого себя. – Ну, похожа, и что с этого? Мало ли кто на кого похож!»

– Вы обознались, – повторил он, но женщина, раскрыв сумочку, суетливо шарила в ней, не обращая на его слова никакого внимания.

– Вот, – просяив, воскликнула она, протягивая Ханоху тоненькую книжечку в кожаной обложке. – Я всегда ношу ее с собой. Посмотрите.

Он раскрыл книжицу. Это был мини-альбом на две фотографии. Слева, под глянцено поблескивающим целлофаном, находился снимок пожилой еврейки с усталым лицом. «Полина Абрамовна», – сообразил Ханох. Справа – он успел лишь окинуть фотографию беглым взглядом, как сердце ухнуло и провалилось куда-то вниз, в черные глубины преисподней, – справа, держа за руку девочку в коротком, как тогда носили в России, платьице и с двумя аккуратно заплетенными косичками, стояла его Мирьям, точно такая, как он помнил ее любовным отпечатком памяти. Только одета она была совсем по-другому, и стена избы, на заднем плане, сложенная из круглых бревен, не оставляла сомнения, где сделан снимок.

– Это я и Марина, – пояснила женщина, – незадолго до ее отъезда. Куда я ни писала, кого ни спрашивала – никто не знает. А она, вот она где, оказывается!

Ханох помолчал несколько минут. Потом вернул женщине книжицу и сказал:

– Пожалуйста, позвоните мне завтра в суд, с десяти до двенадцати.

– Но, – женщина нервно сглотнула, – я бы хотела поговорить с Мариной.

– Повторяю, – холодно произнес Ханох. – Завтра. С десяти до двенадцати. По рабочему телефону. Мирьям сейчас с вами говорить не будет.

– Почему?

– Давайте отложим этот разговор.

Ханох встал. Женщина тоже поднялась. Она медленно пошла к выходу, наверное, ожидая, что Марина вернется в комнату, обнимет ее, заплачет, но в квартире было тихо, лишь из кухни доносилось журчание вытекающей из крана воды.

Подойдя к входной двери, женщина еще раз оглянулась. Ханох стоял, перегораживая коридор, ведущий в кухню и комнату. Его лицо было мрачнее тучи.

– Вы извините, – вдруг сообразила женщина, – разве вы не знали? Я не хотела. Я думала, что...

– Завтра, с десяти до двенадцати, – повторил Ханох, закрывая за ней дверь.

Он набросил цепочку и прислонился спиной к двери. Если... если это правда и Мирьям гиорет, новообращенная, то ему, коэну, она запрещена по закону. И дети его тоже не коэны. Он должен развестись. Б-же, какой позор! Он закрыл лицо руками. Всё рушится, семья, домашний уют, Мирьям. Он ведь любит ее, по-настоящему любит, что же теперь делать? Промолчать? Скрыть? Правда всё равно вылезет, если не сейчас, то через пять, десять лет. Уж он-то знает это лучше других.

Ханох опустил руки и двинулся на кухню. Жена стояла у стола и ела апельсин. Оранжевая кожица горкой возвышалась посреди стола. Закончив апельсин, она, не глядя на мужа, быстро очистила следующий и снова принялась есть.

– Мирьям, – сказал он, не зная, с чего начать. – Мирьям, как же так? Что теперь будет, Мирьям?

– Я повешусь, – сказала она. – И всё останется в тайне.

– Дура! Кто потом женится на твоих дочерях?!

– Ты уже называешь их моими! – горько усмехнулась она.

Он открыл рот, чтобы ответить, но вдруг мысль, от которой замерло сердце, остановила его с раскрытым ртом.

«В семинар “Зеев” не принимают прозелитов. И сваха, я же предупреждал сваху. Значит...»

Обливаясь потом, он молча развернулся и бросился в свой кабинет. Там, в нижнем ящике стола хранились их общие с женой документы. Он сложил их вместе сразу после свадьбы, да так с тех пор и не вытаскивал.

Распутав дрожащими пальцами непослушные тесемки старомодной папки, Ханох вытащил прозрачный пакет с документами Мирьям и быстро осмотрел.

Б-же мой! Б-же, Б-же мой! Все сомнения рассеялись. Тогда, десять лет назад, он не знал, не понимал этого, но сейчас с первого взгляда определил, что метрика Мирьям – хорошо сработанная фальшивка. Значит... ах, да что же это значит...



Он вышел в салон, держась рукой за стену. Да. Это значит только одно... Она обманула, обманула всех и его в том числе. Все эти годы он жил с нееврейкой и дети его гои, и каждый половой акт с ней был запрещенным, и его внезапная тупость в учении... Он замотал головой от невыносимой душевной боли.

Взгляд упал на конверт с эмблемой раввинского суда Тель-Авива, забытый на столе сестрой Мирьям. Ханох машинально открыл его.

«Досточтимый исполняющий обязанности судьи, – значилось в письме. – Посылаю к вам особу, достойную во всех отношениях. Прошу уделить ей немного вашего драгоценного времени и обратить особое внимание на родственные связи. Всегда ваш».

Да, вот оно, вот и пришла расплата. Давний разговор, то ли шутка, то ли сон, моментально вынырнул из подернутого сепией прошлого. Под письмом стояло имя «Набокова». А пять обещанных гойских душ, о Г-споди, это же четверо его детей и Мирьям.

Он в отчаянии стукнул кулаком по столу. Еще, и еще, и еще, и продолжал стучать, пока на белой субботней скатерти не начало расплываться вишневое пятно крови.

Через два часа он доехал до Бней-Брака, взобрался на холм и со всего маху рухнул грудью на каменный парапет. Ему почему-то казалось, будто лишь здесь он сможет обрести ясность мысли и поймет, что же теперь делать. Холодный ветер раздувал полы длинного пиджака и студил спину, но Ханох не обращал на него внимания. Огни тель-авивских небоскребов переливались перед глазами, и Ханох глубоко вдыхал влажный воздух зимы, надеясь, что его сырая прохлада успокоит разгоряченную грудь.

– Куда же дальше, куда дальше? – мысль, точно бильярдный шар металась внутри черепной коробки, вышибая искры при каждом столкновении с костью.

– Разбежаться. И головой вниз, – раздался голос за спиной, и Ханох, вздрогнув, обернулся.

«Набоков» смотрел на него, улыбаясь. Ханох резко шагнул ему навстречу.

– Только без рук, – попросил «Набоков», отрицательно покачивая указательным пальцем. – Руками тут не поможешь. Если хочешь их куда-нибудь пристроить, наложи на себя.

Он снова улыбнулся. Ханох вытянул вперед руки и сомкнул пальцы вокруг горла «Набокова». Но пальцы схватили пустоту, «Набоков», словно облачко дыма протек между ними и оказался за спиной Ханоха.

– Давай, давай, – презрительно усмехаясь, сказал он. – Поиграй в кошки-мышки с чертом, краса и гордость ешивы.

Ханох опустил руки. «Набоков» перегнулся через парапет и заглянул вниз.

– Самый простой выход. Две секунды полета, удар – и всё. А я подтверждаю – несчастный случай.

– Не дожدهшься, – сказал Ханох. Черт широко зевнул, бесстыдно обнажая блестящие при свете луны зубы.

– Скучно тут у вас, – сказал он, наклонив голову к плечу. – Но я благодаря тебе теперь на новом месте, в Тель-Авиве. Надеюсь, там будет веселее.

Он повернулся и пошел к зданию ешивы.

– Эй, – крикнул Ханох вслед его перекошенной фигуре. – А что теперь будет? Дальше-то как?

– Дальше как знаешь, – черт сделал ему ручкой. – Ты еще молодой, вся жизнь впереди. Начинай вторую карьеру. Если понадобится, сумеешь меня отыскать. А сейчас прощай, любезный.



Ханох постоял еще минут десять, рассматривая дрожащие через слезы огни Тель-Авива. Потом перегнулся через парапет и посмотрел вниз. Метров двадцать, камни, чуть ниже – асфальт. Может, и вправду?

Он отшатнулся. Это он, черт «Набоков», подсовывает такие мысли. Одного повышения ему мало, захотел дальше продвинуться. Не-е-ет, я еще поживу, поборюсь. К чертям собачьим всех чертей с их советами. А жизнь, она и вправду длинная. И не прошла, нет, еще не прошла. Стоит посмотреть, что будет дальше.

<sup>111</sup> *Áú ãáðèòá íà èãèóá? (èãèø)*

<sup>122</sup> *Áà, ý ãáðøþ (èãèø).*

## СНЕГ 1972 ГОДА

Узи Вайль

Узи Вайль (р. 1964) – израильский прозаик, сценарист и переводчик, один из представителей новой ивритской прозы. Автор двух романов и двух сборников рассказов. В июле 2002 года наш журнал опубликовал рассказ Вайля «Человек, который перенес Стену Плача». Предлагаемый вниманию читателей рассказ был напечатан в сборнике «Пятьдесят лет – пятьдесят рассказов» (Тель-Авив, 1998).



Сейчас смешно вспоминать о снеге 1972 года, моем первом настоящем снеге. Вот уже пять лет, как я живу в Осло, и из того количества снега, которое выпадает здесь каждую зиму, можно было бы создать море посреди пустыни Негев. Женщина, с которой я живу все эти пять лет, выросла среди норвежских снегов, и ей нравится смотреть, как с приходом зимы я каждый раз заново радуюсь снегу.

Но этот рассказ о первом снеге в моей жизни – зимой 1972 года, на вершине горы Мерон. Я давно не вспоминал о нем, пока три дня назад не столкнулся здесь, в Осло, с той, которая была моей первой девушкой. Два с половиной года я провел с ней, одно время мы даже жили вместе, до армии. Потом нас обоих призвали, мы виделись реже и реже и отдалились друг от друга. Продержались так месяцев восемь после призыва, и всё закончилось. Но так решила она, именно она... И вот, после стольких лет, встретить ее в заснеженном пригороде Осло было всё равно что найти мячик, который потерял, будучи еще ребенком: вдруг обнаруживаешь его в кладовке, и сердце переполняется сладостным и щемящим воспоминанием, более острым, чем сами те времена, которые сладостными уж никак не были. В ту зиму, когда мы расстались, всё могло закончиться очень плохо.

Я служил в армии. Наша батарея размещалась на вершине горы Мерон. Зима в том году запаздывала. Я был одним из трех солдат, направленных для прохождения длительного и сложного курса на отдаленную базу в пустыне Негев. Условия были тяжелыми: очень холодные ночи, жили мы в маленьких полевых палатках, по двое в каждой, ели из пластиковой посуды, командиры были строгие и придирчивые. Всё это мне не нравилось, и я успел рассориться со всеми, особенно со своим непосредственным начальством.

Однажды вечером я лежал в палатке, постелив на землю спальный мешок, и размышлял, до чего же паршивая эта жизнь. Если не считать моего командира и двух часовых на другой стороне лагеря, я был один. Все уехали на ближайшую авиабазу смотреть кино, а я не захотел. Я думал об Анат – моей девушке, о том, что дела у нас не ладятся уже длительное время и что мы отдалились друг от друга. Вдруг я услышал шум снаружи.

– Эдри, выйди. – Это был мой командир. Я глубоко вздохнул и выбрался из палатки.

– Почему твое оружие снаружи, а сам ты – внутри?

– Мой автомат внутри.

Он не поверил, поэтому я достал автомат из палатки.

– Тогда чей же этот? – спросил он, указывая на предмет, лежавший в темноте, метрах в двух от палатки. Я пожал плечами и подошел посмотреть – это был всего лишь деревянный кол. Я показал командиру.

– Ладно, – произнес он. – Скажи, Эдри, кто это – Анат Левинсон?

– А в чем дело? – спросил я, напрягаясь.

Он вынул из кармана письмо:

– Это для тебя, его передали из твоей части.

Я протянул руку.

– Э нет, – сказал он. – Сначала тридцать отжиманий в положении «лежа».

– Что?

– Тридцать отжиманий. Давай.

Спустя почти год, проведенный в армии, воспоминание об Анат было единственным, что оставалось чистого и хорошего в моей жизни, – единственным, ради чего стоило просыпаться утром и проживать еще один день. Ее письмо у него в руках показалось святотатством даже такому нерелигиозному человеку, как я.

– Дай письмо, – сказал я дрожащим голосом.

– Нет, Эдри. Не так быстро. Ладно, давай двадцать пять отжиманий. Вперед.

Он улыбнулся, и эта улыбка показалась мне насмешкой над слабостью, которую он обнаружил во мне: над любовью к женщине.

– Давай, Эдри, я не буду ждать всю ночь.

Я передернул затвор и направил на него ствол автомата. Улыбка молниеносно исчезла с его физиономии.

– Эдри, что с тобой? Живо опусти автомат.

Я не мог говорить.

– Эдри, что с тобой?

– Отдай письмо.

– Эдри! Опустит оружие!

– Я выстрелю в тебя, – сказал я, сжимая автомат. Он застыл.

– Я выстрелю в тебя, – повторил я. – Брось письмо.

– Эдри, потом не выпутаешься!

– А ты будешь покойник, – мой голос дрожал. Я сорвался на крик: – Брось письмо!

Он бросил его.

– А теперь разворачивайся и убирайся отсюда, – произнес я.

– Это тебе дорого обойдется.

– Да? – сказал я. – Здесь никого нет. Мое слово против твоего, а я могу быть настолько убедительным, что тебе никто не поверит.

Он стоял на месте как вкопанный, руки его дрожали. Потом повернулся и ушел. Я положил автомат, поднял письмо и простоял так несколько минут. Только теперь до меня дошло, что я натворил. Затем глубоко вздохнул и залез в палатку с автоматом и письмом. Я улегся на спальный мешок, убрал из-под головы мешавший мне камешек, вытащил из рюкзака карманный фонарик и распечатал конверт. Письмо было недлинным, всего одна страница. Я включил фонарь и начал читать.

«Йоав, мне трудно. Я больше так не могу. В последние месяцы нам не было хорошо вместе. Я думаю, что, по сути, мы уже наскучили друг другу, а продолжаем просто так, потому что удобно, потому что привыкли. Однако мы уже не получаем настоящего удовольствия, ведь так? Йоав, я говорю “мы”, потому что мне кажется, если честно, и тебе немного надоело. Может быть, тебе труднее, потому что ты далеко и один, но когда ты был со мной, ты не радовался уже так, как раньше.

Может, всё кончилось, а может, нам просто нужно немного отдохнуть друг от друга, пообщаться с другими. Конечно, это звучит ужасно, – ведь я здесь, в Тель-Авиве, и могу общаться с кем хочу, а ты там, на горе Мерон, с тридцатью парнями.

Я хочу немного отдохнуть, так что давай на время расстанемся, хорошо?

Пожалуйста, не сердись, мне так тяжело.

До свиданья. Я».

Я прочитал письмо еще и еще раз, потом сложил его и убрал в конверт. Затем положил возле себя и лежал так с открытыми глазами.

Прошло два-три часа, все вернулись с фильма, и стало шумно, мой сосед по палатке зашел и снова вышел. Потом гомон стих – в конце концов все заснуло, – а я так и лежал. Наконец выбрался наружу, зажег сигарету и пошел выкурить ее рядом с орудиями. Было жаль, что у меня нет спиртного. Вернувшись в палатку, я забрался в спальный мешок и попытался заснуть, но пролежал без сна еще несколько долгих часов и задремал лишь под утро.

В половине шестого нас разбудили. Я вылез из палатки и начал скатывать спальный мешок. Еще издали я увидел приближающегося ко мне командира, в руках у него было предписание.

– Держи, – сказал он. – Ты возвращаешься в свою часть, для тебя этот курс закончен.

Я взял бумагу у него из рук.

– И не будь так доволен собой, тебя ждет небольшой сюрприз.

Я проводил его взглядом. Затем собрал свои вещи, надел строевую форму и попрощался с остальными солдатами. Похоже, они уже что-то слышали обо мне и сержанте, поскольку были очень серьезны. И они не сразу поняли, что я-то как раз не знаю, в чем проблема. Наш повар вызвался просветить меня:

– Эдри, я не знаю, что ты там натворил, но тебе крупно не повезло: дядя этого идиота – командир твоего батальона на Мероне.

«Вот как, – подумал я. – Вот как. Сержанту даже не нужны свидетели, ему даже не нужно подавать рапорт. Комбат придет на батарею и уж найдет что-нибудь, в чем меня можно обвинить, – какую-нибудь пуговицу не на месте, невычищенное оружие – если нужно, обязательно найдет. Он сам вынесет приговор, и я надолго отправлюсь на гауптвахту».

– Этот комбат должен демобилизоваться через пять дней, – вспомнил я.

– Будем надеяться, что у него в течение этих пяти дней найдутся дела поважнее, – сказал повар.

Я кивнул, попрощался со всеми и ушел. Эта база была расположена далеко от населенных пунктов, и только под вечер я добрался до дома своих родителей в Тель-Авиве и позвонил Анат, однако не застал ее. Усталый, я улегся в кровать и снова перечитал письмо. «Вот чудная выдалась неделька, – думал я. – Анат бросает меня, а я отправляюсь на “губу”. Классно». Я так устал, что заснул с письмом в руке.



Когда я проснулся, было уже девять утра.

На Центральной автобусной станции я купил бутылку водки, и, когда через пять часов достиг подножия горы Мерон, половина была выпита. Я вышел из автобуса, сел и стал ждать попутку. Пока добрался до ворот нашей базы на вершине горы, прошел еще час. Голова кружилась от алкоголя. Покачиваясь, я прошел внутрь. Часовой на воротах прокричал мне:

– Йоав, как дела? У тебя проблемы, дорогой, а?

Я улыбнулся ему и направился к своей комнате. Вошел, увидел двоих соседей, растянувшихся на кроватях.

– Эдри, Эдри! – воскликнули они, как только я переступил порог. За минуту в комнате собралось человек сорок. Ребята похлопывали меня по плечу и предлагали бесплатную помощь от своих семей. Все знали, что я попал впросак. Вошел командир батареи.

– О’кей, – сказал он. – Всем, кто не отсюда, выйти!

Они медленно и очень шумно вышли.

– Ты хочешь поговорить со мной? – спросил он и взглянул на двоих моих соседей по комнате.

– Нет, всё хорошо.

– Так, – продолжил он, – а я слышал не самые приятные вещи о тебе. От комбата. Слышал, что ты угрожал оружием своему инструктору.

– Не совсем так, – соврал я, пожав плечами.

Он пристально посмотрел на меня.

– Комбат приезжает завтра утром, хотя ему совершенно незачем приезжать – он увольняется через четыре дня. Едет он из-за тебя.

Я молчал. Командир побродил по комнате и со вздохом сказал:

– Эдри, Эдри, скажи мне, зачем надо было создавать такие проблемы? Если ради тебя он приезжает сюда из долины за четыре дня до увольнения, то ты в беде. Он едет, чтобы устроить тебе неприятности. Найдет что-нибудь, чем прижать тебя, и я буду вынужден поддержать рапорт, а он засудит тебя и отправит прямиком в тюрьму.



Я продолжал смотреть на него.

Он глубоко вздохнул и кивнул мне:

– Ладно, ничего не поделаешь. Располагайся, поешь чего-нибудь. Сегодня ты освобожден от нарядов.

– Спасибо, – ответил я. Он опять покачал головой, будто не веря, и вышел. Два моих соседа навалились на меня, желая услышать подробности, но я не стал распространяться.

Настал вечер, и после ужина, когда пришлось выслушать всевозможные советы на тему «как без труда уйти от суда», я вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Работала печка, было тепло. Соседи мои надели куртки, шерстяные шапки, уличные ботинки и отправились в караул. Я лег на кровать, но опять не мог заснуть и просто лежал в тишине. Вдруг вспомнил Анат и начал плакать. Долгое время я лежал, а слезы лились из глаз, пока, наконец, не закончились. Я же продолжал лежать в темноте, смущаясь и всё не засыпая.

В три часа утра пошел снег. Поначалу слегка, а через час всё сильнее и сильнее. Часовые разбудили всех: стали кричать, мол, снег, снег, – выйдя наружу, все начали играть, бросаться снежками и лепить снежных баб. А снег шел и шел, не переставая ни на минуту. Он не прекратился и утром. База оказалась отрезана, все подходы занесены снегом, вода в трубах замерзла. По радиции нам сообщили, что подъезд к горе тоже занесен. Снегопад всё продолжался: такого здесь не видели несколько десятилетий, продовольствие и топливо нам спускали с вертолетов. Никто не ожидал такой зимы – а снег всё шел и шел пять дней без остановки. И комбат не приехал, чтобы отомстить за племянника. Когда же снегопад прекратился и дороги расчистили, у нас уже был новый комбат, который ни о чем не знал. За всю жизнь я не видел снегопада красивее, чем тот.

*Ī adāāā nē eādeōā*

*Āēēēēē āda ēōpētāā*



## КНИГОНОША

Подводя итоги года, заметим, любезный читатель: «Еврейский книгоноша» в «Лехаиме» состоялся. И в преддверии Рош а-Шона особенно приятно представлять наших постоянных авторов. М. Горелик не частит. Однако сегодня именно он в своей рубрике: да-да, когда-то «под Горелика», не умещавшегося в существующий формат, создана была рубрика «Читатель читателю». И сегодня он, как всегда, говорит о книге, ставшей событием: изданные в Нью-Йорке на русском языке воспоминания Ребе Раяца о его тюремном заключении и последующем освобождении, ежегодно отмечаемом хасидами 12 тамуза. В рубрике «Русское слово на Земле Израиля» В. Хазан и Р. Тименчик. Письмо Андрея Соболя к П. Рутенбергу написано было между предпоследней и последней попытками самоубийства писателя. Последняя, кстати, оказалась успешной: 9 июня 1926 года Соболев был похоронен в Москве, так и не увидев Палестины. В. Шаламов писал: «Соболев много печатался, но искал не славу, а что-то другое...» Думается, трагическая и сложная фигура писателя, выведенного В. Катаевым в повести «Уже написан Вертер», еще не раз окажется в центре наших публикаций. Что касается Р. Тименчика, то ловишь себя на мысли, что он «расходится на цитаты»: не успеешь прочесть, как кому-то уже пересказываешь об Анне Андреевне глазами Рахили Баумволь: и «собственной своей рукой», и красные ногти, и вот это: «я не понимала ее суть...» Для многих читателей будут вновь прекрасные стихи Р. Баумволь.

***Íàø ìàðòíàð***

***Áàøàðè / Èàðòíàèè***

***àè. Áàðè'àñ ä 10***

***Òàèàòíí: 972 (2) 624-25-27***

***Òàèè 972 (2) 624-25-05***

***E-mail: [house@gesharim.org](mailto:house@gesharim.org)***

***Ì íñò ù èèèùòòò / Ì íñèà***

***Èèèèèèèè èèèèèèèè ä 1, ñòð 3***

***Òàèàòíí: (495) 792-38-56***

***Òàèè (495) 792-38-56; e-mail: [gesharim@e-slovo.ru](mailto:gesharim@e-slovo.ru)***

## ТРАЕКТОРИЯ ГЮНТЕРА ГРАССА

### *עֵאִי עַּיְ עֵאֶוֶיַּ*

Весь конец лета 2006 года прошел в спорах и обсуждениях фигуры, личности и творчества нобелевского лауреата, видного борца с фашизмом, романиста, мемуариста и публициста Гюнтера Грасса. И причиной всему не столько его новые творческие достижения, сколько открытие самим Грассом в преддверии выхода его новых мемуаров, одного важного биографического обстоятельства: во время второй мировой войны живой классик служил в войсках СС!

Не обошлось и без предложений лишить Грасса Нобелевской премии, а с требованием лишить его почетного гражданства польского города Гданьска, колыбели профсоюза «Солидарность», выступил сам ее основатель Лех Валенса.

Это неизвестное доселе обстоятельство и заставило нас вернуться на несколько лет назад, когда в русском переводе вышел последний, кажется, роман Грасса «Траектория краба». Тогда же мы опубликовали в «старом» «Еврейском книгоноше» рецензию на этот роман, причем коснулись в ней именно еврейского аспекта книги. В то время как другие критики куда больше интересовались военно-политическими аспектами сочинения о событии, которое связано у нас с именем подводника Н. Маринеско, потопившего в конце войны огромный немецкий транспорт. Вот наш тогдашний текст, оставшийся еще в малотиражном «Еврейском книгоноше», прародителе нынешней рубрики журнала «Лехаим». Вернуться к не такой уж давней рецензии на роман заставляет нас еще и тот факт, что сама «Траектория краба» книгой так и не вышла, оставшись лишь на страницах журнала «Иностранная литература».



*«Αἰὼεῖτο».*

*Ὁδὸν τῆς ἐπιπέδου ἐπὶ τῶν ἀντιπλοίων*

*Ἀπὸ ἀρχῆς*

*1 ἰανουαρίου 1936 ἄρ. 1*

Выход в свет сочинения недавнего нобелевского лауреата Гюнтера Грасса «Траектория краба» не вызвал в России чрезмерного интереса. Причины этого мы исследовать не будем, ибо то, что вызывает сейчас интерес у современного читателя, – процесс скорее социологический, чем культурный. К тому же отсутствие интереса как раз наиболее интересно. Видимо, порог чувствительности современного российского читателя снизился до уровня не менее, если не более низкого, чем немецкого. Ведь сочинение это написано остро, остроумно построено и посвящено исключительно важной теме: попытке в духе современной ревизионистской историографии поменять местами жертв и палачей второй мировой войны.

Если уж говорить об интересе к сочинению Грасса, то его в наиболее острой, хотя общественно и не очень шумной, форме выразили моряки и жители Калининграда. Впрочем, их волновало лишь отношение Грасса к судьбе Маринеско, на могилу которого нобелиат, как кажется, отказался пойти в Калининграде. Ведь основным событием у Грасса является эпизод гибели огромного корабля «Вильгельм Густлофф», потопленного советской подводной лодкой под командованием Маринеско в 1944 году.

Советским читателям 1970–1980-х годов возможно еще памятли дискуссии о том, надо или нет присваивать звание Героя Советского Союза командиру подводной лодки, потопившей «Густлофф». Этому была посвящена и на шумевшая в свое время книга А. Крона «Капитан дальнего плавания». В итоге, уже в перестройку, соответствующее звание Маринеско было посмертно присвоено. И, похоже, что другая

перестройка привела к появлению романа Грасса. Ведь и в СССР, и в ГДР история с «Густлоффом» упорно замалчивалась. Причины были и у той и у другой стороны.

Об этом, однако, позже. Пока же о сюжете повествования. Книга посвящена тому, что некий журналист, работавший много лет в относительно левых газетах, оказывается ребенком, родившимся на «Густлоффе» в момент гибели корабля. Его мать чудом спасается. Она находилась на этом корабле среди немецких беженцев. В свое время, до войны ей пришлось путешествовать на «Густлоффе» в рамках гитлеровской программы «Сила через радость».

Суть истории сводится к тому, что в добавление к традиционному рассказу то ли о героизме советских подводников, то ли к описанию страданий гибнущих немцев, среди которых были далеко не только военные, Грасс вводит в повествование собственно историю реального гитлеровского активиста раннего периода существования нацистской партии. Этот ранний нацист (по нацистской терминологии – мученик) был убит евреем Давидом Франкфуртом. Франкфурт, отсидев свой срок в швейцарской тюрьме, в итоге закончил свои дни в Израиле. Именно эту историю Грасс выворачивает наизнанку, когда описывает виртуальную дуэль сына главного героя с неким евреем Давидом, который вступил в спор с юным апологетом исторического Вильгельма Густлоффа на просторах всемирной паутины. Этот образ, если речь идет о евреях, нам хорошо знаком по антисемитской топике, связывающей еврея-паука и охваченный им весь мир. Однако, быть может, Грасс всего лишь хотел актуализировать свой текст, включив в него и признаки современной цивилизации? Это могло бы оказаться и так, если бы в итоге не произошло того, что произошло в романе. Придумал же Грасс замечательный сюжетный ход, когда виртуальный Давид оказывается в итоге реальным немцем, которого убивает сын героя. «По совместительству» этот сын был, естественно, и внуком спасшейся на «Густлоффе» женщины – матери повествователя. И здесь, кроме «паутины», мы встречаем еще один стилистический прием, который не может быть обойден вниманием.

Традиционный термин для обозначения судьбы евреев во второй мировой войне – «катастрофа» – употребляется Грассом исключительно для потопления «Густлоффа». И опять же, если бы книга была посвящена исключительно этому событию, то не возникло бы никаких проблем, тем более, что подобные эпизоды действительно называются катастрофами. Однако всё построение «Траектории краба», которая заканчивается в итоге достаточно откровенной проповедью принципиальной несовместимости еврейства и германства, звучащей из уст сына повествователя на суде, говорит о том, что стилистических проблем у Грасса нет и быть не может. Ведь и название новеллы с ее «крабом» говорит о том, что еврей Франкфурт, убивший «мученика» Густлоффа из идейно-еврейских побуждений, провел всю мировую войну, как краб «на дне», в швейцарской тюрьме. А со dna немецкой души сына повествователя поднялась ненависть, воспитанная далеко не только поколением бабушки. Кстати, фанатичной коммунистки (не важно, насколько искренней), прожившей жизнь в ГДР.

В этой стране, как мы помним, никакой денацификации не было. Впрочем, это уже не проблемы германо-еврейских отношений, а вопрос отношений германо-германских. Вообще говоря, Грасс очень внимателен ко всему, что происходит в его стране в отношениях евреев и немцев. Здесь он следует чуть ли не за газетами. Он упоминает и антисемитские предвыборные выступления некоторых кандидатов в Бундестаг, и анти-израильские настроения в Европе. Его волнует ситуация на Ближнем Востоке. Обходит он своим вниманием лишь один вопрос, достаточно важный именно в связи с его романом.

Известно, что ряд детей и внуков деятелей немецкого фашизма вполне реально принимают гиюр, переходят в иудаизм. Так выражается у них комплекс вины, тот самый комплекс, который так раздражает Грасса. Впрочем, когда-нибудь, когда события времен Шоа и второй мировой войны историоризируются, когда последние участники этих событий уйдут в мир иной, неизбежно изменение отношения уже последующих поколений к проблеме вины. Однако у Грасса действуют целых три поколения одной немецкой семьи, для которых история «Густлоффа» – не история. Равно как не история в этом же смысле и принятие облика еврея современным немцем, который и был убит при встрече двух виртуальных полемистов представителем немецкого духа. Нельзя не заметить, что поступок Давида Франкфурта, сознательно убившего фашистского функционера и сообщившего об этом в полицию, представляет собой пример еврейского поведения, который не укладывается в сознание антисемитов, представляющих евреев трусливыми порождениями их «женственной природы». Именно поэтому столь силен идейно ход Грасса. Убий сын повествователя простого еврея-борца с антисемитизмом и реваншем, мы бы получили пропагандистскую поделку, за которую не только второго нобеля не дадут, но которую и читать не стоит. То же, что сделал Грасс, – куда глубже.

Немец Конни, убивший виртуального Давида, бывшего в реальности Вольфгангом Штремплином, убил в итоге в себе виртуального еврея. Именно после этого Конни смог, наконец,

уничтожить далеко не виртуальную модель «Густлоффа». Правда, тогда на его тюремной полке, откуда исчезли фотографии Маринеско (кстати, неясно, какая из них была подлинной, то есть, в сущности, вновь – виртуальной), среди компьютерных учебников появился двухтомник Кафки.

И здесь Грасс не банален. Ведь помимо напрашивающегося «Процесса», который вполне возможно прочесть в тюрьме, никуда не деться от еврейских обертонів «Дневника» Кафки и – главное – его писем к отцу. Ведь именно от отца героя «Краба» мы узнаем об этой тюремной полочке сына.

Из сказанного может возникнуть впечатление, что бывший когда-то достаточно либеральным Грасс опустился в коричневые пучины. Это совсем не так. Дело куда сложнее. Грассу, как и любому вменяемому европейцу и немцу, ненавистен фашизм и тоталитаризм. Он готов прямо назвать фашизм дерьмом не только из-за цвета гитлеровских рубашек, но и потому что писатель так действительно думает. Хочется же только одного и вновь несбыточного: чтобы всё это было в чисто немецком обществе, без турок и евреев. В этом-то вся заковыка. Отсюда и высказывания героев о том, что евреи должны отправляться в Израиль, и о том, что в фильме «Титаник» именно этой катастрофе придали характер знакового события, а не куда большей по количеству жертв истории с «Густлоффом». Забывается при этом лишь одно – и у евреев была подобная история. Мы имеем в виду потопление судна с еврейскими беженцами уже от гитлеровцев – «Штрума». Совершил это вновь советский герой-подводник, награжденный орденом Красной Звезды. Это событие столь же долго скрывалось советской пропагандой, более того – в антисемитских брошюрах мы могли читать, что еврей-сионисты это сделали сами.

И тут нам захотелось сыграть в одну забавную игру, которая спровоцирована автором «Траектории краба». На протяжении всего романа автор ссылается на различные (не знаем и не хотим знать, реальные ли) сайты в Интернете-паутине, посвященные воспеваю подвига Густлоффа и потоплению названного в честь него корабля. Мы отказались от идеи проверять названные сайты. Да в этом и не было необходимости. В первом же попавшемся московском магазине так называемой интеллектуальной книги мы обнаружили интересующий нас текст: Вильям Пирс «Потопление “Вильгельма Густлоффа”». Текст, понятно, с сайта, который мы приводить не будем. Книга же «Ревизионистская история: взгляд справа» вышла в качестве приложения к журналу «Байки бабы Яги» (ББЯ), № 1А, который ранее был известен как «Русский хозяин». Это всё Москва, 2003. С. 60–65. Пройдемся по этому тексту. Это будет достаточно полезно, чтобы не в виртуально-литературном, а во вполне реальном тексте проследить, на какой опасной грани балансирует Грасс.

Итак, всё начинается, разумеется, с фильма «Титаник». Похоже, что выход этой пошловатой мелодрамы произвел впечатление на всех «густлоффцев». Правда, в отличие от Грасса и от советских источников Пирс не упоминает никаких военных на борту корабля, говоря лишь о беженцах – женщинах и детях, – которых было «большинство» на борту. Далее говорится о том, что беженцы скрывались от зверств Красной Армии, которая двигалась в Данциг и Восточную Пруссию, об изнасилованиях и других издевательствах над немецким населением. Далее сообщается, что помимо полного отсутствия чего-либо человеческого в сталинских солдатах, «гораздо более непосредственной причиной зверств над немецким населением Восточной Пруссии была советская человеконенавистническая пропаганда, которая умышленно подстрекала советские войска насиловать и убивать – даже малолетних немецких детей. Шефом советской пропаганды был пропитанный животной ненавистью еврей по имени Илья Эренбург». Далее приводится «цитата» из Эренбурга, явно сомнительная, и появляется герой многочисленных публикаций о «двухстах годах вместе» – А. Солженицын. О нем сообщается, что он был брошен в ГУЛАГ за то, что не принял близко к сердцу директивы товарища Эренбурга. При этом приводится цитата из «Прусских ночей» Солженицына на интересующую нас тему. Далее, точно в стиле сайтов «Траектории краба» идет неторопливый рассказ: «Итак, немецкое население в ужасе бежало из Восточной Пруссии, и для многих из них единственным спасением был путь через Балтийское море. Они набились в порт Готенхафен, возле Данцига, надеясь переплыть на Запад. Гитлер приказал задействовать в спасательной операции все имеющиеся в распоряжении гражданские суда. “Вильгельм Густлофф” был одним из них. Пассажирский лайнер водоизмещением 25 000 тонн, до войны его использовала организация “Сила через радость”, которая организовывала недорогие путешествия и экскурсии для немецких рабочих». Описание этих счастливых экскурсий и воспоминания о них – существенная часть сочинения Грасса. «30 января 1945 г., когда он отплыл из Готенхафена, на его борту находились 1100 офицеров и матросов команды, 73 тяжелораненых солдата, 373 молодые женщины из Вспомогательной Женской Морской Службы и свыше 6000 обезумевших беженцев, большинство из которых женщины и дети». Затем описывается потопление «Вильгельма Густлоффа» и другого корабля-госпиталя «Генерал фон Штойбен», совершенное Маринеско. Характерно, что так называемые 1100 офицеров команды были офицерами команд подводных лодок. Но как всегда бывает в истории, в подобных случаях это не важно. Ведь Маринеско не мог об этом знать. А вот «ревизионист» врет нарочно. Однако главное не в этом. Главное то, ради чего всё написано. Ради чего у Грасса – мы видели. А вот ради чего пишется это современным недавно умершим американским фашистом

Вильямом Пирсом: «Евреи начали сочинять свою историю “холокоста” и требовать симпатий от всего мира, а также репарационных денег от всех, от кого они только могли их получить. Когда они начали причитать о своих якобы убитых в “газовых камерах” шести миллионах соплеменников плохими немцами и изображали себя невинными и безобидными жертвами величайшего преступления в истории, то они не хотели присутствия никаких фактов, могущих помешать их предприятию. И, конечно же, они не хотели, чтобы американцы были осведомлены об обеих точках зрения на этот конфликт; они не хотели, чтобы немцев также считали жертвами. Все немцы были злом, как сказал товарищ Эренбург; а все евреи были благом, и на этом точка. Евреи страдали, а немцы не страдали, и поэтому весь мир должен деньги евреям за то, что он не остановил “холокост”». Именно этой причиной и объясняются огромные миллионы, вложенные еврейскими медиа-боссами в «Титаник», а не в возможный «Густлофф». Разумеется, Грасс более изощрен и тонок. Однако скелет его сочинения, а теперь мы видим, что придумано автором и что из чего сделано, прост, если не примитивен. Усложняется он лишь включением линии мать повествователя – повествователь – и их виртуально-еврейский, но реально-немецкий визави. Забавно, что американский фашист не додумался до линии Франкфурт–Густлофф. Но она лишь усилила то, что из без того проступает сквозь текст Грасса.



Вообще говоря, появления такого романа стоило ждать. Ведь теперь завершается целый этап размышлений евреев и немцев о реальности или мнимости немецко-еврейского симбиоза. Когда-то мысль об отсутствии этого симбиоза в реальности высказывал Гершом Шолем. Однако его статья на русском пока не вышла. Зато вышла книга, изданная в 2003 году петербургским издательством «Бельведер», – Леон Ботстайн, «Евреи и новое время. О роли евреев в немецкой и австрийской культурах (1848–1938). Очерки». Эта книга – первая на русском языке попытка описать трудности, проблемы и радости немецко-еврейского взаимодействия в культуре. Однако все положительные стороны этого процесса перечеркиваются как раз датами 1848 – европейских революций и 1939 – начала второй мировой войны с ее общеизвестным итогом. Поэтому предисловие к русскому изданию книги, вышедшей на родине автора около 15 лет тому назад, далеко от оптимизма: «Продолжающиеся в Германии дискуссии о судьбе евреев, споры о памятниках и музеях породили реакцию общественного мнения, более агрессивную и самонадеянную. Сейчас всё чаще раздаются требования остановить ставшие ритуалом бесконечные послевоенные обвинения, принятие на себя вины и репараций. В 1990-х получила хождение идея о необходимости сделать истребление евреев достоянием прошлого, с тем чтобы оно перестало влиять на современную политику и так или иначе определять культурную идентичность Германии и ее истории. Ирония, однако, заключается в том, что в эпоху, отмеченную развитием пан-Европы, европейской интеграции и так называемой глобализацией, такие веяния абсолютно неуместны. По моему мнению, Холокосту, хотя он и был явно немецкой инициативой, во многом способствовало нарастание антисемитизма в Европе и далеко за пределами Германии, в Северной Африке и Восточной Европе, включая западную территорию бывшего Советского Союза». Современный русскоязычный читатель имеет возможность представить себе всю напряженность нынешней немецко-еврейской ситуации.

Вернемся теперь в 2006 год. Но не в большой мир европейской и германской политики. Спустимся на уровень простого семнадцатилетнего немца Г. Грасса. Того самого, который в восторженном порыве пошел служить тому, что называет теперь «дерьмом», и который через почти 60 лет после этого получил за свой антифашизм и литературный вклад в художественное осмысление феномена нацизма мировое признание. Как будет выглядеть исследование глубин изживания в себе одновременно и фашиста, и

еврея, и даже моряка, отправляющего ко дну «Густлоффа», после сегодняшних известий о реальной судьбе самого Грасса? Ведь перед тем, как признать факт своей службы (пусть и кратковременной) в войсках СС, он решил выдать-таки из себя (или своего лирического героя?!) еврея. Ведь сегодня восьмидесятилетний Грасс вдруг ощутил, что мог быть убит в бою каким-нибудь Франкфуртом, да и красноармейцем. Слишком уж глубоко копнул психологию и генетику своих героев. Да и ненависть к американскому «Титанику» не случайна. Не могли соответствующие американские спецслужбы не знать о ранних этапах биографии Грасса. А тогда, вслед за автором «Траектории краба», мы можем предположить, что ненависть к американской версии морской трагедии связана и с вытесненным страхом несостоявшегося разоблачения, которое могло помешать ему удостоиться Нобелевской премии.



*«Антидот».*

*2003 г.г.*

Теперь же, когда Нобелевский комитет наотрез отказался обсуждать вопрос о пересмотре своего решения, в чем, впрочем, в соответствии с уставом Шведской академии, можно было и не сомневаться заранее, Грасс оказался свободен в своих действиях. Однако невозможно читателя заставить теперь читать его антифашистские сочинения, зная о той «траектории краба», какую прошел за шесть послевоенных десятилетий автор романа о гибели «Густлоффа». И позднее покаяние здесь ничего уже изменить не сможет.

## ГОЛОС ИЗ ДИКТОФОНА

Роман Тименчик

В титуле нашей рубрики следовало бы оговорить одно слово. Слово это «слово». Когда мы говорим о русском слове на земле Израиля, имея в виду слово литературное, то должны вспомнить: всё, что подлежит ведению истории литературы, расчленяется на две части – письменную и устную.

Ко второй относятся обрывки запомненных кем-то и нигде не сохранившихся стихотворений или стихи, дошедшие до нас только потому, что стали песней, рассказанные кому-то и никогда не записанные планы повестей и романов, эпиграммы и литературные анекдоты, бывшие слухи и сплетни, да и просто устные мемуары, в которых поэтика жанра не только позволяет стилистику, отличную от письменного текста, но прямо-таки обязывает к ней.

13 октября 1997 года исполнительницы идишских песен Полина и Светлана Айнбиндер привели меня к Рахили Баумволь. Я хотел записать ее рассказ о встречах с Анной Ахматовой. В Иерусалиме она поселилась за двадцать лет до меня, в 1971-м. В 1996 году ушел из жизни ее муж, поэт Зиновий Львович Телесин. Ее маленькая квартирка стала для меня неотъемлемым, неотдираемым фоном ее поздних стихов о старческом одиночестве, где ей снились столь знакомые жителям безводного города сны об ускользающем море:

*Ī īā īīā ōōōī īī ēēīīīī ī īōā-*

*ōōēēēēī ī āāī ē āīāā,*

*Āāīēīīā-ī īūā ēāē āōā,*

*×ōī īōēōīāēō ī āāīīīā*

*Ī āāī, ī īōā ōōāōā īōāēē...*

*ōōēēēēī āāīī īēōōīīā ī īāī,*

*Āūē ēē āāīāī ē āīāā ēē*

*В āūēā ī ā āāīāī*

Незадолго до нашего визита был впервые опубликован ташкентский дневник Лидии Чуковской. Среди других бесед, коротавших месяцы и годы ахматовской эвакуации, там записан диалог от 2 ноября 1942 года:

Тараховская сейчас переводит замечательные стихи, одной еврейской поэтессы. Ах, какие! Замечательные, первоклассные. Я очень хотела показать подстрочники Л<идии> К<орнеевне>. <...> Я сказала, что стихи – как-то родственны Квитко, так же материален мир и так же всё наивно. «Нет, не наивно, по-моему, – сказала Ахматова, – а с нарочитым примитивизмом. Этакий Шагал».

Рахиль Львовна, выслушав от меня пересказ этого места, достала из серванта две книжки: ахматовскую зеленую (так называемую «лягушку») книжку весьма скупо избранных стихов 1961 года –

*Āāōēēē Āāōī āīēū*

*çā ÷ōōāīī ūā īōēōē*

*Āīīā Āōī āōīāā-*



*Nēīāīī űēàòùī Āāēēēēī īīñōīī.*

*Āēēīū òāīŷ ó Đūē ī à āēāū*

*B, űñō òā ŷ, òŷāīī ēāū*

*Đīñō ī īē ī āē, ŷ űō òēp űū űēāēā,*

*Çā ű ē ī īp - űō òāāāī ē ē āāēā*

*Ōī òū ē òāđīēī ē ŷ ēđīāē, ēāē òū,*

*B āpē òā òū ī ā ī űñ ű āū ű ò ű.*

*Ī ī ē ī āđīā, āēŷ ēīā ŷ ī īp, -*

*Đāçāī űēū òē ò īī ī āū p ī īp?*

*Ī āū p ī ò ī ŷēē çēūā āđāē,*

*Ēīđī ēāā, űñōā, īīī īāē!*

*Ī ī ā ī ā āāī ī ē űō òāī, ī ē ī ī òāē,*

*Ī ē -ōāāū ī ē ēīđī ű ò āīāē.*

*Ōīēūēī ī āū p çāñ ò āāī ē ò āāđī ò ò ű*

*...Ī ű ű ò ī āē ī òīāīēāēāū ī āē ī ò ò ű*

*Ī ű ēāū īī āē ēāīp ī ā ű āēā*

*Ī āāđīāāā ò űŷ ī īē - ā āōçā*

*Āīāđāē ī òīñō ē òāā ò űŷ ēāī*

*Ōē òēīā āī ēā ò āī ī āāāī*





*Ὀαέέα ἐβᾶε δααέτ δῖααᾶρὸνῖ. Ἴὶ αὐέ τᾶὶ ἰ τᾶᾶδὸαὶ τὸαί. Ἐ εαέετέ ἰῖγὸ! Ἴὸ ἰ αὶγᾶ ἰεᾶᾶ  
τᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶ ἰ ἰδὸῖ..*



*Ἄ. Ἀοῖ ἰδὸῖᾶᾶ*



И к одному из стихотворений о том, как сложилась ее судьба, Ахматова после смерти Галкина подобрала эпитафию из его стихотворения, сочиненного в лубянской камере по-русски и для конспирации записанного еврейскими буквами:

*Ἀῖὸ ῖ ἰῖδῖαᾶ ἰεᾶ ἰᾶ ἰ -*

*Ἴὸ ἰῖδῖαᾶ ἰῖ ἰεᾶ,*

*Ἴὸ ἰεᾶᾶ ἰῖ ἰῖδῖαᾶ,*

*Ἀῖὸ ἰ ἰῖ ἰ ἰῖ ἰῖδῖαᾶ*

*В ἰῖ ἰᾶᾶ ὀῖαᾶ ὀῖαᾶ*

*Áé í ðí á ðá ðáííéàæó  
 Ðáííéàæó í ðí áíá ò ðáííæ  
 Òté áí ðí æáí íéá áí ðí áí  
 Áíò ù áí ðí æáí íéá í áí á,  
 Í á éí ðí ò éá, í á áééí í á,  
 Í í í í í áé ò í áééé í í í á -  
 È í á: áéíí á ò á áí ðí áí  
 Β ò áí á ðí í í í áé ò í æó  
 Í áí ò ðí áí í á ááéíí áééæó  
 × ò í ý áéæó á ò í é ááéé?  
 Í á ò í é í ááá, í é çáí éé.  
 Áíò ù áí ðí æáí íéá í áí á -  
 Í ò í í ðí áí áí í é í á,  
 Í ò í é í á é áí í í ðí áí  
 Áí ò é áí ý í ý áí ðí áí*

Об одном знаменательном разговоре в начале 1961 года читаем в воспоминаниях поэта Грейнема Ратгауза:

*- Νέεεòá, íéí ðí áíéæáí á ù ò ù Ðáðééíí Á. <sic!> (ááðééíéáý í ý ò áííá, éí ò í ðí ð ò áíéò Áííá  
 Áí áðáááí á é í éí ò í ðí é í í á éí ðí ò éí íéá çáéá: «Í áí ù ò áéáí ò ééááý»). Í í áí ò çáí í éò ò áéá ò í í, ý ò í -  
 Ðáðééíí Á, é Áííá Áí áðáááí á ðáíí ò í í áí áí ðé ò áé: «Çáðáíí ò áíé ò á, í ééóá...»*



*Ν. Ááéééí.*

Возможно, ожиданием визита Рахили Баумволь объяснялось появление новой темы в разговоре о своих переводах, который Ахматова вела с мемуаристом. Об этой работе она говорила без воодушевления.

*Īāī āēī Āōī āōīāā āūāāēēā nāīē īāāāīāū ēç āāāēīēīē īīŷēē; īī āā nēīāāī, īīā n-ēōāēā  
-āōōīp āēŷ nāŷ īāāāīāēōū «īīŷōīā āīēī īā īāōīāā».*

«МНЕ НУЖНА, ХОТЯ БЫ НА ВРЕМЯ, НО ДРУГАЯ ЖИЗНЬ»

*Ἰ ἐπιῦ ἰ Ἀ. Νῖταῖϋ Ἰ. Βοὸαῖ ἀαδῶ*

*Ἀεῶαεῖ εδ Ὀαῖαῖ*

*Ἰ ῥαεῖῖ ἡὸαῖ ἰεῖῖαὸαεῦ Ἀἰῶαῦ Νῖταῖϋ (1888-1926) ἡ Ἰεῖῖαῖῖ Βοὸαῖ ἀαδῶῖ, εῖϥῖῖῖῖῖ ὀαῖεῖῖῖῖῖῖῖ-ὀαδῖῖῖῖῖῖῖῖ, εῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖ Ἀῖῖῖῖῖ 9 ῖῖῖῖῖῖ 1905 ἡῖῖῖ, ἂ ἡῖῖῖ Ἰδῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖῖῖ, εῖ ἰῖῖ ἰῖῖ ἂῖ ὀ ἡῖῖῖῖῖῖῖ ῥῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖ, ἂ ῥῖῖῖῖ ὀεῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖ ἔαῖῖῖῖ, ἡῖῖῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖ ὀεῖῖῖῖ ἂ ὀδῖῖῖῖ ἔεῖ ῥεῖῖῖ ἔ ἡῖῖῖῖῖ<sup>[1]</sup>.*

После большевистского переворота и гражданской междоусобицы судьба разлучила их навсегда: Рутенберг отправился в Палестину, где создал и возглавил электрическую компанию, Соболев остался в Советской России, без которой не мыслил себя ни как человек, ни как писатель. Ни о каких письменных контактах между ними известно до сих пор не было. Однако они, оказывается, существовали. Недавно мне удалось найти в израильском архиве Рутенберга письмо к нему Соболева, написанное из Сорренто 20 февраля 1925 года, куда писатель отправился укрепить свое здоровье, «согреться, прийти в себя» – после покушения на самоубийство<sup>[2]</sup>. Решив круто поменять свою жизнь, он задумал отправиться в Палестину и с этой целью обратился к Рутенбергу за помощью:



*Sorrento, 20-ῖ ὀαῖῖῖῖῖ [1925]*

*Ἰ εεῦε, ἡῖῖῖῖῖ Ἰῖῖῖ Ἰ ἰεῖῖῖῖῖῖ, ἰῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ῖ ἡὸαδῖῖῖῖῖ εῖ Ἰ ἡῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖ ἡ Ἀῖῖῖ ἔ, ἰῖῖῖῖ Ἀῖῖῖ, ἰεῖῖῖῖ ἰῖ ὀαῖῖῖῖῖῖῖῖ, ῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖῖ - ὀῖῖ ἔ ἰῖῖῖῖῖῖ Ἀῖῖῖ*

*Ἐ ἡῖῖ ῖ ῥῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖ. Ἐ ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ Ἀῖῖῖ Ἀῖῖ ἰ ἰῖῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ, ἰ ἰῖῖῖῖῖῖ Ἀῖῖῖῖ ἰῖῖ ἡῖῖῖ Ἀῖῖῖ ὀῖῖῖῖῖ ἰῖ ὀῖῖῖῖῖ ὀεῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖ ῥῖῖῖῖῖῖ*

*Ἐῖῖ ῖ ῥῖῖῖῖῖ ἔ ἰῖῖῖῖ ὀ ῖῖ ῥῖῖῖῖῖ?*

Ì èèùé Í àòð Ì ìèñààè÷, ì íá áùèí ì÷áíú òóáí è òýæéí. Ì ñááí íí ì ñèááí èé ñá Ì ðè÷éí áùèí ì ííñ, è ì íá òòóáí í íá ÿòí ñæ÷áñ ñáí ðèòú Ñèáæó òíèùéí ì íèá àèðàò óá è ñúòí.

Í ó, áíò - ì íá áùèí òýæéí - ì ðááí ò ááí íí, áóóááí í. Á ííýáðá ì áíýóá ÿ òðààèéñý. Èáé àèàèòá íáúá÷íí. Óóáæé, è ñæáèáí èð. Ì ðèðæé ÿ íá òðàòèé ááí ú á ñáý è ì ííýè, ÷òí ÿ æéá è ÷òí ìíýòú íááí òýíòú èáí èòáèú. È óæá á áíèú èòá ÿ ñáæééñý ñ èðúá í çíúí áí ñáæáí èáí èáæéó. Ì ðí òáí ðáé 2 ì áíýóá Áñóæ - è ì ííýè, ÷òí í óæí í áðáí áí èòú èéèì àò íá áðáí ÿ, ÷òí í íèíí ÷àòáèú í íá íáæááòú

Í áí ðýá áñ óíèééý - è áíò ì÷óò èéñý çááñ ñááòúñý, ì ðèéòè á ñáý.

È, ì ðèáý á ñáý, ì íáòí àòú í òíí, èáé áúòú áàèúóá, èáé æèòú áàèúóá

B ì ðèðæé á ñáý. Ì íá áñ áúá óóáí è íáæóñí: òýæáéí òí èðàòú, íí áúá òýæáéá íááí òí áðàòú

Í ó, èááí í. Á òáí áðú í áàéá ×òí ì íá í óæí í ìò Ááñ? - ì ííñá, ì èèùé Í àòð Ì ìèñààè÷.

Ðàòú ñ ðí ñèáé ÿ íá ì íá è íá òí÷ó, ÿòí ñáúóá ñè ì íèò, áá è èáé ì èñòáèú ÿ ááç ðí ñèé áóóó ì áðòá

Í í íá ñáá ááá ÿ áíèæáí ì òí èòè è ìò ðí ñèé, è ìò ñáèò èè÷íúò áíýèéò ááé. Ì íá í óæí á, òí òý áú íá áðáí ÿ, ì í áðóáý æéçíú

B òí÷ó ÷òí Áú ìíí íáè è ì íá ì áðáðàòúñý è Ááí. B ì ðèì ó èðáóð ðááí òó á èðáíí, òí òý áú áæèðáí íí ì áíòá B ñòí á áàèòú áñ, ÷òí óáí í: çáí èð ðúòú áðíáá ðáéòú, æéíó ì áèòú B ì÷áíú áíííñèá B íá ñèáí òéç÷áñé, ì í ÷ðáçáí÷áéí í áíííñèá è ðááí òú íá áíðíí

Í í ÿ ìí÷òè ááç áñóá ááíáá ×òí íá ì ðèááòú ñðáá - ÿ íáí ðýá áñ óíèééý, çááñ ñáèè è èðíòáí è ÿ áíèá í ðí ááðæàòúñý íá ñ íá í ðè áíèé ÿ èííí èè, òáé ÷òí á ÿòí ñ ùñéá òí áíý áàéá áðýíú

Òáí áíèáá íáò ó ì áíý ñáýçáé íá ì ðááí àò ì íéó÷áíèý ðáçðáóáí èý íá áíáçá á Ì àèáíò è í ó

È áíò òóó - è á íáðáí è áí áòí ðí ñèó÷áá - ì íá í óæí á Áàóá ìíí íúú Èíáá-òí Áú ì òí ñèèèñí èí ì íá÷óááí í. Í á çíáð, ìíí í èòá èè Áú áúá ì áíý. Ì íæáò, çááúèè?

Òí òý íáò, - ÿòí á íá ì íæáò áúòú

Òáé áíò, ì èèùé Í àòð Ì ìèñààè÷, áéý ÷áá ÿ òí÷ó íáéòè Ááñ è á÷áí ì íá í óæí á Áàóá ìíí íúú

B áóóó æááòú Áàóáá ìòááòá Òáé èèè èíá÷á íí ìòçíáèòáñý, ìíí í èòá ÷òí ÿ æáó Áàóáá ìòááòá ñ áíèúòèí íáòáðíáíèáí, ì ðèì èòá áí áíèí áíèá, ÷òí ÿ áéá ááðæóñí ì àòáðèáèúí, ìíòíí ó ìòááòá ñááá á áíèáé ÿ ùèé íá ìòèéááúááèòá Áàæá áñèé Ááí ÷òí èéáí á ÿòèò ñ ùñéáò ñáæàòú òòóáí í - áñ ðááí íòçíáèòáñý, òí òý áú áéý òí á, ÷òí á ÿ ì íá ñèúóáòú Ááñ è çíáòú ÷òí íá ì ðí áéí ì íá ì èñú í áí òí òð.

*È aia íái í - i eéúé Í àòð Ì íèííáè: - ýòí íèííí í, éàéíá áú í è áúé Ààø  
íò ááò, áíéæíí ííò àòúíý òíéúéí í ææáó í àí è.*

*Áííá, áííá éó:ø áá. È - í á çáúúáèò á í áí ý.*

*Ààø Áí áðáé Ñí áí èú*

*Ááð: Sorrento*

*Pension Minerva*

*Andrea Sobol*



*Í. Dóat ááðá*

Реакция Рутенберга на это послание нам не известна. Представляется, что ответ в любом случае должен был быть отрицательным: Рутенберг вряд ли взял бы на себя ответственность хлопотать об этом деле, понимая, что письмо продиктовано минутным чувством отчаяния и в Палестине Соболь не задержится. Письмо интересно и как факт биографии писателя, которая до сегодняшнего дня еще не написана, и как документ, свидетельствующий о том, что Палестина в XX веке выступала для русского еврейства не только как место, куда были устремлены взоры сионистов. В совсем нессионистском сознании это место воспринималось как некая духовно-спасительная альтернатива российской обыденности.

<sup>[1]</sup> См.: Хлавна Саломея. Наедине со смертью // Окна: Литературное приложение к газете «Вести» (Тель-Авив), 2005. 30 июня. С. 38.

<sup>[2]</sup> *Ñí ., íáið, á í èííí á ææáø áá á ýòí áðú ý á Ñíðáí òí Í . Áíðíéíá Á. Á. Éóòíøéíó íò 23  
óááðáéý 1925 áíáá: «Í ðeáðáé Áí áðáé Ñí áí èú ðáííeáçúáááò í èéòáðáò óðá». (Èéòáðáò óðí í á í áíéáííò áí. Ò.  
70: Áíðíéé è ñí áðíééá í èííò áéé. Í áeçááí í áý í áðú' èíéá Í .: Èçá-áí ÁÍ ÑÑÑÑ, 1963. Ñ. 126)*

# ЧЕЛОВЕК АЛОХИ В СОВЕТСКОМ ЗАСТЕНКЕ

*Ī eōāēē Āīdāēēē*

«В ночь на среду 15 сивана 5687 года<sup>[1]</sup> от сотворения мира» в квартиру шестого Любавичского Ребе – Йосефа-Иццока Шнеерсона (1880–1950) позвонили. В его дом вошли сотрудники ГПУ, он был арестован, препровожден в Шпалерную тюрьму, где содержались политические заключенные, и оперативно приговорен к смерти. Арест, допросы, пребывание в камере смертников, освобождение, короткое пребывание в костромской ссылке и отъезд описаны как самим Ребе, так и учениками с его слов. Эти, а также некоторые другие относящиеся к Ребе материалы собраны в книге «Героическая борьба», вышедшей не так давно на русском языке в Нью-Йорке.

Ребе адресовал «Записки об аресте» «своим хасидам, чтобы показать им, как учение хасидизма может пробудить в человеке мужество и духовную стойкость, несмотря на физические и моральные страдания»<sup>[2]</sup>.

Однако эта книга представляет интерес не только для специализированного (хасидского) читателя, и этот интерес вовсе не ограничивается целями и рамками, поставленными автором.

## «Ā ĀĪ Ō ŌĀĀ ĀĪĀĀ Ō, Ā ×ĀĪ ĀĒĪĪĀĀ ŌĪĀĀĀĪĪ»

Обвинения, предъявленные Ребе, для человека со стороны представляются чистым абсурдом: контрреволюция, поддержка реакции в СССР, мракобесие, влияние на советское еврейство и авторитет среди американской буржуазии. Ему инкриминировалась также обширная переписка с границей, в том числе через посольства, организация нелегальных хедеров и ешив, контроль внутрироссийских и поступающих из-за рубежа финансовых потоков, «которые вы используете на поддержание и распространение религии в Советском Союзе, а также на борьбу против советского правительства»<sup>[3]</sup>.

На допросах Ребе признал поддержание и распространение религии (он никогда этого и не скрывал), однако отрицал борьбу против советского правительства. Он признал, что занимался организацией системы еврейского религиозного образования, однако отрицал нелегальность и противозаконность своей деятельности, ссылаясь на конституцию и законы СССР.

В книге приводится любопытный разговор председателя московской еврейской общины А. Л. Фукса с одним из руководителей московской евсекции (еврейской секции РКП /б/) Моисеем Литваковым. Разговор состоялся еще до ареста Ребе. Литваков с раздражением говорит о посланцах Ребе, действующих по всей территории СССР – даже в таких далеких от влияния хасидизма местах, как Грузия и Туркестан. Приводимые факты, отмечает Фукс, «свидетельствовали об отличной организации дела»<sup>[4]</sup>.

Литваков рассказывает об одном молодом грузинском еврее, который

*āīnōōīāē īāđīā āāđīī ē (Āđōēē. – Ī. Ā) nī ēāī āīīūī ē đā-āī ē. Ā :āīŌĪīnōē, ōēōēđīāē āīāāđēēē ēē ēīāāēīā nīāīŌīēēō ēāēīīā āā āāīđēēīīī :ōī āāēāāīāī đāđīāāāōīī nīēāāāōūī ē nīāāđēāōūī đāēēāīēīūā ō-đāēāāīēē īā nīāīđāīīūā nīāīnōāā. Yōīō nīāō, nīēāēē đāēāđāēāīīī Ēēōāāēīā īāđīāēāēē ēē āīđīāā ā āīđīā, ēē īīnēēā ā īīnēēē, īīāīāō āīnōōīāē nī đā-āī ē, ā ēīōīđūō đāīāāēēāēē āēāīŌūī, ī đāīīnōāāēāōēī ōāēēā ōēđīēēā ī đāāā ōđāīīēīīī, ē đāōīāāē ēā āīnōāī īāēāī ēā yōēō nīā ūō đāēēāīēīūō ō-đāēāāīēē. Ē īāī-īī īīnēā āī īōūāāā ōāē ē īđēīnīāēēī.*

*Ā ā īāīī ēē īīnēēēā nēō-ēēīī āīāūā āīāēāīō. Īā āīnōōīēāīēā ī ēīāīāī :āēīāēā īđēōēē đāīōīēēē īāīōīā ēēīēēīā ē, āīūōāā ēāē īī ōēōēđīāō ēīīnōēōōēē, īī īōēāēā đāēēēē, :ōī īī īđāīnōāāēōāēū ēē ōāīōđā. Āīīāōāāēāīīūā āā đā-īī, īīē ōōō ēā āīēīīāēāīī īīnōāī īāēēē: īōđāī īīōēđīāōūī ēēāō ēā nī-āō ēēīēēīā ā ×ōī ē āūēī nīāēāīī.*

*Ēīī-ēēīīī āī yōī ōāī, :ōī āāēēīēāēē ī ēīāāēēū āđōēīīēēō nīēāīēēē īīāīīēāīī īđōēā ēīī ēōāōīā āāīēēēē ē đāēīāāēā ēō īā ōīī nīīāāīēē, :ōī ēāēīū nīāāōīēēē nōđāīū īīēāēēīō āāēāāīāī ā āīīđīāō đāēēāēē īīnōōīāōūī īī nīāīāī ō āīī īōđāīēē. Īīnēā :āī āūēē īōđāī īīōēđīāīū*

*ნეიაააა, რაუეიუ იდეიდააე იტაია ნაეოეე ოდი, ე იი ანაე აბჟეე აუეე ოდედიოუ ბაადი აეე რაო-აი ეე  
ააოაე ააბენიეე ბაეეაე.*

*- Ἀ δαρευοαοα ουαοαευυ ια δαπβααίαιεε, - ςαεεβ-εε Ἐεοααεია - ιαι ποαεί εςαυοίι,  
÷οί αν γοί ααεί δεε βααεია Ὀιααυυία. Ἰι δαςιρεαε ναιεο ααυ οία αι αν είιου ποδαίυ ε ιαυι ιυι ε  
ααί αειυι ε νυ ι αι ε οεიაί ςεδίαε γοε ι αυι δευοεε.*

*В аиет аџдаџе Ἐεοααεია, ÷οί ςαείι ααενοαεοαευυι ααδαίοεδυο αααεααίαι ναιαίαο  
ααδτεμιαααιεε, α ααδβυεα ειαπο ιδαα ια ναιοααίυα νυαυοαα ναιαααοου δεεεειςυα  
ο-δαεααίεε. Ἀ ÷αι αααεია βαα, ανε იι იი οευδεςδυο είιποεοοεείιυα ςαείιυ ποδαίυ?*

*- Ἀ ἸΪ Ὢ, - ἰοααοεε Ἐεοααεია - ααα ςιαπο, α ÷αι αείιαο Ὀιααυυία. Ἐι υ, - ςαείι-εε Ἰι  
α γδρποε, - δεεεε αυδαοου αα νειοίαι ! Ἀααίι ααα ναιαί οία νιαιαοίαιει υε აეე γοίαι ι αοαδεε<sup>47</sup>.*

Молодой грузинский еврей был предтечей правозащитного движения. Он опередил время на сорок лет. Надо бы ему памятник поставить.

Как свидетельствует этот разговор, евсекция в лице Литвакова вполне идентифицировала себя с ГПУ. С точки зрения Литвакова, правовая апелляция Фукса нерелевантна. Он мыслит совершенно иными категориями. Литваков учился в Сорбонне: изучал философию, историю, литературу. Европейское образование ничуть не препятствует правовому нигилизму. Случай Литвакова вполне типичен.

Не имело никакого значения, боролся Ребе против советской власти или нет, была его деятельность законной или незаконной: само его существование как лидера хасидизма было нетерпимо. В СССР формировалось тоталитарное общество, и все независимые центры авторитета и влияния должны были быть ликвидированы.

По расхожему мнению, антисемитизма до войны в СССР не существовало. На самом деле это совершенно не так: антисемитизм существовал, в том числе в партии, и искусно использовался Сталиным во внутриполитической борьбе, один из пиков которой пришелся как раз на 1927 год – год XV съезда ВКП (б) и победы над «еврейской» оппозицией.

Интересна реакция возглавлявшего ленинградское ГПУ Станислава Адамовича Мессинга на ходатайство об освобождении Ребе.

*- Ἰτείιπουρ επεεβ-ααοιγ, - ααίνεε Ἰι, ÷οί ιαςιαααοιγ, νιι ἰοίαι*

*- Ἰι ÷αι ο?*

*- Ἀα ὄι οε αυ ἰἰοίι α ÷οί ἰναιαεααίεα Ἐρααε-νείαι βαα αἰςααο αυἰοεε  
αἰ οενυι εοεςι α α ποδαία*

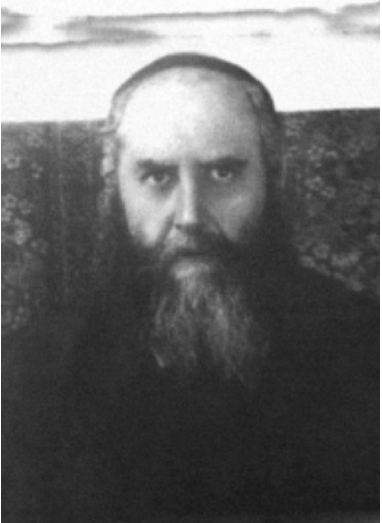
*- ???*

*- Ἀυ, είια-ίι, ςιααοα - ἰγυμεε Ἰ αηεია - ÷οί α ορδυ αο ε νυεεα νειευεί αααίι  
νεαεοαεε εευοα: ἰἰია ε ιαποίοία, εμιαςτα ε ι οεε.. Ἰι εο ἰα αἰι οεαπο. Ἰδαυοααυοα ναι, ÷οί  
ია-იაοιγ, ანე ἰნაიაγო დააეია. Ἐς εααεიე υαεε ςააიγო ÷αἰιμοαίου: «Ἀα, ÷οί ι υ αἰδεε!  
Ἰοί αεαίარეაγ აეაიოი!»<sup>48</sup>*

Аргумент Мессинга носил демагогический характер, поскольку сам он им не руководствовался: он рассматривал Ребе как своего политического противника, считал, что в интересах дела тот должен быть уничтожен или, на худой конец, изолирован; антисемитская реакция волновала его в последнюю очередь. Но он прекрасно понимал, что возразить на этот аргумент нечего, и охотно его использовал. И ходатайствующие за Ребе тоже это понимали. У Мессинга была репутация антисемита. Вопль черносотенцев цитируется им едва ли не с удовольствием. Зиновьев («жидовская власть») тщетно пытался сместить Мессинга, и этот частный конфликт был отражением более общего конфликта в ленинградском руководстве – о его национальной подоплеке все знали.



*Ναεδοαδσε ααηηοαίηαι-ίί ιεηαεε ία αεείίτσο αεαιεαο, αδαί γ ίο αδαί αιε εεαγ ααγγιά ία ηεαγυαα ίαιδιθεα ε ααααγ αι ο ί-αααίτε αιιδηί Ε αι αηοά η οαι ά ειί ίαοά οαδεεα ααοουαγ οεοεία, εαε ααοί ίαο ά ίαε ίε αοοε. Ιαηοίδηααίία αεαααα, ίααίεαεεααηυαα ίε-αιεα <...> Ιά αοοαααγ οεοεία αααηογο ίτεοαίηοη αιιδηί ε ίοαοο. Εεου ίηίηοίίη ηεοείγο ηείεγυεα ίί αοι αη ίαοη <...> Αεαεί αγ ί γαηηοο ε ααεεεαηηοο ηεδοαδσε οίεηεη ηεααο η οίεεο ε αείίαο αηοοοααο ι ηηε ααηοίααίία. Α οαι αδαί αιαι, ίί ι αοα αηίεηαιεγ αεείίτε αιεαο, αη ίτεηααίεα ηοαίηαοηη αη αηεα ε αηεα ίεα-ααί ηι. Ααηαεαί ηα αιεαοί ηα ααίί ηα ε ααηεοδηηοί ηα ίοαοο ία αιιδηί εα ααηί οο αηεεε αιεαοο ί αααααηοηη ίί αηίαι - ά ηι ηοοί ηο αεαο ηεααί αο αεαε ε ίδηεοδηά - ά ίααείεοαεηηε ι αοαεαε. Ααηηί οη αηο εα ηαοο ίδηεαίεε ίαη-αηοίία - αεηαεα ηοδηεοοηαοοεεα ίααείαιεγ<sup>19</sup>.*



**Οαηοίε Ερααε-ηεε Δααί Εηηαο-Εοοίε Οηααηηί.**

«Процесс», одним словом.

Многие эпизоды повествования Ребе читаются, как микророманы. Вот один из них – тем более любопытный, что это рассказ сокамерника – человека, автору совершенно чуждого. Ребе искусно имитирует «голос» рассказчика.

*- Ιδεαεε ι αηγ ηαα, - ααηδεο Ν, - ά εαι αδαίε αοοε, ίαεί γ, ίαείί-εα, ά ίδαεε οηοη η ία αηα. Ιό ηαοη αεγο, ά εαεε οοο ηηί, ααα ά οηοη ο ίηηαε, ηαοη ία οη-αοηη. Ναε ία εηεεο ε αεοδεε. Ααεοδηεε ά ίεηοεη αηηοε ε ααηδεο οαε αεη - εηαεηηη! Ιό γ αη, εαε ίδηεγοη, ίί-ι αοαηί ηι ο.. Αίεοδεοοη ία οηηαε, αααηηί οεδηααοηη, αηοηαεο ίαααεαοαεη, αααε, ααηδεο, αηί ίε.*

*Ιηαηεηη. Ιί εαεει-οί εαηοίεοαί ίηοεε, ίηοηη αηγαε, ίηαηε. Ιί ίαί ο αααηηί οηεδαο, αηοηαε, ααηδεο. Αοη αη, ίί αηί ίε, ά αααοα - οεηί - ε οαι ίί, οηοηηααα αηεεε.*

*Νοοίεε γ οααε - οοοη ία οηηε - ίό -εηοί ά εηδηαίεεα, οδηηεία ίηά ίηαηί ε αη ηεεηεηοεε. Αηαοο αοοηηε, αηεηα ααααηηε-εε, ηη ίοηη - ααοηοεε ι ίε, ίηαηά, ίό αδηεί<sup>19</sup>, ι ηαοο, ία ίγοη ηοαη ηηοηά οα-αο, ά ίηά ίηαηί ε -ααε - αεείίηα, ι ααηηοοο αεαγ, ααεηα ε -αηί ηα*

*Νηε-εα ίηαηεα, ίό αοη αη, ηη αηοά ίαηοδηηοηη εαε αηοαε, οαε οηοοηαη ηί-ηηηοηηη. Αα ία οοο-οη αηεη. Εδηηηη αηδηααίηα, ίί ίηαηί οαηηαηο, ά ηοοεηαοη - αεααο, εεααηοηη. Ιοηδηηοη ηοδαο Α-ηηαηεε, γ ε αααε αεαη ε, ίηαηί ε ι αααοη Ααδηοοηεε, ι ηαοο, ε -αηη ία ίδηεηί, ά αηί ο-εεηη, εαααοηη, ίί-ηηί ε ηηηαα <...>*

*Ααδηαηεοο, αααηηί οηεδαο. Αηη, αοη αη, εηίαο, ίοηηαα ία ααηηοαε. Εδε-εο: «Αηοηαε!» Α εοαα αηοηαεοη-οη, εδηαηί οαι αηη οαι ίαγ. «Ιε-αηη ία αεαο», - ααηηη. Οηαα ηί ηηαο αααα Ιηη ίοδαηηη οηοαηηεη, ίηαηεοηη αηα ηοδαο ία ηοαεη. Υοη αε ία ίηαηά αααε - γη ά αηηηίαγ <...>*

- Άάάάε, +άά άηόάε?! - Ιά:αέυύέέ άάάάά; όόό άε γ άάάόύ άάγ Ιά άάάάάέ. Άύεάε, ηόίη έ άόάεά «Νόόίάέ Ιά έάηόίέόό», - άάάάέ. «Νέάάά όάάά Ά-ηίάέ, - άόί άη, - έάεέηύ Ιά Ιά άάηόάέ».

- Ιά - άάάάέ όί ί Ιά - άηίέίέέηγ? Άόάάόύ όάίάδύ άάόύ έάέ η Ιά:αέυύόάί άάίόάάηόηγ?

**Β ι ί έ : ά έ έ ά ά η ά έ ί ά έ .**

- Όύ, - άάάάέ, - όάίάδύ άέέη-άίίύέ, γ - όάέ Ιά:αέυύέέ, ά Ιά:αέυύόάί Ιάέύγ Ιάόάέόύ Ιίίγέ?!.. Ιά έάέ ηάόύ Άόάάόύ ηάόύ?

- Άόά - ί όάά:άη, - ίάγ άόάέυύί, άάόά έέάά όίάέά, άόάά

Όηό άά όηό, έάέ ίί άάάάό Ιά ηάάό όέ ίί όέέίίίί έέ. Όόό γ ηάάί Ιάάέάά, ίί:άί ά ά +όί, Ιά άάη.

- Έάέίά γ όάάά άέάά όίάέά - ίόό. - Ι άόάάά όύ, άάέέ ηέάά, όίέίί... Άά γ όάγ Ιά όόίά ηόόίέ ηάάά άέίέί:ό άηέέ όόάό +άηά Ιά άηόάέί.

- Άάόηεά όύ Ιίέ, άέόά:έέ, - γ άε έ άάόύ Ιά άάη, +όί όόό άάάάέόύ ίίέίάέίί, όίέύέί ίόε:έόάη, - Ι έέάίύέέέ όύ Ιίέ, άηίίάέί Ιά:αέυύέέ, άέέ όάγ ηέόάόύ άάάά..

Έάέ ίί Ιά όόεάάύ ίί όέέίίίί έέ-όί όηό! Άίέύύί - ηόόάηόύ άάύ γάέίί ίόίάη - έάόάηόηγ, έέίίη έόίάί όά:άό! Ά άη, ά ηόίη, άάάέόηύ έάέ Ιάάά Ιά:αέυύέέί ηόίγόύ ίίέίάέίί. Β +άέίάέ άύάέύέ, άέηέίέέίό ηέάάόηέη άάη. ×άόύόά άάά άηάάάη ίίηέέέ. Έ Ιά γίίίηέέ άύέ, έ άάάάέίά έάάέ. Ιίόγáέ άηόύ ίίόγáέ, άέηέίέέίά - άάέί Ιάέόόάέίίά, όύ όίόύ ηάίόίέ, ά ηέάάόίί άάόίύί ίηόάάέηγ. Όάέ Ιάη ά ηόάόίά άάά γ ό:έέέ, Ιά όί +όί Ιάέύ:έέάέ Ιύίάέίέέ, έίόίόύά όίέύέί άάέόίέέόύ άάάάά, άά γάέίί άίέόάόύίάίόάάί έ Ιάέάάί, ά όίέέόάίέό Ιέέάέίά.

- Έάέίέ γ όάάά άηίίάέί?!.. «Όίάάέύ» Ιέέίί άάάάέόύ όάίάδύ άηίίά Ιάό, άάά όίάάέύέ.

- Όίόίόί, - άάάάη, - όίάάέύ. Άίέύύά Ιά άάάά

Όόό ίί Ιά ί άγ ίίγόύ άάά άάά άάέίέ. Νίάηέάί, Ιά ά έέόί, ά ά άάάά

- Έάέίέ γ όάάά όίάάέύ! Ιάέύγ όάέ Ιά:αέυύέέά Ιάάάάόύ Ιά άάάάάέ: όύ άέέη-άίίύέ, γ - όάέ Ιά:αέυύέέ. Όάέ έ άάάάέ άίόάά - «όίάάέύ Ιά:αέυύέέ»...

Έάέ ίίάέ ίί Ιά ί άγ Ιάάάόίί <...> έάό έ ίόί ηάγ ίίάόίόη: «Όίάάέύ Ιά:αέυύέέ, όίάάέύ Ιά:αέυύέέ». Άίηίί - Ιά άάάάόύ άύ, ά όί ίέίόί άάάά<sup>10</sup>.

1927 άά ΆόέΆΆ Ιά ίόέίάάέ άύά άέίί-άίίίέ όίόί ύ. Άύά ίίηό όάάόίύά όάάάέ άά έόάάίύά ηάίίάέ ηίόάάέόάί έ έ άί «άάάάάίέίά Ιά:αέυύέέά» άύά έέόύέ έέόύ

**5687 ΑΙ Α Ι Ο ΝΙ Ο ΑΙ ΔΑΙ ΕΒ Ι Ε Δ Α**

Герой книги – бесправный человек в нечеловеческих условиях перед лицом, возможно, скорой смерти. Поскольку это религиозный человек, возникает ситуация испытания веры. Ситуация тем более показательная, что человек этот один из тех, кто репрезентирует в своем лице иудаизм. Религиозное сопротивление не слишком хорошо известно в России. Это касается даже христианства – что уж говорить об иудаизме: история его в советские годы отражена на русском языке слабо и фрагментарно.

Вот самое начало повествования: «В ночь на среду 15 сивана 5687 года от сотворения мира». Автор совершенно не озабочен григорианским отображением даты: он пишет для своих. Еще и десяти лет не прошло с момента смены календаря, григорианский календарь воспринимается как большевистское нововведение, как новое время нового мира, в котором живут пришедшие арестовывать Ребе, его следователи и тюремщики. Реформа календаря не была чисто технической, она была вызовом сознанию

миллионов русских людей. Более того, Русской православной церковью она и сегодня воспринимается как вызов.

Но Ребе-то живет в мире, не затронутом революционным сломом, он живет в неизменном мире еврейского времени, события его жизни естественным образом пребывают в потоке, исток которого в сотворении мира. Поток этот специфически структурирован, направлен и наполнен.

Ребе отдан во власть людей, у которых есть, казалось бы, неограниченные возможности разрушить его физически и морально. Жизнь его висит на волоске. Эмпирически его тюремщики всемогущи. Они уверены в этом как в непреложном, ежеминутно подтверждаемом факте. Но Ребе живет в мире, где их всемогущие мнимы, где всемогущ только Всевышний, а Его волю, Его планы относительно себя, каковы бы они ни были, Ребе готов принять, и он ведет себя соответственно этому знанию. Вот эпизод заполнения анкеты в тюремной канцелярии. Вопросы задает секретарша. Диалог этот замечателен.

*- Ààà m'òèàéùú íà ìíèíàéáí èá?*

*- Ííò ìí òòááí úé ìí-àòí úé àðàéááí èí.*

*- Ýò íà m'íèíàéý, - ááí ðè ò íí à í àðáí í, - óéá í á òòááí ò ááò á í àòáé òòááí á*

*- Í è-áí í á ì íàò ááí ìí ì-ú Òòááí ò ááò á òòááí á òáéíá m'íèíàéá èéè í á òòááí ò ááò, ìí èí áí íí òáéíá í íà m'òèàéùú íà ìíèíàéáí èá - ìíò ìí òòááí úé ìí-àòí úé àðàéááí èí.*

*- Ðíá ààèè ÷ àí ýòèé?*

*- B àí èí àðíí èííéááí ááí èáí - Á-æáíò ááí úí èííéááí ááí èáí, íàçíááí úí òáíèáéçí. Á èðí í á ò íà - èð-áí èáí çàéí í á è í òááí èíáí èé ááðéíéíé òáéè áéè.*

*- Ðáéè áéè? - í àðáí òíí èá í í á òáéáéáí íí. - Á-æáíò ááí úí èííéááí ááí èáí ?.*

*- Áá áá èí áí íí Á-æáíò ááí úí èííéááí ááí èáí. Ááéí úé Á-á èáé ì ú çíááí, m'òáí ðéé ýò ò òáò è òí òáéýáò ò òáò ìí ò m'çááí úí Èí ì èðí è ááí è òáí ðáí èýí è - íò ì áéù-áéèè òòááí èçí í á í á è òáð úè ò áí òá èéé ááæéçí áí íé ìòò úí á áí - áéí áá-áí èí á m'íáúáíò áá*

*- Èáé ý ì íá í èíòú - í áðáé ááò í í á ðáíò áðýí íí, - ìíáí í á á áí èáòá?*

*- Á èðí ááí çáíò ááéýáò? Íí ì í á òáé í è-áá è í á í èèè òá Ááí áá òí ðéè á í èíòú - çáí èííáéè òá í á òí ðéè á - í ó è í á í ááí<sup>[11]</sup>.*

Обратите внимание на уверенное «как мы знаем»: «мы» – кто это? Пораженная Б-жественным исследованием секретарша явным образом приглашается это знание разделить. Ребе говорит: Всевышний управляет человеческим сообществом – это в общем-то банальное утверждение сделано в ситуации, когда оно звучит в высшей степени парадоксально, бросает вызов непреложным фактам. Насчет мельчайших организмов – это не в компетенции органов, мельчайшие организмы, должно быть, до поры до времени, пока до них руки не дошли, управляются как-то сами собой, что же касается человеческого сообщества, то, «как мы знаем», оно управляется ГПУ, кем же еще? Своей уверенностью Ребе ставит под вопрос эту очевидность.

Рабби Соловейчик<sup>[12]</sup> утверждает:

Человек Алохи никогда не испытывает настоящего страха. Сознание упорядоченности и закономерности мира защищает его от страха, подобно щиту. Он вступает в мир, уже знакомый ему через априорное знание. Он подходит к миру, имея уже идеальную картину, которую он призван в конце концов воплотить в жизнь, полностью или частично; между этой картиной и миром существует параллелизм: чего же бояться? Ничто, пустота, хаос, бездна и тьма – все эти понятия не знакомы человеку Алохи. Мир, простирающийся перед ним, прекрасен и совершенен<sup>[13]</sup>.

О самом термине «человек Алохи», введенном автором, – чуть позже. Что же касается утверждения, то оно, несмотря на всю свою убедительность, всё-таки относится к абстрактному,

отвлеченному от плоти, отвлеченному от трагичности человеческого существования сознанию. И что значит «настоящий страх»? И чем он отличается от «ненастоящего»? Автор умалчивает. Цитируемое эссе написано в 1944-м. Всё-таки поразительно! Рабби Соловейчик жил в Нью-Йорке. От «настоящего страха» он был отделен океаном. Он мог размышлять о страхе, но не мог его переживать и преодолевать. У него не было опыта на грани смерти<sup>[14]</sup>, у него не было опыта Ребе.

Теоретически рабби Соловейчик прав: мир, созданный Всевышним, мир в его онтологических глубинах «хорош»: «прекрасен и совершенен». «И увидел Б-г, что хорошо». Это «хорошо» – мир, увиденный глазами Всевышнего, – рефреном повторяется в процессе творения. Однако не увязанная с катастрофичностью бытия, вне переживания страдания, картина рабби Соловейчика, исполненная метафизического эстетизма и оптимизма, кажется лишенной объема.

Конечно, рабби Соловейчик, как и всякий человек, опытно знает, что такое бездна, тьма и отчаяние. Это знание есть в его поздних работах. Вот, например: «Когда в душу приходит ночь, в моменты мучений и черного отчаяния, когда жизнь кажется уродливой и абсурдной, когда человек теряет чувство прекрасного и величественного<...>» Но для того, чтобы написать эти слова, нужен был опыт, которого у рабби Соловейчика не было, когда он работал над «Человеком Алохи». Он говорит об этом: «Моя жена лежала на смертном одре, и я смотрел, как она умирает день за днём и час за часом»<sup>[15]</sup>.

В «Человеке Алохи» этого опыта нет. Концептуальный «человек Алохи» из одноименного эссе не понимает, «чего же бояться?», не знает того, что знает обыкновенный страдающий человек. «Человек» и «страдающий человек» – синонимы. Так или иначе, смотреть на мир с таких позиций проще из Нью-Йорка, нежели из Освенцима или Шпалерной тюрьмы.

Как и любой человек, попавший в подобные обстоятельства, Ребе охвачен смятением, и он пишет об этом. Однако в итоге важен не страх сам по себе, а то, что он делает с человеком и что человек делает с ним. Ребе не дает страху выплеснуться наружу, он его контролирует, он с ним справляется, он его преодолевает, он приводит свои чувства в соответствие со своим разумом, со своей картиной мира.

Арест происходит ночью. Главная забота Ребе с момента ареста, забота, вытесняющая страх, – надеть тфилин во время утренней молитвы. Его требовательные просьбы ставят тюремщиков в тупик: они не понимают, как можно думать о таких «глупостях» в минуту смертельной опасности. Быть может, арестант не в полной мере сознает ее? Они со всей возможной откровенностью объясняют несообразительному раввину его положение. Но он продолжает настаивать. Ему отказывают.

Во время одного из переходов по тюрьме он решает проигнорировать запреты и молиться на ходу (конвоир идет впереди Ребе).

*Только успеваю надеть тфилин на руку, как вдруг удар, и я качусь по железным ступенькам. Слава Б-гу, не ломаю руки и ноги.*

*С большим трудом поднимаюсь на ноги, ощущая при этом сильнейшую боль. Падая с лестницы, я сломал бандаж (который вынужден носить уже много лет), и острый кусок железа вонзился в тело. Сердце мучительно сжимается от боли, чувствую, еще немного – и потеряю сознание.*

*– Еще не то получишь от начальника, – вопит охранник. – Всё доложу о твоих молитвах! Вот полежишь в грязи да с крысами недельку, тогда и поймешь, что Шпалерка – не синагога, не молельня еврейская...*

*С великим трудом одолеваю последний пролет, плетусь за ним широким коридором, и – снова лестница. Нужно подняться на третий этаж.*

*Вынужден присесть на ступеньку. Кровь идет не останавливаясь, боль становится нестерпимой<sup>[16]</sup>.*

Далее он оказывается в кабинете, где сотрудник ГПУ проверяет его вещи.

*В надежде на чудо прошу разрешения помолиться.*

– Нет! – бросает он с ненавистью, даже не глядя в мою сторону.

И словно подтолкнуло меня. Мигом навязываю тфилин на руку, надеваю на голову – он продолжает стоять ко мне спиной – читаю «Шма Исроэл», затем начинаю молитву «Шмонэ-Эсрэ»...<sup>117</sup> В этот момент он заканчивает обыск, оборачивается и видит на мне тфилин.

Потрясенный, он смотрит на меня широко открытыми глазами, полными удивления и растерянности. Какое-то время молчит – видимо, от неожиданности потерял дар речи. Но его замешательство длится недолго, опомнившись, он превращается в дикого зверя. Физиономия искажается, принимает звериный оскал, кровь ударяет в лицо. Двумя руками вцепляется в тфилин шел-рош<sup>118</sup> и вопит:

– У, жидовская морда! В карцер посажу, избыю, изувечу... – и рвет с меня тфилин. Заканчиваю благословение: «... и царствуй над нами, Ты Сам, Всевышний, с любовью и милосердием». Чувствую, он вот-вот разорвет ремешки, и начинаю снимать тфилин<sup>119</sup>.

Попав в камеру, он требует возвращения отобранных тфилин, объявляет голодовку и в конце концов добивается своего. Отказывается от некошерной тюремной пищи (раз в неделю ему передают из дому продуктовую посылку). И вот после восемнадцати дней заключения ему объявляют об освобождении из тюрьмы и ссылке в Кострому. Ребе осведомляется, когда поезд приходит в Кострому. Ему говорят: в субботу. Ребе отказывается покинуть Шпалерку. Отказ этот поразителен. Он готов остаться в руках палачей в ситуации неопределенности: сегодня решили отпустить – завтра... да мало ли что будет завтра?!

Из беседы седьмого Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона:

*Ne'osadey aitea i-aii i'ani'e, i'ne'eue' o'a, e'oi a'ia'i Ba'a m'adotue i'de'ar'd  
io'no'ae'ae'e n'ip' ae'nd'ep' ee'ep'. Ai' ae'os'ae'io'oi' a'ie'a' ai'm'ee'o' ei'no'io'ee' e'qi' a'ie'e'i' eo' i'ea'u. I'f  
yo'e' ep'ae' i'ot'ate'ae'e' i'de'ade'ae'io'uy' i'ad'ia'-ae'iu'ie' oi'-ee' q'd'ey'. Ba'a' i'i'io'ae'ia'i' o' io' i'eo'  
qa'e'ne'e'. I'oe'q' ae'ou' a' n'ia'io' o' i' fa'iq'ae'ou' eo' a'ia' i'ne'e'ue'io' i'ad'io'ae' eo' i'ea'u. A'p' o'ad'ia'y' i'q'ee'ey'  
i'f' i'fa'io' m'ae'p'aa' ey' n'ia'io' o' ai'm' de'ie'i' ae'ani' yo'e'i' e' ep'au' e' e'ae' i'fa'io'ia' eo' ae'oi'de'oa'oa'.*

*E'i' ae'eni' i'de'-ei'u, ei'oi'dia' i'fa'e' au' i'ida'ia'io'uy' e'i' i'oi' em' n' ae'ano'yi' e' n' oi'-ee' q'd'ey'  
A'e'io'e'. A'au' a'ite'a' ad'yo'io'io'uy' +oi' i'oa'ae'io'ae'a' a' O'aa'o' a'ia'ia' i'a' m'io'ie'oi'y'. I'fa'e', i'ai'dei' ad'  
i'oe'q'ee'oe' i'ad'ia' ai'u' a' ae'ae'q'ia'io'ia'ie'ii' da'm' em'ie'e'. E' ae'ae' a'ite' i'fa'q' i'oe'ae'io' a'ia'ia' y', i'fa'ei'  
a'ite'i' i'ae'oe' i'de'-ei'o' i'de'ae'io'uy' i'fa'q'ee' - a'ii'io'oe'i, i'f' m'io'io'ie'ep' q'd'ia'ay'. O'ae'ei' i'ada'q'i, Ba'a' i'fa'  
au', i'a' i'ad'io'ay' i'de'ea'q' ae'ano'ae', em'ie'i' eo'uy' q'ae'ii'u' n'ia'io' o' a'ite'ae'iu' i'ada'q'i.*

*E'oa'e' i'ai' i'ae'ei' i'oa'ae'io'uy' i'a' a'ii'io'ny' i'f'-ai' o' Ba'a' a'ia'ia'ae' i'q'ee'ep', ei'oi'day' a'ite'a' n'ay'q'ia'  
n' de'ne'i' e' no'da'ia'ie'ai'. A'au' i'ae'ate'a' i'de'ae'io'ue' i'ue' m'aa'o' q'ae' au' o'ae': Ba'a' a'ite'ae'i' i'ie'ei'io'uy'  
o'ro'uy' o'ia' a'ie'ei'ii', a' q'ao'ai' i'de'ae'io' ay' e'ae'ei' i'ada'q'i' e'q'ae'ae'io'uy' i'ad'io'ae'ey' n'ia'io' o' <...>*

*x'oi'au' i'oa'ae'io'uy' i'a' yo'io' a'ii'io'ny' i'ae'ei' n'ia'ie'io'uy' a'aa' i'ii'yo'e'y': «E'ae'io' Ae'oi'» -  
i'ny'ua'ie'a' E'i' a'ie' A'ia'io'ia'ia', e' «O'e'e'oe' Ae'oi'» - e'ee'ate'a' A'aa' (E'i' a'ie' - I'. A.) n'ay'io'io'e'.  
I'de'ae'io'ue' Ba'a' o'io'ae'e' n'io'oe' i'a' i'ad' a'aa' i'fa'f'-ep'ae'ia'ia' a'ie'ey' i'f' da'm' o'io'no' da'ia'ie'ep' O'io'u'.  
A'ite' au' Ba'a' i'de'io'ye' eo' i'ea'u, yo'f' a'ite'a' au' eo' i'fa'aa': «E'p'aa'e'-ne'ee' Ba'a' m'ae'ae'ey' ae'ou' a' n'ia'io' o'!»  
I'a' yo'io' o'ia'ae' au' ad'ie'a' a'aa'e', i'a' n'ia'io'ue'a' a' ae'io'e'-a'ite'o' o'ii'ie'io'uy'. E' o'io'uy', o'-eo'io'ay' i'fa'io'io'uy'  
Ba'a' i'io'io'ie'e' au' a' i'ie'ii' n'ae'ate'e' n' A'e'io'ie', i'fa' i'ie'o'-eo'uy' «O'e'e'oe' Ae'oi'». Ba'a' E'io'io'-E'oo'ie'  
e'q'ada'e' ad'ia' e' i'oo'uy' i'ny'ua'ie'a' E'i' a'ie'...<sup>[20]</sup>*

Важный принцип Алохи – приоритет человеческой жизни. Заповеди даны для жизни. Конечно, есть заповеди, которые нельзя нарушать даже под угрозой смерти. Но их мало. Тфилин, кошерная пища и суббота, несмотря на всю важность, к ним не относятся. Существовала реальная угроза жизни Ребе. Он мог бы и не упорствовать. Однако он избирает другой путь. Почему?

Относительно субботы зять Ребе Йосефа-Ицхока и его преемник ответил. Но как быть с тфилин? Если бы он не надел тфилин, что в его обстоятельствах было вполне допустимо, никто, кроме тех, кому он сам счел бы возможным рассказать, не узнал об этом, никто не мог бы интерпретировать его поступок неправильно: «Хилул Ашем» исключался. Каковы в таком случае мотивы Ребе?

И тут я вновь хотел бы вернуться к понятию, введенному рабби Соловейчиком: к «человеку Алохи» как к особому типу сознания, особому способу восприятия мира.

Для «человека Алохи» выполнение заповедей не есть только внешний закон: это глубочайшая внутренняя потребность. И вместе с тем ценностный акт. Говоря словами рабби Соловейчика, «он подходит к миру, имея уже идеальную картину, которую он призван в конце концов воплотить в жизнь». Рабби Соловейчик утверждает: «Ничто, пустота, хаос, бездна и тьма – все эти понятия не знакомы человеку Алохи». Но здесь есть очевидное противоречие: ведь если бы «пустота, хаос, бездна и тьма» эмпирически не существовали, «идеальную картину» не было бы нужды воплощать – призыв воплотить ее сам по себе предполагает наполнение пустоты, упорядочение хаоса, спасение из бездны, освещение тьмы.

Воплощая посредством выполнения заповедей «идеальную картину», «человек Алохи» отвоевывает место для Всевышнего в мире – возвращает Ему мир в исправленном от повреждений виде. Особую важность приобретает этот акт в «бездне и тьме», где, казалось бы, сделать это невозможно.

*Íí çàí ùíéó ñòðíé òáéáé, áòí àþ ý, ýòé ì ðà-í úá éáçàí àò ú ì ðááí àçí à-áí ú äéý ì óé è áí àò à Íí èí áííí á ñéó ýòíá íéáçááóééíý çááíí ááðáé íáýçáí íáííòðýòíí ñáíé ðáçòí è ÷òáíòáá, ÷éòáý íòðúáéé èç Òíðú è Òáééèí. È ðáçí ùóéýòúíí ááéé-éé Òáíðúá, í òíí, ÷òí ñéááíé Áá ííéí à áíéáí íáý è ááéá ýòí ðáçáí éí è-íí áí áçáí<sup>[21]</sup>.*

Описывая тюремную канцелярию, Ребе прямо обращается к образу тьмы: «Настороженное, злоеющее, обволакивающее молчание... так бывает в ночи, когда угасает, медленно догорая, свеча, а мрак теснее и теснее завлакивает всё вокруг»<sup>[22]</sup>. Сгущенная, осязаемая тьма из казней египетских. Физическое ощущение: «теснее и теснее». Надевая тфилин, Ребе освещает и освящает тьму.

Я говорю сейчас о внутренней еврейской картине мира. Люди со стороны, – скажем, сокамерники Ребе, – ничего об этом не знают. Что они видят? Что видят тюремщики? Что видит читатель книги, далекий от еврейского религиозного опыта, не понимающий мотивов Ребе, не разделяющий его ценностей, более того, не имеющий о них представления?

Человека, исполненного силы, уверенности, достоинства и внутренней свободы. Его действия, очевидным образом провоцирующие сокрушительную реакцию, по существу самоубийственные, только укрепляют его и приводят тюремщиков в растерянность. Допустим, смертный приговор, вынесенный Ребе, не был бы отменен. Бездна и тьма ГУЛАГа и нацистских лагерей, расстрельных рвов и душегубок поглотили многих, надевавших тфилин и произносивших: «Царствуй над нами, Ты Сам, Всевышний, с любовью и милосердием».

Что это по существу меняет? Конечно, его освобождение воспринимается как чудо. Но есть вещь гораздо более существенная, чем это чудо: поведение Ребе. В ситуации на грани насильственной смерти, в сердцевине тьмы всё обнажается. Мы можем не знать, что такое Алоха, но мы видим в экстремальных условиях ее результат: личность человека. Чтобы увидеть это, вовсе необязательно быть любавичским хасидом. «Человек Алохи» – это ведь не только человек, выполняющий заповеди, но и человек, сформированный ими.

<sup>[1]</sup> 15 éþíý 1927 áíáá.

<sup>[2]</sup> Èç í ðááéíéí áéý èç ááò áéáé á éí.: Ááðíé-áíéáý áí ðúáá. Í íþ-Éíðé: Free Publishing Hous. Kehot Publishing Society, 5765-2005. Ñ. XI.

<sup>[3]</sup> Ááðíé-áíéáý áí ðúáá. Ñ. 107.

<sup>[4]</sup> Òáí áé á Ñ. 160.

<sup>[5]</sup> Òáí áé á Ñ. 160-161.

<sup>[6]</sup> Òáí áé á Ñ. 137.

<sup>[7]</sup> Òáí áé á Ñ. 57.

<sup>[8]</sup> Òáí áé á Ñ. 53-54.

<sup>[9]</sup> Áðóéí - 0,71 í.

<sup>[10]</sup> Òáí áé á Ñ. 100-102.

<sup>[11]</sup> Òáí áé á Ñ. 56-57.

<sup>[12]</sup> Ðáááé Èííó-Áí á à Èááé Ñíéíáé-éé (1903, Í ðéçáí ú Áðíáí áí ñéíé áá. - 1993, Áííò íí) - áíéò íð óééííðóéé (çáíéòéé á 1931 áí áó á Ááðééí á áéíííðò áóéþ íí áí ííáíéíáé è ì áò áòéçééá Ááðí áí á Èíáí á), á 1932-1941 áí ááò - ðáááéí Áííò íí á, ñ 1941 áí áá áááá òáíéíáé-áíéíé ñáí éí áðéé í ðé Áóéáá-óí é ááðíé-òáò á (Í íþ-Éíðé), ñ 1952 áí áá í ðááíááò áéü éíí éííéé íí áí í ðííáí Áéíðé í ðé Í áááéí áí éé ðáááéí í á Áí áðééé.

<sup>113</sup> *Báááé Níēīááé:-éé. Èàòàðñēñ Èáðñāáēēī : Àī áī á-Ì áòáí áēī, á/á N̄. 39*

<sup>114</sup> *N̄ī., í áī ð, Bó òà Yēēáã. Á-ãçāññī áí ēūá í á æéááò. Õāñē-āñēá ēñò í ðēē yí í ðē Èàòāñò ðñóú. Ì.: Ì ññò ù ééūò òððú; Jerusalem: Gesharim, 2005; à ò àéæá Ì éòāéé Áíðāééé. Á-ãçāññī æéááò // Èááāēī. 2005. <sup>1</sup> 10.*

<sup>115</sup> *Báááé Níēīááé:-éé. N̄. 229-230.*

<sup>116</sup> *Ááðñē:-āñēáý áí ðñāá N̄. 76*

<sup>117</sup> *«Òì ííý-Yññý» - òáí òðāçññī áý í íéé òáí ááðñēñíé éé òððāé. Á óçēī (òáññē:-āñēī) ñ ùñēá òáðñ ēí «òðééá» (í íéé òáá) í ò í ññē òññý ò í ēññí é «Òì ííý-Yññý».*

<sup>118</sup> *Òðéééí óáé-ðñó - āñēíáí é òðéééí.*

<sup>119</sup> *Ááðñē:-āñēáý áí ðñāá N̄. 79*

<sup>120</sup> *Báááé Ì áí áòáí -Ì áí äé Òí ááðññī. Ì òéáç í ò í íáçáéé á ññāáí ò ó // Ááðñē:-āñēáý áí ðñāá N̄.*

242-244

<sup>121</sup> *Ááðñē:-āñēáý áí ðñāá N̄. 70*

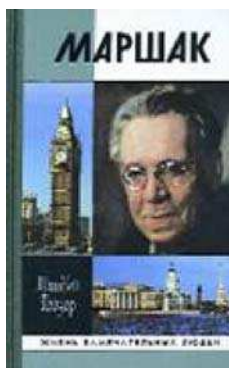
<sup>122</sup> *Òáí æá N̄. 53*

## ИЗ РОССИИ – ЧЕРЕЗ ПАЛЕСТИНУ – В СССР

*Ī àò ááé Ááécáð*

*Ī àððáé. Nádèÿ «Æèçí ú çàì á: àò áéúú úò èþááé»*

*Áúì. 1189 (989). Ī .: Ī îéîááÿ ááððáéÿ, 2006 – 327/9/ ñ: èéé*



Автору биографии С. Я. Маршака повезло. Он имел возможность спокойно и ответственно вписать жизнь и творчество своего героя в контекст не только русской литературы, но и в контекст литературы и культуры русско-еврейской. М. Гейзеру дважды повезло, что сегодня уже не существует потока работ о поэте, переводчике, прозаике и крупном русско-еврейском деятеле, которого «Encyclopedia Judaica» определила как «русского сиониста и поэта». В отличие от ситуации с изучением творчества О. Мандельштама или Б. Пастернака, где еще недавно сама постановка вопроса об иудейском или русско-еврейском субстрате их творчества вызывала неприятие, работа о Маршаке как русско-еврейском писателе вышла в свет в знаменитой серии молодоговардейских биографий. Это обстоятельство привлекает к книге особое внимание.

Биограф С. Я. Маршака прослеживает все этапы жизни своего героя: еврейское детство, встречи с Л. Толстым и В. Стасовым, поездка в Палестину с Я. Годиным, результатом которой явились и палестинские стихи обоих, и сохранившаяся, по-видимому, на всю жизнь симпатия к сионизму. Ведь не так уж много будущих сталинских и ленинских лауреатов имело за плечами сборник под названием «Сиониды».

М. Гейзер также прослеживает многочисленные связи своего героя с классиками русской литературы: О. Мандельштамом, А. Ахматовой, К. Чуковским и другими. Каждому из таких контактов посвящается отдельный очерк. Не обходит М. Гейзер и трагически сложных эпизодов жизни и общественной деятельности Маршака. Ведь и помимо сионид ему, члену Еврейского антифашистского комитета, было чего опасаться. Однако он не стал лагерной пылью, не погиб в застенках Лубянки, – конечно, за это приходилось платить. Так, М. Гейзер приводит антиизраильские стихи из «Правды» времен войны 1956 года, упоминает о подписи Маршака под «Письмом советских евреев» в 1953 году – его рискнули не подписать лишь самые стойкие. А также рассказывает о том, как на протяжении лет правилось стихотворение о двух погибших героях, один из которых, к несчастью, оказался евреем, и имя его настойчиво вымарывалось из позднейших изданий Маршака.

Тем не менее никому не придет в голову кинуть в Маршака камень. Помощь А. Солженицыну, И. Бродскому, многим другим людям, тайный сбор и отправка денег еврейским детским садам, постоянная поддержка всего живого, что было в советской литературе 1930–1960-х – от Даниила Хармса и Александра Введенского до поэтов-шестидесятников – явно перевесят на весах судьбы то, что вынужден был делать Маршак явно не по своему желанию. Имя его никогда не будет ассоциироваться с теми, кто совершал куда более сомнительные поступки, но никогда не пытался их искупить. Имя Маршака в ряду тех, которые окружены благодарной памятью.

М. Гейзер не стремится ни обелить своего героя, ни очернить его. Автором книги руководит желание восстановить справедливость в отношении Маршака, которой он не дождался как при жизни, так и

в мемуарах своих современников, вышедших уже после его смерти. Среди тех, чью позицию в отношении Маршака оспаривает автор, и Н. Я. Мандельштам, и Э. Голлербах, и Ю. Карабчиевский, и другие, живые и покойные, деятели русской культуры. Сам же автор, занимая позицию объективного хроникера, тем не менее постоянно вспоминает о собственных встречах с Самуилом Яковлевичем, начавшихся еще тогда, когда юный поэт из Аккермана прислал Маршаку свои стихи, и продолжавшихся до последних лет жизни поэта. Маршак предсказал, что юный Марк Гейзер поэтом не станет, но писать непременно будет. И мы видим: первая действительно полная фактографически и исполненная любви к Маршаку книга написана его юным собеседником и корреспондентом, а сегодня – профессором Гейзером.

Стоит, однако, отметить одну особенность. Стремление автора воссоздать реальный облик своего героя в противовес сложившейся традиции описывать его как примитивного детского поэта либо как советского литературного бонзу – стремление, заметим, скрыто полемичное, – порой приводит к тому, что судьбоносные и трагические события в истории страны, затронувшие и Маршака, подаются мимоходом, публицистически облегченно. А ведь некоторым из этих событий их участники посвятили целые тома!.. Впрочем, М. Гейзер всегда продолжает работу над своими темами, – надеемся, что и нынешнее издание «Маршака» окажется не последним.

*Ėāī ēā Ėāōēī*

**ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2006 ТИШРЕЙ 5767 – 10 (174)**  
**PER ХОЛОКОСТ АД ГАН ЭДЕН**

*Î èõàèè P äñí*

*Èãñò í èõà í à ø èàð: Nèàçèà äëý ýì èãñàí ò íà*

*Î .: Î Æ È, 2005 - 400 ñ*



Роман Михаила Юдсона с перерывом всего в полтора года вышел в двух некрупных, но вполне уважаемых, даже элитарных, издательствах – «Геликон-Плюс» и «ОГИ» – причем сравнительно большим тиражом, – однако особых откликов не получил. Можно спорить, что представляется более оправданным – внимание книгоиздателей или холодность критиков. Ясно одно: книга обладает художественным своеобразием, хотя удовольствия от чтения гарантировать нельзя, – скорее, наоборот.

Перед нами антиутопия, близкая к чернухе, изображающая Россию в беспросветном будущем. Можно проводить параллели с нашумевшим «Эвакуатором» Дмитрия Быкова (где вместо площади Трех вокзалов воронка) или малоизвестной, но более яркой «Цирцеей» Максима Чертанова (где «в метро бесследно исчез поезд с людьми, третий великий еврейский погром, четвертый малый чеченский погром, взрыв Большого театра, курс литиевой батарейки к рублю подскочил выше евро, вся реклама шла в черных рамках...»). Москва Михаила Юдсона гораздо менее реалистична, причем свой фантастический триллер автор строит на использовании национального колорита. Москвичи Юдсона топят печки, смотрят в слюдяные окошки, мочатся в ведро, занимаются собирательством, пекут в золе «клубни» и пьют хвойный отвар. Порядок в городе блюдут конные патрули «диких архангелов» с нагайками. Эта картина рисуется весьма сочным языком, который изобилует архаикой, просторечиями и каламбурами («русофилия простодырий»), но со временем утомляет своей нарочитостью и эклектичностью.

Инфернальные зарисовки российской жизни не являются самоцелью. Сквозь них, как сквозь многократно упоминаемые фирменные российские сугробы, пробивается вялый сюжет: история про еврея-интеллекта Илью и его хождения по мукам. В России Юдсона все поголовно антисемиты. В вагонах метро отводится специальное место «для отходов и жидов». Готовится декрет, обязывающий евреев жить только на чердаках и в подвалах. Грядет очередной язуский погром. Черная сотня переросла в «черную Тыщу». Очевидно, что антиутопия такого рода граничит с вопиющей неполиткорректностью: русские нарочито изображаются жестокими и нецивилизованными; они не могут пройти мимо спящей собаки, чтобы не пнуть ее ногой, а их тотемное животное, конечно же, свинья.

Единственные, кто привечает бедного Илью, – полнотельные русские красавицы, их влечение к еврейно-интеллекту выглядит прямо-таки персонификацией теорий В. В. Розанова.

Илья с огромным трудом эмигрирует в Германию, которая, однако, при всех своих западных гуманно-правовых декорациях, на поверку оказывается истинно гитлеровским мраком. Беженцев принимают, чтобы потом уничтожить. Эпоха концлагерей отнюдь не закончилась. Садистских наклонностей зубной врач достает кожаный портсигар с вышивкой «Привет Аушвицу!» Немцы – «жабы» в шлемах, надсмотрщики, чья патологическая аккуратность граничит с бесчеловечностью. Они занимаются

утилизацией мертвечины, а детей кладут спать связанными, с целлофановыми мешками на головах – это у них называется «тихий час».

На последней странице страдания героя – не очень, правда, понятным образом – заканчиваются, так как он оказывается в давно ожидаемом месте. Израиль в уделенных ему двух абзацах предстает эдаким рисованным раем. «Стакан с желтым соком» и «маленькая плетеная корзинка с абсорбцией»; синее небо «с белым облачком в углу»; а на ужин – в картинку из сохнутовских буклетов подпускается религиозная струя – «заветное вино».

Этот роман, демонстрирующий яркую фантазию автора, служащую обрамлением для очень уж грубой сионистской идеи, получил любопытные, хотя и вполне предсказуемые отклики. Либерально-интеллигентская критика сыронизировала, «вскрыв» истинную мотивацию автора: «оправдать, любой ценой оправдать собственное решение об отъезде, ну нельзя там было оставаться, нельзя там жить нормальному человеку. А потому – черной краской не жалеть!.. Неясно только, откуда тогда желание печататься на бывшей родине» (А. Ройфе, «Книжное обозрение»). А вот ультрасионисты с радостью узрели в Юдсоне пророка: «Еврея ищите в бездне. Глубоко-глубоко в подземельях Духовной Германии, на дне ада куется новый еврей. Когда он выйдет оттуда – все содрогнется. С Новым Евреем окружающие народы будут разговаривать тихо, шепотом, почтительно опустив глаза и держа шляпу в руках. Книга “Лестница на шкаф” – первое письмо, полученное нами из бездны» (А. Рыбалка, «Бездна Арцейну»).

*Ааааа Аааа*

-

## КОММЕНТАРИИ К НЕПРОСТОЙ ЭПОХЕ

### *Рðé Úáëíá*

### *Ááðáéíëéé èàì áí ù èéè Ñíáá-úÿ æèçí ù Ýðáí áóðáá: Èíð ïðééí- ðééíéíáë: áíëéé ðíì áí*

### *Ì.: Ì ïñò ù éóéüò óðí; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 740 ñ*



Этот именно что «камень», с прологом на несколько десятков страниц, а эпилогом – на полторы сотни, не столько роман, сколько компендиум – исторических фактов и реконструкций, филологических изысканий, публицистических заявлений и призывов. Но прежде всего – о лирике. Из всего содержательного многообразия выделяется одна романическая линия, пронзительно сентиментальная. Главный герой, он же автор (подчеркивается, что роман полностью автобиографичен), Юра, учась в Томском университете, дружил с однокурсницей Женей, чей отец, красавец и интеллектуал, был прототипом главного героя одного из романов Эренбурга. Женя, очевидно, была влюблена в автора, ценила его литературный талант и всей душой желала ему успехов на этом поприще. Хотя главный герой уехал в Москву, а Женя осталась в Томске, они всю жизнь поддерживали связь, и Женя рассказывала всё новые подробности о своем отце, мечтая, чтобы Юра запечатлел в литературе отца, ее саму и их с Юрой томскую жизнь. Юра сделал это, увековечив даже Женины письма – они воспроизведены на форзацах книги, – но слишком поздно, уже в качестве посмертной дани своей подруге и персонажу.

В остальном же «Еврейский камень» – это апология И. Г. Эренбурга, прижившегося на советской почве представителя эпохи Серебряного века и парижской эмиграции, крупного романиста, поэта и публициста, ныне известного в основном по роману «Хулио Хуренито» и повести «Оттепель», давшей название эпохе. С его фигурой так или иначе связаны все линии и персонажи романа: от киевской юности и московской литературной карьеры автора до ежовщины и гражданской войны в Испании, от Жени с отцом до Хемингуэя, Сталина и Бродского.

Спектр событий и их героев, произведений и их авторов, затрагиваемых в романе, весьма широк. Это эпопеи трех войн – испанской, финской и Великой Отечественной, Кронштадтское восстание и московские процессы, убийство Троцкого и «дело врачей», расправа над Кольцовым и судьба советского военного руководства... Щеглов цитирует и анализирует прозу и поэзию Эренбурга; подробно рассматривает «По ком звонит колокол» Хемингуэя и протоколы допросов Бабея; задается вопросом, чем был вызван «поток мракобесия», вылитый Горьким и Шкловским на голову Достоевского, и проводит целое мини-исследование на тему официального отношения к Достоевскому в до- и послевоенную эпоху. Он рисует повседневную жизнь московской элиты: как по-парижски изящно одевался Эренбург, как Твардовский сиживал в рюмочной на Новокузнецкой, а «режиссер» «дела врачей» Рюмин кушал пирожные в кафе «Националь». Идеино-этические нападки – на Пастернака и Бродского за критику Эренбурга – соседствуют со сведением личных счетов: автор, как и Эренбург, страдал не только от режима, но и от действий конкретных, зачастую антисемитски настроенных лиц.

Прочитывается параллель, которую автор проводит между собой и своим героем. Оба они – хоть и на разных уровнях – скорее приспособивались к ситуации, к системе, чем боролись с ней: молчали

вместо того, чтобы выступить, отворачивались вместо того, чтобы дать пощечину. В своей апологии Эренбурга (и в том числе автоапологии) Щеглов пытается убедить читателя: при такой сложной, неоднозначной жизни подобную позицию неверно клеймить как холуйскую и коллаборационистскую. В противоположность распространенной тенденции видеть в Эренбурге труса и сталинского прихвостня, Щеглов приписывает ему твердую гражданскую позицию, ставя его в этом отношении выше Пастернака, Ахматовой и Цветаевой. По мнению Щеглова, Эренбург осознавал гражданские задачи выше творческих («скорей свои цимбалы выдам, чем <...> пращу»); он жил и служил «Усатому», чтобы добиваться правды – как литературной правды (реабилитации Достоевского или Хемингуэя), так и спасения человеческих жизней.

И последнее, что хотелось бы отметить в романе-апологии Эренбурга. Автор полностью оправдывает и считает соответствующим военному времени газетный «патриотический поток» Эренбурга, заклеянный многими – начиная с Пастернака; он поддерживает призыв Эренбурга «убей немца!» и целиком присоединяется к его – очень сильному и суггестивному – стихотворению:

*Ááüü òú ìðíééÿòà, ñò ðàí à ðàçáíÿ,*  
*× ò í á ì í á ü ü í ñ é í ó á í á á ò í á í ð ...*  
*× ò í á ñ ñ ð á ä ä ò ú è ÷ ò í á í ñ é á í é ä,*  
*× ò í á ò ú ì í é ç ä ä í à é ÷ á í á í é ä ...*  
*× ò í á ü ñ Á ð í é á í à ñ ñ ð ò è è è ñ ñ á á ü ü ú,*  
*× ò í á ü ÿ ò à í í ÷ ü á ü é ä ì í ñ é á í á é ...*  
*× ò í á ü ñ ò ð ä ò ò á í ð ó ò ð í á ó á ü ä ä.*  
*× ò í á ò ú á ü ñ ñ í í é è ä ò í á á ì ì ð í É è á á*

*Á á ä ä ä Á á ò ò*

## **БИБЛИОГРАФИЯ**

Адиевский С. Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе. М.: Дом еврейской книги, 2006. – 111 с.

Архив еврейской истории. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2006. – 408 с.: илл.

Бруштейн А. Дорога уходит вдаль. Трилогия. СПб.: ИД Ретро, 2006. – 680 с.

Война и мир в Святой Стране. Любавичский Ребе о проблеме безопасности Израиля / Сост., пер. А. Дьяковецкого и И. Векслера. Иерусалим: Шамир, 2005. – 176 с.

Воронель Н. Содом тех лет. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 475 с.

Генделев М. Книга о вкусной и нездоровой пище, или Еда русских в Израиле. М.: Время, 2006. – 464 с.

Герлиц М. Этот возвышенный город. Избранные рассказы о еврейских жителях Йерушалаима прошлых столетий / Пер. с иврита М. Красилицыкова. Иерусалим: Дварим, 5765 (2005). – 351 с.

Гомбург Л. Дорога на Ханаан. Прогулки литератора по дорогам мифологической истории еврейской цивилизации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 266 с.

Зайчик М. Значащие эпизоды. М.: Текст, 2005. – 223 с.

Иврит-русский словарь / Сост. Ф. Л. Шапиро. М., 1963. (Репринт). Б.м., б.г., б.и. – 764 с.

Идиш-русский словарь / Сост. С. Рокхид, Г. Шкляр. Минск, 1941. (Репринт). Б.м., б.г., б.и. – 519 с.

Кантор Е. Песок и воздух. М.: Изд. содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2006. – 80 с.

Клугер Д. Последний выход Шейлока. М.: Текст, 2006. – 205 с.: илл. (Еврейская книга). Книга Екклесиаста. М.: Эксмо, 2005. – 385 с. (Антология мудрости).

Книга и евреи. М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 2005. – 115 с.

Книги иудейских мудрецов / Пер. с иврита и комм. И. Иантлевского. СПб.: Издательство СПбГУ – Амфора, 2005. – 231 с.

Лобовская М. История Московской хоральной синагоги. М.: Дом еврейской книги, 2006. – 216 с.: илл.

Райкин А. Без грима. М.: Вагриус, 2006. – 368 с.: илл.

Ромм А. Сборник статей о еврейских художниках. М.: Астрейя, 2005. – 224 с.: илл.

Сен-Гоури. Ступени воздуха. Кн. 1. Геометрия чувств. М.: Параллели, 2005. – 160 с.

Соболева Т. «В опале честный иудей...» М.: Параллели, 2006. – 431 с.

Старкова К. Воспоминания о прожитом. Жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. СПб.: Европейский дом, 2006. – 356 с.: илл.

Фельзенбаум М. Субботние спички. Роман / Пер. с идиша В. Чернина. М.: РИЦ Медиа-формат, 2006. – 173 с.

Шавинер И., Шавинер М. Лекарства в Израиле. Популярная энциклопедия. Изд. 4-е, доп. Б.м.: SeferIsrael, 2005. – 686 с.

Шафран В. Такси в Святом Городе. Записки на капоте. Иерусалим: Дварим, 2005. – 227 с.

Шульман Я. Города и люди еврейской диаспоры в Восточной Европе до начала XX века. Белосток / Замосць / Лодзь / Ломжа / Любартов / Радом / Сувахки. М.: Параллели, 2006. – 183 с.

## ГИДЕОН

*Èëáí à Àððè*

*Ï ÎÑÐÄÄÏ ÈË*

Пока была жива пророчица Двора, всё было спокойно, но лишь только ее не стало, сыны Израиля опять начали поклоняться идолам. А тут и новое несчастье подвалило: напали на Израиль жители пустыни – мидьянитяне. Грабят, убивают. Отнимают зерно, угоняют скот. Повадились каждый год, как саранча, налетать в период жатвы...

Воззвали сыны Израиля к Г-споду.

Ашем отвечает:

– Б-жественное нисходит лишь на тех, кто к этому готов. Я вырвал вас из рук египтян, избавлю и от мидьянитян.

Послал Всевышний ангела-посредника в Офру пообщаться с Гидеоном, сыном Йоаша. Парень в ту пору делом был занят – молотил пшеницу. Вдруг из тумана вынырнул человек:

– Ашем с тобою, муж храбрый! За то, что ты считаешь отца и помогаешь ему, тебя избрали для ратного подвига – освободить Израиль от мидьянитян.

– Почему меня? Я не герой, я обыкновенный, и... если Он с нами, то отчего случается всё это? Где чудеса Его, о которых говорят наши отцы и деды? Оставил Он нас. Что ж я смогу? Один?

Тотчас раздался голос с неба:

– Я посылаю тебя, Гидеон, спасти Израиль от мидьянитян!

– Меня? Но я – самый младший в бедной семье из колена Менаше. Кто ж послушается и встанет под мое знамя? И чем сражаться? Серпом, что ли?

– Я с тобой, и мидьянитяне будут перебиты! Дарую тебе силу и святость. Иди! Защищай евреев!

– Подай мне знак, что ты со мной. Не уходи, пока я не принесу тебе жертву.

Приготовил Гидеон быка, пресные хлеба, сварил похлебку, предложил ангелу. А тот в ответ:

– Похлебку вылей, а хлеб и мясо положи на скалу.

Как только ангел жезлом дотронулся до приношений, из скалы вырвался огонь, и дары сгорели.

Опять послышался голос с неба:

– Очисти дом отца от скверны, разрушь жертвенник Баалу, сруби кумирное дерево.

Ночью Гидеон выполнил наказ Всевышнего. Наутро возмущенные жители велели Йоашу казнить сына. Гидеон был готов на всё – лишь бы доказать, что идолопоклонство бессмысленно:

– Евреям ли поклоняться Баалу? Если этот идол что-то значит, пусть сам за себя постоит! Он – не божество! И нет у него силы!

Гидеон затрубил в рог: «Братья! Стройся под мои знамена!»



### **יִזְרְאֵל**

С многотысячным войском расположился он у источника к югу от стана противника.

Ашем спросил:

– Зачем тебе столько народу? Пусть вернуться робкие и трусливые, не готовые к подвигам. Благодать Б-жья снизойдет лишь на тех, кто достоин ее.

Двадцать две тысячи воинов повернули назад.

– Оставшиеся десять тысяч ведем к воде! Отдели тех, кто будет пить воду, стоя на коленях, лакая, как пес. Отправь их домой! Они недостойны чуда. Победу добудут истинные герои, и добудут чудесным образом.

А пьющих с ладони набралось всего триста человек.

### **בַּצֹּהֲרָיִם**

– Ночью спустился в стан мидьянитян и послушай, о чем они толкуют.

Стемнело. Гидеон подполз к палатке. Один воин говорил другому:

– Видел я странный сон. Ячменный хлеб прикатился в стан, ударил в шатер и перевернул его вверх дном.

– Это меч Израиля! Ашем отдал нам в руки мидьянитян!

Гидеон вскочил и побежал к своим.

### **אִישׁ**

– Вставайте, вставайте! Мы победим! Ашем с нами!

Воинов Гидеон разделил на три сотни. Всем раздал шофары и факелы, скрытые в горшках.

Затем сыны Израиля с трех сторон внезапно окружили лагерь противника.

– Делайте, как я! Трубите в рог, разбейте горшки и размахивайте факелами! Кричите: «Меч Господа и Гидеона!»

В стане паника. Бегство. К воде! А там уже ждут. Правда, не все цари попали в плен.

Преследуя улепетывающего врага, дошли до еврейского поселения и попросили жителей:

– Накормите голодных!

– Еще чего!

Гидеон обратился к главам общин:

– Солдаты устали и голодны. Дайте им хлеба.

– Но вы же не всех врагов разбили?! А вдруг они вернуться? Нам тогда ох как не поздоровится. Ничего вам не дадим!

Голодные и злые, под покровом ночи люди Гидеона настигли врага и разбили его в пух и прах. И уже утром бросили к ногам старейшин головы царей неприятеля.

Гидеон потребовал наказать жадных и трусливых селян: их отстегали ветками верблюжьей колючки.

Сыны Израиля, встречавшие победителя, предложили Гидеону стать царем:

– Правь нами! Ты достоин власти, ибо спас нас!

– А мне это нужно? И сыновьям моим тоже власть ни к чему. Польза, мною принесенная, спасение – всё от Г-спода. Он и будет править вами.

## АВЕРБУХ ВНОВЬ ЧЕМПИОН КОНТИНЕНТА

*ΟΝΙ ΑΟË ÈÇÐÀÈÈÛÎÊË É ÁÁÁËË É ΑΟËΑΟËÈÈ*

*Î àðé Çàé:èé*

Нет нужды говорить о том, что этот 32-летний спортсмен является суператлетом. Бесспорно, его спортивная и человеческая карьера поражают воображение многих людей как дома, в Израиле, так и в других странах. Прежде всего потому, что совершенное им по плечу очень и очень немногим людям – десяткам, а возможно даже единицам...



На чемпионате Европы в Гетеборге израильский легкоатлет Александр Авербух завоевал золотую медаль в прыжках с шестом. В дождливую, «не прыжковую» погоду, в финальный день соревнований, Авербух выступил блестяще во всех спортивных компонентах: в тактическом, физическом, техническом и психологическом. Золотая медаль досталась израильянину после того, как с первой попытки он взял 570 см. Соперники эту высоту взять не смогли. А впервые чемпионом Европы Авербух стал после того, как в августе 2002 года показал лучший результат в прыжках с шестом на Олимпийском стадионе в Мюнхене.

Тогда в Израиле он был совсем новичком. Он не всё понимал из происходящего вокруг, не знал языка, не во всем разобрался. Александр репатриировался в Израиль в 1998 году из Иркутска. В то время он входил в национальную команду России по десятиборью, но всё-таки решил репатриироваться, оставив в Сибири родителей.

Он сразу понял, что легкая атлетика в Израиле очень бедна – ее вообще почти нет. Этот вид спорта здесь не развит, в него не вкладывают деньги. Молодежь до армейской службы фанатично предана двум видам спорта – футболу и баскетболу. Всё остальное находится на задворках. Самые одаренные ребята продолжают занятия этими видами спорта и после службы, остальные становятся в лучшем случае физкультурниками.

Жизнь в Израиле непростая, ее нужно любить такой, какая она есть: с футболом, баскетболом и с минимумом легкой атлетики. Вот Авербух ее такой и полюбил. Однако стал шестовиком. Он добился очень многого, причем на первых порах – без особой поддержки, без внимания журналистов, общественности, болельщиков. Его прогресс в прыжках с шестом был невероятен. Несколько раз Авербуху поступали заманчивые и очень выгодные предложения о переезде в другие страны, более развитые в спортивном плане, более богатые, более тихие. Спортсмен отказывался от этих предложений. Как сам он говорил, «не знаю почему, наверное, потому, что не меняю своих привязанностей так быстро».

В 1999 году он становится третьим на чемпионате мира в Севилье. В 2000 году Авербух выигрывает чемпионат Европы в залах. На Олимпиаде в Сиднее Александр – 10-й. В 2001 году – серебряная медаль на чемпионате мира в Эдмонтоне. В 2002 году – золотая медаль чемпионата Европы в Мюнхене.

Приостановимся здесь и заметим: та золотая медаль Александра Авербуха была невероятной по значимости. И потому что завоевана была в Германии, и потому что завоевана в Мюнхене. 28-летний тогда молодой человек из Израиля, на верхней ступеньке пьедестала почета накрытый израильским флагом и плача слушающий «Атикву», потряс сердца граждан всей страны. Все наблюдали за этим событием в Израиле, абсолютно все. Авербух знал, что именно здесь, неподалеку от Олимпийского стадиона, в сентябре 1972 года были захвачены палестинскими террористами и затем убиты 11 израильских олимпийцев. Таким образом, помимо спортивного значения, у той победы Авербуха были и другие стороны: это было свидетельство дарования, неукротимости, характера, выживаемости.

По возвращении из Германии жизнь Авербуха изменилась. Появились спонсоры, спортивные стипендии. Он купил квартиру, ему подарили машину. Он получил стипендию Олимпийского комитета страны. Вскоре он нанял частного учителя иврита и теперь уже настойчиво принялся изучать язык. Он считал себя отныне частью Израиля, частью своего народа. Сегодня, кстати, он знает иврит прилично – говорит на нем, понимает.



На Олимпиаде в Афинах Авербух был восьмым. Многие заговорили о том, что спортсмен заканчивает карьеру в таком сложнейшем виде спорта, как прыжки с шестом. К тому же Александра преследовали травмы, мешая регулярно тренироваться. Наконец, Авербух расстался со своим тренером Валерием Каганом, и с ним начала работать Екатерина Фогель, которая, по словам спортсмена, «и наставница ему, и мама, и друг».

В нынешнем году Авербух был четвертым на чемпионате мира в залах. Он уже и сам говорил, что тело его совсем не такое, каким было еще недавно, что ему всё труднее набирать необходимую форму.

В общем, немногие были оптимистичны перед соревнованиями в Гетеборге. Ко всему этому добавилась сложная ситуация на севере Израиля, который обстреливался террористами «Хизбаллы» ежедневно и ежечасно. Гибли мирные граждане, гибли и солдаты в кровопролитных рукопашных боях в Южном Ливане. Волнение, как известно, не лучший помощник перед важными соревнованиями.

Авербух стал лучшим в финальный день соревнований. Вместе с тренером Екатериной Фогель блестяще выстроив соревнования тактически, израильтянин уверенно и безоговорочно выиграл золото чемпионата Европы, второй раз подряд. Успех огромный и трудно постижимый.

«Я чувствовал, что здесь, в Гетеборге, я не один, что я стараюсь для всех ребят на фронте, которые сражаются за меня», – сказал Александр после церемонии награждения.

30 тыс. человек слушали в Гетеборге «Атикву» вместе с великим спортсменом Авербухом и другими членами израильской делегации. А в Израиле в этот вечер завершался последний день очередной войны на севере страны...

Александр Авербух надеется, что сможет выступить на Олимпиаде в Пекине в 2008 году. «Надеюсь, мое тело меня не подведет», – говорит спортсмен. Вместе с ним на это надеются болельщики Авербуха в Израиле и за его пределами. После своей победы Авербух – на иврите, естественно, – дал интервью израильскому телеканалу. Среди прочего прозвучала и такая фраза:

– Когда я вышел на прыжки, в сердце у меня был весь Израиль. Это помогло мне выиграть.

Израиль не такой большой, как известно. А сердце у Саши – большое, спортивное, объемное, – вот весь Израиль и поместился в его сердце. Всё сошлось в этой фразе и его победе.

...Кстати, у Израиля на этом чемпионате были и другие представители. Некоторые выступили неплохо. 19-летний Ники Пали был шестым в прыжках в высоту с результатом 227 см. У этого паренька есть будущее. А 51-летний (да-да, его паспорт говорит о том, что это верная цифра) эфиопский еврей Хайле Сатаин был 18-м в марафоне с результатом 2 ч 17 мин 04 с. У него тоже, по его словам, есть спортивное будущее. 25-летний Эйтан Мегиди вышел в финал забега на 3000 м с препятствиями – тоже достижение для израильских легкоатлетов.

Спустя какое-то время очередное радостное сообщение пришло из Китая: Ники Пали на чемпионате мира среди юношей в Пекине завоевал серебряную медаль. Его результат в прыжках в высоту – 229 см.

## ИСКУССТВО НА ВЫНОС И РАСПИВОЧНО

*Аїт аїт аї...*

*І. А. Іаедаїа*

*Аааааа аї аї аї*

*«Ео-оа аї аї пїаао пї аїе. Е оае оаеа і аеї :ої пїааеїпї» - оае іаїеїеїеї і аїїоаа оїї о іаааа іоїааеаїпї іаїа іїї аїаеїіаї оаїаеїеоа іа пїаїаїаеа і пїпїа і-аааїіа іаїїоїеаа адоооаеооої а і пїаа «Ео-оа аї аї пїаао аїіаїе», - іїаої ае ї, еїаа пїаао аїаа а едааеае а Ядї едааа іаїадоаеїіпї еп-аїіаїаїаеа деїпїеїа Бейаа ааїеїіаа еа Дїпїеїеїіа аїпїааїіаїіа адоаа еооааооої е еїеїпїоаа (ДААЕЕ). Аїе аїїїої еао іааа едааа 80 ааїеїеїео оеїіеїе еа Дїпїеїеїе іаеїіаеїіе аеаеїіоае еааеаїпї іоааеаїеаї іаааааеїе іаааїіаїе їїїе, ої оаїааї а їїїо «пїааеїіпї іпїе», іое а пїааеїіоаа едаае дапїоо еае оаї і а їїїо аїааеїіоаеїе: аїеїоа 200 ааїеїео еа Ядї едааа, а еа ДААЕЕ - :оїеї і а а аїїїої даа аїеїоа*



*Іоїаео аїаїіаїіоїіе ааеїе Еаїаоїіаї оааа аїааа «Едаїпї іе аїааеїіеїе».*

Конечно, в глазах широкой публики эти кражи несопоставимы. Церковная утварь из Эрмитажа – и какой-то там Черников! Что он вообще сделал, за что ему такая честь, что его крадут?

Всё дело в том, что Яков Георгиевич Черников (1889–1951) не принадлежал ни к одной из авангардных архитектурных группировок. Строил он мало (даже по сравнению с остальными советскими авангардистами) и в основном промышленную архитектуру, которую у нас поныне многие и за архитектуру не считают. Наибольшую известность в строительном наследии Я. Черникова получил проект водонапорной башни Канатного цеха завода «Красный гвоздильщик» (1930–1931 годы), которая до сих пор стоит в Петербурге и разрушается прямо на глазах.

Черников получил хорошее художественное образование, профессионально владел графикой. Он закончил Одесское художественное училище и Академию художеств. Его главным наставником был академик архитектуры Леонтий Николаевич Бенуа. Начав работать ретушером, фотографом, помощником архитектора, он рано освоил различные стороны графического ремесла. Именно в Одессе складывается неповторимый стиль Я. Черникова.

Круг проблем, занимавших его, был необычайно широк: исследования в области геометрического орнамента и супрематизма, разработка новых методов преподавания графических и пространственных дисциплин, вопросы теории конструктивизма и проблемы формообразования современной архитектуры, проектирование и строительство гражданских и промышленных зданий. Он создавал проекты металлообрабатывающих заводов, предприятий химической промышленности, жилищных массивов, научно-исследовательских институтов и школ.

Я. Черников был увлеченным педагогом. Он изобрел новую методику наглядных пособий, в которой большое значение отводилось графическим задачам, раскрывающим сущность построения через игру вариаций. Он разработал целую систему курсов, которые сопровождались огромным количеством

чертежей и композиций, нацеленных на последующее индивидуальное развитие и разработку преподавателями и студентами.

Сравнительно поздно включившись в движение конструктивизма, на рубеже 1920–1930-х годов Черников издает в Ленинграде книги архитектурных фантазий, принесшие ему мировую известность и титул «советского Пиранези»: «Основы современной архитектуры», «Конструкции архитектурных и машинных форм», «Архитектурные фантазии. 101 композиция». Великолепно изданные, эти книги впоследствии послужили источником вдохновения для многих поколений архитекторов. Можно сказать, что Черников стал одним из основоположников отечественной «бумажной архитектуры».



*В. Черников*

Одновременно с поисками в области конструктивизма Я. Черников увлекается фантазиями на темы архитектуры прошлых эпох. Таков созданный им «Цикл живописной архитектуры», включающий в себя «Архитектурные сказки», «Архитектурные пейзажи», «Архитектуру деревянных строений», «Сказки индустрии», «Архитектурную романтику». Незадолго до войны Черников завершает работу над циклом «Архитектура дворцов»: «Дворцы коммунизма», «Архитектура будущего», «Архитектурные ансамбли», а во время войны создает серию проектов и композиций на тему «Пантеоны Великой Отечественной войны».

«Мне удалось доказать, что графической грамотности можно так же научиться, как можно человеку вообще стать грамотным», – писал архитектор. Однако те, кто выкрал рисунки Черникова, этой грамотностью явно не обладали.

22 июня на аукционе компании Christie's появились девять рисунков Якова Черникова. Поскольку после его смерти основную часть наследия архитектора семья передала в РГАЛИ (есть еще небольшой фонд в Музее архитектуры), стали смотреть там – и обнаружили, что, по словам Андрея Черникова, внука архитектора, вице-президента Московского отделения Международной академии архитектуры, президента Международного архитектурного фонда имени Я. Черникова, на месте большинства работ «лежали низкокачественные графические опусы в стиле русского конструктивизма». По оценкам заместителя руководителя Росохранкультуры Анатолия Вилкова, исчезло примерно 80 процентов работ из трех тысяч находившихся в РГАЛИ.

Рисунки с аукциона дома Christie's удалось вернуть. На внутреннем антикварном рынке и за рубежом выявили еще 224 рисунка. Но это лишь десятая часть пропавшего.

Дело осложняется тем, что в истории оказался замешанным Международный архитектурный благотворительный фонд имени Якова Черникова, основанный в 1991 году по инициативе Международной ассоциации архитекторов при поддержке Союза архитекторов СССР. Позже в состав попечителей Фонда вошли такие солидные организации, как Немецкий музей архитектуры (Франкфурт-на-Майне, Германия) и авиакомпания «Дойче Люфтганза». Основным направлением своей деятельности Фонд определил поддержку работ в области инновационной архитектуры и градостроительства, поощрение инициатив молодых архитекторов мира, организацию и проведение архитектурных конкурсов и выставок Якова Черникова и русского архитектурного авангарда, а также поддержку детского архитектурного творчества в России. В 2005 году Фонд учредил Международную премию имени Якова Черникова в области концептуальной архитектуры.



*Èç ãàèè «Ããðòù èíí ì óíèçí à».*

*1934-1941 ããã.*

Последние пять лет Фонд имени Чернихова по договору с РГАЛИ осуществлял каталогизацию и цифровое копирование архива архитектора. Для этого документы из архива выдавались во временное пользование Фонду на достаточно длительные сроки. Работа была далека от завершения, когда обнаружилась пропажа. И вот уже руководитель Федерального архивного агентства В. Козлов намекает в эфире радиостанции «Маяк» на подозрения в адрес Фонда имени Чернихова, что вызывает резкую отповедь со стороны внука архитектора.

Конкретных виновников найдут. Но моральную ответственность за происходящее, безусловно, несут власти. В самом деле, если можно совершенно безнаказанно, на глазах у всех из года в год уничтожать исторический центр столицы и других городов, то почему нельзя вынести из архива кипу бумажек? Ведь цена вопроса несопоставима: там – миллиарды и миллиарды долларов и никого не сажают, а здесь – несколько миллионов. Каждый работает как умеет: кто взялся сносит целые исторические кварталы, а кто выносит исторические бумажки. «Искусство принадлежит народу», – сказал когда-то товарищ Ленин. И если народу оно больше не нужно, он начинает от него избавляться.

## ШТРУДЕЛЬ

*Î adê Áóei íá*

*Î dadiáeia eodúiaey - oddeoidēy madaí aítte Áanodee. Neíat yoi haeíí-íai abéíat  
i dēpōíaeáíey, í adáíá íá íá-áíeá - «áíáíáí dō, adúíe eadō-eáapúeey íí dōíe», áoí dōíá - «dēáó»,  
«íeíáíe íe dōíá». Íá eáeoa í dēcípēe «eodúiae». Áey íeoyadúeíat íí adá «Éáaeí á» ead-ííáad  
i íneíaeíat dāpōí dāíá «Éííá» í dē Í ÁÍ Ōá Í adō Neáíáíeé í dē á oíaeé yaeí-ííe eodúiaeíí*



На начинку идут кислые крепкие яблоки таких сортов, как «антоновка», «грант», «семеринка». Снять кожуру с яблок, разрезать каждое пополам и вырезать сердцевину, затем нарезать тонкой соломкой. Вес готовой яблочной начинки – 0,5 кг. Добавить в нее чайную ложку корицы тонкого помола, столовую ложку меда, столовую ложку сахара, 150 г изюма, хорошо перемешать. Затем полученную массу рекомендуется слегка отжать в руках, чтобы удалить часть влаги: она мешает будущему штруделю приобрести устойчивую форму при запекании.

Раскатанное тесто – пласт размером 30 на 20 см – слегка посыпать мукой.

*Начинку выложить дорожкой на середину листа и завернуть в рулет. Это делается в три приема: сначала накрываем начинку слева и справа внахлест и переворачиваем штрудель «шивом» вниз. После этого закрываем тестом края рулета. Далее прокалываем тесто вилкой по всей длине через каждые 3–4 см, чтобы пар мог выйти и не разорвать штрудель. Смазываем яичным белком, посыпаем сахарной пудрой или сахарным песком. Лоток смазываем подсолнечным маслом, кладем в него штрудель и ставим в духовку, нагретую до 180 градусов. При этой температуре выпечка длится 25 минут.*



Штрудель – недорогое блюдо, раньше его готовили к субботе, но оно может быть и повседневным. В российской черте оседлости оно получило распространение из-за того, что и мука для теста, и яблоки почти всем были доступны. Зимой, в отсутствие яблок, в белорусских и украинских местечках для начинки использовали варенье, перемешанное с орехами.

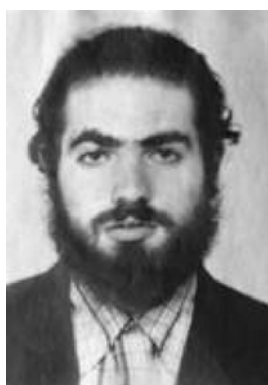
Из австрийской и еврейской кулинарии штрудель перекочевал во все европейские кухни и стал интернациональным блюдом. В Париже, например, можно попробовать до сорока его видов. Есть парижская улица, где каждое кафе представляет собой домашнюю фирму, производящую свой вариант штруделя. Помимо яблок используют груши, чернослив, другие фрукты, орехи, мед, сгущенное молоко, разные сорта варенья. Тесто тоже может быть разнообразным. Например, берут тончайшее тесто *file* («пряжа» в буквальном переводе с французского), выкладывают слой начинки, на него кладут еще слой теста с другой начинкой, сворачивают рулет и запекают. Это тоже штрудель.

Благодаря этому известному кондитерскому изделию сам образ водяной воронки приобрел популярность и оказался востребованным в иной сфере и в новом значении: в Израиле словом «штрудель» называют значок @ в электронных адресах. Действительно, похоже, если разрезать...

## ГРИГОРИЙ ПЕРЕЛЬМАН: ОТКАЗНИК

Василий Максимов

В августе 2006 года были объявлены имена лучших математиков планеты, получивших престижнейшую Медаль Филдса – своеобразный аналог Нобелевской премии, которой математики, по прихоти Альфреда Нобеля, были лишены. Премия Fields Medal – помимо почетного знака, лауреатам вручается чек на пятнадцать тысяч канадских долларов – присуждается Международным конгрессом математиков раз в четыре года. Она учреждена канадским ученым Джоном Чарльзом Филдсом и впервые вручена в 1936 году. С 1950 года Fields Medal вручается регулярно лично королем Испании за вклад в развитие математической науки. Лауреатами премии могут стать от одного до четырех ученых в возрасте до сорока лет. Премию уже получили сорок четыре математика, среди которых восемь россиян.



*Аדם δεέ Ἰ ἀδάειν αι.*



*Αι δε Ἰ ααι εαδα*

В 2006 году лауреатами стали француз Венделин Вернер, австралиец Теренс Тао и двое россиян – работающий в США Андрей Окуньков и ученый из Петербурга Григорий Перельман. Однако в последний момент стало известно, что Перельман отказался от этой престижной награды – как объявили организаторы, «по принципиальным соображениям».

Столь экстравагантный поступок российского математика не стал неожиданностью для знающих его людей. Он уже не в первый раз отказывается от математических наград, объясняя свое решение тем, что не любит торжественные мероприятия и излишнюю шумиху вокруг своего имени. Еще десять лет назад, в 1996 году, Перельман отказался от премии Европейского математического конгресса, сославшись на то, что не закончил работу над номинированной на награду научной проблемой, и это был не последний случай. Российский математик словно сделал целью своей жизни удивлять людей, идя наперекор общественному мнению и научной общественности.

Григорий Яковлевич Перельман родился 13 июня 1966 года в Ленинграде. С юных лет увлекался точными науками, с блеском окончил знаменитую 239-ю среднюю школу с углубленным изучением математики, побеждал на многочисленных математических олимпиадах: так, в 1982 году в составе команды советских школьников участвовал в Международной математической олимпиаде, проходившей в Будапеште. Перельман без экзаменов был зачислен на мехмат Ленинградского университета, где учился на «отлично», продолжая побеждать в математических соревнованиях всех уровней. Окончив университет с красным дипломом, он поступил в аспирантуру при Петербургском отделении Математического института имени В. А. Стеклова. Его научным руководителем был известный математик академик Александров. Защитив кандидатскую диссертацию, Григорий Перельман остался в институте, в лаборатории геометрии и топологии. Известны его работы по теории пространств Александрова, он сумел найти доказательства к ряду важных гипотез. Несмотря на многочисленные предложения от ведущих западных университетов, Перельман предпочитает работать в России.

Самым громким его успехом стало решение в 2002 году знаменитой гипотезы Пуанкаре, опубликованной в 1904 году и с тех пор остававшейся не доказанной. Перельман работал над ней восемь лет. Гипотеза Пуанкаре считалась одной из величайших математических загадок, а ее решение – важнейшим

достижением в математической науке: оно моментально продвинет вперед исследования проблем физико-математических основ мироздания. Виднейшие умы планеты прогнозировали ее решение лишь через несколько десятилетий, а Институт математики Клея в Кембридже, штат Массачусетс, внес проблему Пуанкаре в число семи наиболее интересных нерешенных математических проблем тысячелетия, за решение каждой из которых была обещана премия в миллион долларов (Millennium Prize Problems).

Гипотеза (иногда называемая задачей) французского математика Анри Пуанкаре (1854–1912) формулируется так: любое замкнутое односвязное трехмерное пространство гомеоморфно трехмерной сфере. Для пояснения используют наглядный пример: если обмотать яблоко резиновой лентой, то в принципе, стягивая ленту, можно сжать яблоко в точку. Если же обмотать такой же лентой бублик, то в точку его сжать нельзя без разрыва или бублика, или резины. В таком контексте яблоко называют «односвязной» фигурой, бублик же не односвязен. Почти сто лет назад Пуанкаре установил, что двумерная сфера односвязна, и предположил, что трехмерная сфера тоже односвязна. Доказать эту гипотезу не могли лучшие математики мира.

Чтобы претендовать на приз Института Клея, Перельману нужно было всего лишь опубликовать свое решение в одном из научных журналов, и если в течение двух лет никто не сможет найти ошибку в его вычислениях, то решение будут считать верным. Однако Перельман с самого начала отступил от правил, опубликовав свое решение на сайте препринтов Лос-Аламосской научной лаборатории. Возможно, он опасался того, что в его расчеты вкралась ошибка – подобная история уже происходила в математике. В 1994 году английский математик Эндрю Уайлз предложил решение знаменитой теоремы Ферма, а спустя несколько месяцев выяснилось, что в его расчеты вкралась ошибка (правда, впоследствии она была исправлена, и сенсация всё же состоялась). Официальной публикации доказательства гипотезы Пуанкаре нет до сих пор – зато есть авторитетное мнение лучших математиков планеты, подтверждающих верность расчетов Перельмана.

Медаль Филдса Григорию Перельману была присуждена именно за решение проблемы Пуанкаре. Но российский ученый отказался от премии, которой он без сомнения достоин. «Григорий сказал мне, что чувствует себя изолированным от международного математического сообщества, вне этого сообщества, поэтому не хочет получать награду», – заявил на пресс-конференции в Мадриде президент Всемирного союза математиков (ВСМ) англичанин Джон Болл.

Ходят слухи, что Григорий Перельман и вовсе собирается уйти из науки: еще полгода назад он уволился из родного Математического института имени Стеклова, и говорят, будто он не будет больше заниматься математикой. Возможно, российский ученый считает, что, доказав знаменитую гипотезу, он сделал для науки всё, что мог. А впрочем, кто возьмется рассуждать о ходе мыслей столь яркого ученого и неординарного человека?.. От любых комментариев Перельман отказывается, а газете The Daily Telegraph он заявил: «Ничто из того, что я могу сказать, не представляет ни малейшего общественного интереса». Однако ведущие научные издания были единодушны в своих оценках, когда сообщили, что «Григорий Перельман, разрешив теорему Пуанкаре, встал в один ряд с величайшими гениями прошлого и настоящего».

**ЛЕХАИМ** ОКТЯБРЬ 2006 ТИШРЕЙ 5767 – 10 (174)

## **ВОЗРОЖДЕНИЕ НОВРСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН**

**נִיְעָאָוֹּוּ דְאָאָ אַ עֲבֹדָנְאֵיִי אַ**

*17 אַאִיִּוֹאָ אַ פֿוֹרֶעֶמֶאָ עֶרֶבֶעֶיַּ יִדְעֵנִי עִיִּיאִמִּי יִנְעִיאִיעֵטָ עֶרֶבֶאָע-נֵעִטָ דְאָאָ אַ פֿוֹ דְאִי אֹוּ אִיִּאָעִיִּי נִיְאָוֹנֵעִטָ נִיְרָעָ*



Посланники из России, Узбекистана, Грузии, Украины, Казахстана, Армении, Азербайджана, Киргизии и стран Балтии собрались вместе, чтобы подвести итоги проделанной за год работы. Среди почетных гостей на съезде присутствовали главные раввины Израиля Шломо Амар и Йона Мецгер, а также секретарь раввинского суда Хабада раввин Ицхок-Иеуда Ярославский.

Форум открыл главный сефардский раввин Израиля Шломо Амар, отметивший пророческий дар седьмого Любавичского Ребе, предсказавшего развал коммунистического режима и разработавшего стратегию по возрождению еврейской жизни. Раввин Амар, недавно побывавший в России, высоко оценил самоотверженную деятельность посланников Хабада, которые в тяжелейших условиях добились убедительных результатов по восстановлению еврейских общин.

Главный ашкеназский раввин Израиля Йона Мецгер в своей речи отметил заслуги известного бизнесмена и филантропа Леви Леваева, без личного участия которого невозможно представить возрождение еврейской духовности в странах СНГ. «Деятельность Хабада в России, – сказал он, – можно сравнить с будильником, который после 70 лет молчания прорезал тишину веселыми трелями, а г-н Леваев – одно из главных действующих лиц еврейской революции».

«Евреи России больше не сироты, – заявил в своем выступлении на форуме главный раввин России Берл Лазар. – Произошло чудо, может быть самое большое в этом поколении, которое возродило национальное сознание у евреев России. Очень тяжело восстановить около пятисот общин в одной стране, тем более в такой стране, как СССР. Благодаря неоценимой помощи Леви Леваева мы сумели произвести революцию и возродить еврейскую жизнь на постсоветском пространстве. За 15 лет мы сумели вовлечь в нашу жизнь более миллиона евреев из бывшего Советского Союза».

Раввин Лазар отметил огромную работу, проделанную посланниками Ребе. «Сегодня около 140 посланников – это уже местные жители, которые присоединились к Хабаду и стали посланниками движения в своих родных местах», – сказал он.

Когда на сцену вышел председатель ФЕО СНГ Леви Леваев, участники форума приветствовали его стоя, поздравив с 50-летним юбилеем. «Я не понимаю, почему мне выпало столько хвалебных слов, ведь на самом деле главную работу выполняют простые солдаты Ребе, которые, не боясь никаких трудностей, отправляются на “фронт”, чтобы принести туда его учение. Мне лишь выпала честь со святого благословения Ребе помогать им в этом важном деле». Леви Леваев подчеркнул важность работы по вовлечению российских евреев в систему образования Хабада, возродившего национальное сознание в десятках тысяч молодых евреев.

Через телемост делегатов съезда поздравил соратник Л. Леваева по благотворительной деятельности в России Джордж Рор. Он, в свою очередь, дал высокую оценку работе посланников и поздравил юбиляра, пожелав ему долгой плодотворной жизни.

В заключение вечера на огромном экране появились фотографии еврейских центров в разных городах России, а ведущие представили посланников, выполняющих свою важную миссию в этих местах.

*י. דבירי אר*

Накануне открытия Конгресса посланников Хабада в странах бывшего Советского Союза общественности была представлена книга под названием «Дедушка – Любавичский Ребе и евреи России».

Автор монументального проекта раввин Зусия Вольф на 650 страницах опубликовал документы, включающие размышления Ребе о судьбе советского еврейства и беседы с ближайшим окружением об оказании необходимой помощи евреям за «железным занавесом».

В книге собраны письма седьмого Любавичского Ребе к своим сторонникам в Советском Союзе, которые он в конспиративных целях подписывал псевдонимом «дедушка». Как известно, коммунистический режим преследовал любые проявления еврейской активности, и письмо от Ребе практически гарантировало получателю обвинение в антисоветской деятельности и длительный тюремный срок. Чтобы не подвергать людей риску, приходилось соблюдать максимальную осторожность.

Двухтомный труд раввина Вольфа издан в типографии Кфар Хабада в красочном кожаном переплете и приурочен к съезду посланников Ребе в странах СНГ. Финансовую сторону проекта обеспечил Леви Леваев, на которого Ребе возложил задачу по возрождению еврейской жизни на постсоветском пространстве.

*А. דבירי*

## וְהַאֲמַרְתָּ לְעַמְּךָ בְּיָמֵינוּ אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְעָמְדָה לְפָנֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְעָמְדָה לְפָנֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

*Но іевреї аїмїєєō аїпōає Ĩ адеōїтєїї аїїа іа аєаає: аааїтє даааєї Оєдаєїї ũ Асдєєє Оаєєєї, аааїтє даааєї Аїїааїїа Ĩ єїōаї Аїїааєєє, аааїтє даааєї Ĩ аєаааєє Yєєyo Eдїї аđ аааа «Ĩ єадаєє Oєїїєō» даааєї Yєєoа Oаїєєї, аōїдїє їїєдадōаđї їїїїєїїїōаа Eдїаєєy а Oєдаєїа Pєєy Aдđ Ĩ а їдаçаїєє їдеаїтєа аїтєїїоаy ааєааїоєy ааđаа Аїїаоєа, аїїїōааа єїōїдїє ааааа асєаї Yєєyo Eдєєї аđ єаї аїдєōаєїї їдаїїааōаєy аадаєїтє даєєаїçїтє їаїєїї ũ Eаїїа Eаєаđї аї.*

Правда, и событие, собравшее вместе этих людей, было неординарным: 27 августа впервые за 80, а то и 100 лет в мариупольскую синагогу был внесен свиток Торы.

Символично, что праздник этот состоялся в День независимости Украины, ведь именно с обретением государственного суверенитета началось возрождение еврейской жизни в стране.

Мариупольская синагога расположена на улице Харлампиевской, в историческом центре города, где прежде проживало много евреев. Именно по этой улице было организовано праздничное шествие. Под еврейские мелодии и марши Тора проследовала в свой новый дом. Ее несли под хупой, как невесту, уважаемые гости и члены общины, время от времени сменяя друг друга: выполнить эту миссию – большая честь для еврея. А следом двигался «почетный караул»: гости, многие с семьями, еврейская община Мариуполя, представители общественности и средств массовой информации.

По прибытии в синагогу каждый имел возможность прикоснуться и поцеловать Тору, святыню еврейского народа. Началась церемония акофойс: обход бимы со Свитком Торы, с танцами и песнями, выступлениями почетных гостей. После того как свиток занял свое место в Арон Койдеш, участники праздника направились на торжественное собрание в ДК «Азовсталь» – синагога не смогла бы вместить всех желающих.

Торжественная часть началась со звуков шофара, потому что праздник проходил в рош ходеш элул – начало месяца подготовки к Рош а-Шона, когда принято подводить итоги года. Об этом и о многом другом говорили выступавшие. Так, главный раввин Украины Азриэл Хайкин сказал, что Тора «радуется», попав в такое замечательное окружение, и теперь она должна «работать» на благо еврейской общины. Раввин Хайкин пожелал общине успехов, «хорошего и сладкого года». А главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий отметил, что мариупольцы – люди особенные, патриоты своего народа.

В ответном слове главный раввин Мариуполя Менахем-Мендл Коэн поблагодарил раввина Азриэла Хайкина и пожелал успехов в работе на благо еврейской общины Украины. Он также выразил благодарность главному раввину Донбасса Пинхасу Вышецкому за поддержку еврейской общины Мариуполя на протяжении всего времени ее существования. Раввин Коэн отметил: Тора находится не за морем и не на небесах, она дана не ангелам, а людям из плоти и крови. Как приправы придают вкус пище, так и Тора добавляет наслаждение и вкус к жизни человека.

Интересна история обретения свитка еврейской общиной города. Реликвия была обнаружена неподалеку от Мариуполя действующей в США организацией «Save a Torah» под руководством Менахема Юлиуса: организация разыскивает свитки Торы, пострадавшие в результате Катастрофы европейского еврейства. Свиток отреставрировали и сделали пригодным для Б-гослужения в синагоге. А приобрели в дар общине и оплатили его пересылку родители еврейского мальчика из Вашингтона Макса Лермана в честь его бар-мицвы, которая состоялась в марте этого года.

*Ń. Dїaєāїāā*

## אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

### אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

**23 августа** главный раввин России выразил свои соболезнования в связи с аварией самолета «Ту-154» под Донецком и призвал молиться за души погибших.

«Еврейская община России глубоко потрясена трагедией авиарейса “Анапа – Петербург”, в результате которой погибли 169 человек, – говорится в документе. – Мы разделяем горе семей погибших, среди которых есть и представители нашей общины, молимся за то, чтобы Б-г упокоил их души и ниспослал умиротворение родным и близким, позволил пережить безвременную гибель дорогих им людей».

Главный раввин России отметил, что «к сожалению, за последнее время это уже не первая трагедия такого рода, уносящая человеческие жизни». По его словам, «техногенные катастрофы в воздухе, на железных дорогах, на воде происходят всё чаще в разных странах, в том числе у нас дома. Некоторые утверждают, что это неизбежная плата за ускорение темпа жизни, за усложнение техники, которой мы все вынуждены пользоваться. Однако нельзя забывать, что каждая такая авария – трагедия сама по себе, а каждая потерянная жизнь – целый мир, ушедший от нас безвозвратно. Особенно трагично, когда гибнут дети, только вошедшие в этот мир, молодые люди, только начавшие жить».

Раввин Лазар выразил убежденность, что сейчас «каждый на своем месте должен прилагать максимум усилий, чтобы сделать нашу повседневную жизнь более безопасной, а каждый человек, пострадавший в результате техногенных катастроф, должен чувствовать поддержку и помощь окружающих». Он отметил: катастрофа случилась в преддверии месяца элул по еврейскому календарю, который считается месяцем милосердия. Главный раввин России обратился с призывом ко всем общинам, ко всем евреям «прийти в синагоги и молиться за погибших, просить Б-га явить милосердие и не посылать нам больше таких тяжких испытаний».

### אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

**6 сентября** участие в торжественных мероприятиях в московском еврейском образовательном центре «Бейт Швидлер» (см. репортаж А. Баскаковой). В своем выступлении главный раввин России рассказал собравшимся о том, насколько важно получить еврейское образование, и поблагодарил родителей, отправивших учиться в еврейскую школу своих детей. «Когда человек собирает урожай, часть его он отдает в благодарность Б-гу. А родители отдают еврейской школе самое дорогое, что у них есть, – своих детей, – значит, они действительно ценят то, что мы здесь делаем». В заключение раввин Лазар горячо поблагодарил всех спонсоров и попечителей центра, а также его учительский состав.

**7 сентября** в Нижнем Новгороде участие в Международном форуме Совета Европы «Диалог культур и межрелигиозное сотрудничество». Мероприятие прошло в рамках XI Международного промышленно-экономического форума «Россия единая». В работе форума также приняли участие глава ПАСЕ Рене ван дер Линден, президент Палаты регионов Конгресса местных и региональных властей Совета Европы Явуз Милдон, секретарь Палаты регионов Конгресса местных и региональных властей Совета Европы Ирина Блонина, глава кабинета президента Парламентской ассамблеи Совета Европы Петр Зих. Вместе с главным раввином России на форум прибыли верховный муфтий России Равиль Гайнутдин, глава делегации Русской православной церкви в Берлине архиепископ Феофан, представитель Ватикана при Совете Европы монсеньор Вито Рало, президент протестантской церкви Франции и конфедерации Европейских церквей Жан-Арнольд де Клермонт, великий муфтий России и Европейской части СНГ Талгат Татжуддин и другие. Основные задачи форума – содействие межкультурному и межрелигиозному диалогу и сотрудничеству в Европе, обсуждение роли и ответственности СМИ в современном мире, изучение и развитие опыта межрелигиозного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму. Также в рамках форума пройдет обсуждение возможностей создания механизма консультаций Совета Европы с представителями значимых религиозных общин стран-членов Совета Европы.

## КАЗАКИ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

10 августа в посольстве Израиля в Киеве состоялась встреча чрезвычайного и полномочного посла государства Израиль в Украине Наоми Бен-Ами с главным раввином Украины Азриэлом Хайкиным, гетманом Украинского реестрового казачества (УРК) Анатолием Шевченко и генеральным судьей УРК Игорем Козловским. А в конце августа делегация Украинского реестрового казачества по приглашению главного раввина Украины посетила Израиль с миссией солидарности.



В ходе встречи в Киеве Анатолий Шевченко заверил посла Наоми Бен-Ами в том, что украинское казачество поддерживает Израиль в его благородном и сложном деле борьбы с терроризмом. Он отметил, что Израиль делает всё возможное, чтобы террористические организации, подобные «Хизбалле», не могли навязать свою волю цивилизованному миру, свободным гражданам демократических стран.

«Как ректор высшего учебного заведения, вместе с преподавательским составом, я делаю всё для того, чтобы разъяснить студентам и молодежи важность поддержки Израиля, необходимость повседневной борьбы с ксенофобией, антисемитизмом, национальной и религиозной нетерпимостью, — подчеркнул гетман. — В этом с нами солидарны и интеллектуальная элита Украины, и самые широкие общественные круги».

Делегацию, отправившуюся в Израиль, возглавили гетман Анатолий Шевченко, Игорь Козловский и киевский атаман Вячеслав Тарасов.

В ходе визита солидарности, прошедшего в непростое для Израиля время, делегация украинского казачества вместе с главным раввином Украины посетила север Израиля — приграничные с Ливаном территории, подвергавшиеся обстрелам со стороны террористов.

Во время поездки прошли встречи с мэром города Кирьят-Мошкин Хаимом Цури и мэром города Кирьят-Шмона Хаимом Барвивай, а также с раввинами местных общин и представителями Армии обороны Израиля.

Делегация казаков присутствовала на похоронах одного из израильских солдат, погибших во время контртеррористической операции. Члены делегации не только собственными глазами увидели последствия войны, но и пообщались с простыми гражданами. Во время этих встреч Анатолий Шевченко высказал слова поддержки со стороны украинского казачества борьбе, которую ведет народ Израиля. «Борьба с терроризмом, – сказал гетман, – должна вестись на всех уровнях, а границ террор не знает. Поэтому ваши мнения – мнения тех, кто постоянно переживает сложные проблемы, связанные с угрозой террористических атак, – чрезвычайно важны для выработки глобального плана борьбы с терроризмом».

В Иерусалиме состоялась встреча главного раввина Украины Азриэла Хайкина и делегации украинского казачества с главным раввином Израиля Шломо Амаром. Главный раввин Израиля выразил благодарность казакам за смелые и конструктивные действия, направленные против антисемитизма и ксенофобии, и сказал, что только в условиях взаимной толерантности людей разных мировоззренческих позиций и национальностей можно свободно жить и плодотворно работать в будущем. Раввин Шломо Амар благословил казаков и подтвердил свое желание продолжить начавшийся диалог.

В Тель-Авиве делегация встретила с видным общественным деятелем, президентом Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваевым. Во время встречи были обсуждены вопросы сотрудничества УРК с Федерацией еврейских общин СНГ. Стороны выразили уверенность, что одной из важнейших сфер сотрудничества должно стать проведение просветительских мероприятий в образовательных учреждениях и научно-практических конференций по противодействию ксенофобии и антисемитизму.

Делегация украинского казачества приняла участие в работе проходившего в столице Израиля Конгресса посланников Любавичского Ребе в странах бывшего Советского Союза. Гетман Анатолий Шевченко в своем выступлении перед раввинами отметил, что только общими усилиями можно остановить терроризм в любой форме и начинать эту работу необходимо с изменения сознания рядовых граждан.

Визиту солидарности делегации украинского казачества в Израиль уделялось большое внимание со стороны израильских масс-медиа, в том числе радио и телевидения, которые подчеркивали, что, хотя история взаимоотношений между казачеством и евреями полна «черных» страниц, сегодня украинские казаки стремятся к хорошим отношениям и с еврейской общиной своей страны, и с Израилем. Главный раввин Украины Азриэл Хайкин, говоря об итогах визита, подчеркнул: «Самое главное – это то, что в украинском обществе есть здоровые силы. Главный итог визита украинского казачества – укрепление взаимопонимания между Израилем и Украиной. Теперь все в Израиле смогли увидеть, что в Украине есть силы, которые занимают четкую позицию по вопросам борьбы с терроризмом и полностью поддерживают Израиль».

***А. Ієлієв***

***Βαρεά ἀντρεακτῶν ἐν ἰσραήλ ὁ ἰσραήλ ἀντιπρόσωπος Νῆαὸς ἰσοπέδα Διῆς ἁ ἀσὸν Ἐσθῆς  
ἰσραήλ ἐσθῆς ἰσραήλ ἀντιπρόσωπος ἀσὸν ἰσραήλ***

«Федерация еврейских общин России намерена поставить в Межрелигиозном совете России вопрос об антиизраильских высказываниях ряда представителей Совета муфтиев», – заявил 10 августа руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин.

Ранее заместитель председателя Совета муфтиев России Мухаммад Карачай, комментируя действия Израиля против группировки «Хизбалла», заявил, что для человечества стала очевидна «агрессивная сущность сионистского государства, устроившего в Ливане настоящий “холокост”». В свою очередь сопредседатель Совета муфтиев Карелии Висам Али Бардвил отметил, что Израиль «действует по методике нацистов». Борух Горин отметил, что подобные «несбалансированные» заявления подрывают иудео-мусульманский диалог в России. «Если такие заявления не дезавуируются Советом муфтиев, то они наносят весьма серьезный ущерб нашим отношениям», – подчеркнул он.

Руководитель Департамента общественных связей ФЕОР считает обязательным для руководства всех религиозных объединений России «понимать уникальность ситуации и беречь межрелигиозный мир в стране». «Любому эксперту очевидно, что никакие политические и межгосударственные конфликты ни в коем случае нельзя превращать в межрелигиозные. Это взрывоопасная смесь, которая может подорвать не только отношения мусульман и иудеев в России, но и нанести смертельный удар по межрелигиозным отношениям во всем мире». По словам Б. Горина, для мусульманских деятелей в разных странах мира «это очевидный факт, и они десятилетиями работают над тем, чтобы не дать американо-арабским отношениям превратиться в христиано-мусульманские, а израильско-арабским – в иудео-мусульманские». «И только радикальные деятели в мусульманских общинах на Западе позволяют себе заявления, подобные тем, которые сделаны на этой неделе представителями вполне уважаемой мусульманской организации России», – отметил Борух Горин.

***«Ἐἰς τὸ ἀσὸν»***





На нынешний семинар прибыли 170 студентов из 12 стран. Столь представительный форум в рамках этого проекта еще не собирался. Большое внимание на семинаре было уделено еврейской традиции и праздникам. Раввин Михоэл Гитик, например, провел занятие под названием «Рош а-Шона», а раввин Йосеф Херсонский – «Симхас Тойра» и «Шмини Ацерес». Впрочем, праздниками и традициями учеба не ограничивалась. Так, Ефим Свирский посвятил одно из занятий теме «Тора и психология». Особый интерес у студентов вызвало «интеллектуальное кафе» в форме брейн-ринга, в котором все вопросы так или иначе касались иудаики. По окончании семинара студентам было предоставлено право самим оценить уровень преподавателей, заполняя анонимные анкеты. По предварительным данным, ребята оценили своих наставников очень высоко.

После окончания занятий для студентов настал черед семинара для преподавателей, уже третьего в этом году. Первый учительский семинар проходил в июне 2006 года в Киеве, второй – несколько недель назад в Иерусалиме. В нынешнем семинаре принимали участие 70 преподавателей из 12 стран СНГ и Балтии.

«Многие из нас учились преподавать, что называется, “на поле боя”, – нам просто не хватало практического умения работать с аудиторией, доносить до нее знания, – сказал раввин Довид Фельдман из Одессы. – Здесь мы получили массу ценной информации».

***А. Ашкенази***

***В. Ашк***

## «ΕΙΤΑΑΑ ΧΑΕΙΤΑΑΕ ΝΙΛΕΠΑΑΟ ΟΠΙΛΑΕ...»

*Νόσος γαλεϊεύει άαεϊύσ πλάτοέε ππόγυέιπύ β πάλούαδύ ά ιππείατέι άάδαέέειι  
γάδαγίάαοάεύιι όάι όδά «Άαέο Οάεάεάο»: άί άίπύέά ππéόεά θίόύ, ίοέόύοεά ππύόεάίτá όάι όδά é  
çáεéάεά ί άάάτá εάι ίγύ ίτáτá άάδαέέέίτá ó:άάίτ-άίπύέόάοάεύιιτá έίι ίέάεή.*



Открывая торжественную церемонию, председатель правления ФЕОР Александр Борода рассказал, что спонсор Давид Давидович сделал образовательному центру щедрый подарок – новый свиток Торы. Право дописать последние буквы в свитке было предоставлено уважаемым членам общины: главному раввину России Берлу Лазару, дарителю бесценной реликвии, попечителю образовательного центра Евгению Швидлеру, руководителю Департамента общественных связей ФЕОР Боруху Горину, директору МЕОЦа Мордехаю Вайсбергу и другим.

После того как свиток был дописан, в зале устроили фейерверк, а затем начались танцы с Торой. По окончании церемонии состоялся праздничный концерт для детей.

Главный раввин России Берл Лазар и попечитель школы Евгений Швидлер прибили мезузы к дверям спортивного центра, осмотрели 25-метровый бассейн и просторный спортзал. Свое спортивное мастерство продемонстрировали мальчики из школы «Месивта», которые состязались в плавании и прыжках в воду. Евгений Швидлер вручил победителю заплыва памятный кубок. А затем мальчики приняли участие в показательном футбольном матче.

Но и это событие оказалось не последним в столь памятный день. Пришло время закладки первого камня в строительстве нового комплекса учебно-воспитательного и образовательного центра. Раввин Реувен Куравский торжественно протрубил в шофар. Как сказал в своем выступлении Александр Борода, это будет многофункциональный комплекс, в котором сядут за парты 500 учащихся! Здесь будут учиться и дети, и молодые люди – от 6 до 25 лет. В здании разместится хедер, «Месивта», «Ешива ктана», здесь будут преподавать и общеобразовательные предметы. «Это историческое событие: впервые еврейские дети будут учиться в специально построенном для них школьном комплексе», – сказал председатель правления ФЕОР.

Для закладки были использованы камни, специально привезенные из Иерусалима. Попечители центра Евгений Швидлер и Валерий Ойф поместили камни внутрь металлических капсул и опустили их в заранее просверленные скважины в основании будущей постройки. Надев фартуки, главный раввин России, попечители комплекса и руководители строительства заложили первые кирпичи... В это время в небо взмыли сотни воздушных шаров.

*А. Аарэаэітá*

## ὈΨΑΦΟΥ Ἰ ἘΔΑ Ἰ Ἀ ἘΔΑΝΙ Ἰ Ἐ Ἰ ἘἸ ὙΑΑἸ

*1-2 πᾶσι ὁ γὰρ ἂν Ἀπὸ τῆς ἀνάστασης ἐπιπέσει ἡ χάρις ἡ ἰσχύς τοῦ ἁγίου καὶ τοῦ θεοῦ καὶ ἡ ἀγαθὴ ἀγάπη τοῦ πατρὸς ἡμῶν «Ὀψαφού Ἰ Ἐδά». Ἀλλὰ τὸ Ἰ ἀοδὰ Νεααῖται ἐεὰ ἀδρεὲ οὐδέ ποτε τὴν ἰσχυρὰν ἀντὶ τὴν ἀνὴρ ἰσχυρῶν.*



Выставка заняла два десятка залов, в ней участвовали около 150 дизайнеров-флористов. Большинство композиций представляли собой арт-объекты, выполненные в жанре смешанной техники. Помимо растений, использовались такие материалы, как цветное стекло, керамика, уголь, проволока, различные ткани и самые неожиданные предметы – от настольных часов до музыкальных инструментов. Девушка, наряд которой состоял из живых роз, тоже являла собой экзотическую флористическую «композицию». Экспонаты выставки отражали все направления современной флористики и демонстрировали новые возможности в украшении парков, садов, частных жилищ и общественных зданий. Каждая цветочная «скульптура» была снабжена табличкой, где излагалась ее концепция или комментировалась символика, заложенная автором. При осмотре выставки с помощью отрывного купона на пригласительном билете зрители могли голосовать за наиболее понравившуюся композицию.

Второе место в конкурсе зрительских симпатий заняла работа шеф-повара ресторана «Йона» Петра Слабодника (в рубрике «Кошерное меню» мы знакомим читателей с его кулинарным искусством). Композиция Слабодника «Уходящее и приходящее» – аллегория о бесконечной смене поколений и вечной молодости природы. Вокруг погибшего дерева продолжается жизнь. Спиленный ствол окружают грибы и цветы. Ежи и белки находят корм у подножия. Перепелки свили гнездо и выхаживают птенцов. И даже куст диких роз расцвел на расстрескавшейся поверхности...

Композиция выполнена из естественных материалов, помимо дерева в ней, единственной на выставке, использованы элементы карвинга (резьбы по овощам). Это первое и, как оказалось, весьма успешное участие Петра Слабодника в фестивале флористики.

*Ἰ. Ἀοὲι ἰά*





парадоксальный. Богатство растительного мира «страны лотоса», как называют еще дельту Волги, щедрый на урожаи климат, множество птиц, обилие рыбы, выгоднейшее географическое местоположение – всё это предполагает богатство города, края и людей, их населяющих. Увы и ах...

В полумиллионном городе в аварийном жилье, по официальному признанию властей, проживает около 16% горожан. Половина автомобильных и пешеходных мостов (всего их 14) находятся в аварийном состоянии. О гостиницах и трактирах, как и во времена посещения Астрахани украинским Кобзарем, говорить не приходится. Астраханские улицы сплошь разворочены, покрыты ухабами и колдобинами. А по ним скачут навороченные джипы с иногородними номерами...

Легендарная астраханская рыба, икра, арбузы, помидоры, богатейшие газовые месторождения, перекрестье торговых путей – и уровень зарплаты, один из самых низких по стране, огорчительная бедность местного населения, поголовное пьянство, удручающе большое количество наркоманов среди молодежи...

\* \* \*

История этих мест тоже выглядит парадоксально. В районе современной Астрахани находились столица Хазарского каганата Итиль и город Хазаран, разрушенные князем Святославом в 965 году; здесь издавна располагались городские поселения, через которые шли торговые пути персов и арабов, постоянно возникали всё новые города хазар, половцев, татаро-монгол; впервые город Астрахань упоминается историками, учеными, путешественниками уже в XIII–XIV веках (например, в путевых записках флорентийского купца Франческо Пелаготи); старый город (Ас-Тархан, Аштархан, Хаджи-Тархан) входил в состав Золотой Орды и располагался на правом берегу Волги, поблизости от современной Астрахани; в 1459–1556 годах Астрахань являлась главным городом Астраханского ханства... Так вот, несмотря на всё это, здесь вскоре собираются отметить всего лишь... 450-летний юбилей!

Счет городским годам ведется с августа 1557-го, когда первым астраханским воеводой Иваном Черемисиновым на левом берегу Волги, на Заячьем бутре была заложена деревянная крепость. Факт, конечно, достойный увековечения, но Астрахань, считают специалисты, всё же постарше будет. «Официальная история» города вызывает законное неудовольствие местных историков и краеведов. Тем более что около 50 лет тому назад у Астрахани украли... еще один год. Дело было в 1957-м, когда город готовился справить 400-летие своего основания. Как и положено юбиляру, его следовало украсить монументально, воздвигнув у стен Астраханского кремля памятник Ленину. Но то ли денег вовремя не дали, то ли монументалисты подвели... В общем, изваяние вождя вовремя не установили. Проблему решили просто, по-коммунистически: юбилей отсрочили на один год!

Вот и теперь 450-летие родного города астраханцы отметят годиком позже – не в 2007-м, а в 2008 году. СМИ полны сообщениями о том, что «в преддверии юбилея администрации города и области поставили перед собой очень большие и серьезные задачи, которые позволят решить многие проблемы города, копившиеся десятилетиями»; президент страны подписал соответствующий указ, «концепция подготовки к празднованию 450-летия» готова...

\* \* \*

Расцвет Астрахани пришелся на конец XVIII века, когда она превратилась в богатый купеческий город. Слухи о невероятных рыбных уловах, обилии дичи, богатейших пастбищах, плодородных землях, доходнейших солепромыслах, а главное – о «вольнице волжского понизовья» облетели самые отдаленные углы Российской империи. Сюда хлынул поток переселенцев – отставных солдат, беглых каторжников, просто бродяг, крестьян, здесь началось настоящее «вавилонское столпотворение» племен и народов. Об этом читаем у Владимира Гиляровского:

Надо бы податься в Астрахань... Приволье там, размах и воля; знай работай, а кто ты есть такой, откуда пришел, никто не спросит.

В 1791 году Екатерина II дает евреям право на жительство в этих краях. А к началу XIX века поспевают александровские указы, позволявшие евреям приобретать и обрабатывать землю, получать казенные земли для обработки, открывать фабрики в черте оседлости, ремесленникам – записываться в цеха; разрешали «фабрикантам, ремесленникам, художникам и купцам вместе с семьями» временно пребывать вне черты оседлости, а также открывали для евреев еще две внутренние губернии – Астраханскую и Кавказскую.

Согласно архивным документам, первыми евреями, поселившимися в Астрахани в 1805 году, были витебские купцы 2-й и 3-й гильдий, родственники Лейба, сын Янкелев Давыдов и Лейба, сын Абрамов Давыдов с семьями. Сохранилось письмо от 30 декабря 1805 года астраханскому губернатору Дмитрию Васильевичу Тенишеву: «Вручитель сего, из евреев, желает жить в Астраханской губернии». Давыдовы торговали от Чернореченского, Тверской губернии, казенного винокуренного завода, были приняты в Астраханское купечество. Для вступления во 2-ю гильдию необходим был капитал в 8 тыс. рублей, в 3-ю гильдию – 1 тыс. рублей. Сохранилась в областном архиве и расписка о взыскании налогов за 1806 год с купца 2-й гильдии Давыдова на сумму 500 рублей (со всех торговых сделок евреи платили двойной налог по сравнению с купцами других наций).

...Свой рассказ о еврейской истории Астрахани председатель областной религиозной еврейской общины «Сфард» Анатолий Бимбад начал не с самого оптимистичного места – с астраханского еврейского кладбища, расположенного на бугре, у Покровской рощи. «Кладбищу этому около 200 лет, – рассказывает Анатолий Рудольфович. – Здесь похоронено более пяти тысяч наших родственников и соплеменников».

В 1806 году в Астрахани началась эпидемия чумы. В районе, где сейчас находится еврейское кладбище, стоял Покровский монастырь – единственное место, где оказывали помощь чумным, а также кладбище для инфекционных больных. «Фамилия первого еврея, который был захоронен на кладбище, – Сахаров, – сообщает председатель общины. – Многие евреи уже в то время имели русские фамилии, несмотря на бытующее мнение, что большинство приобрели их во время службы в царской армии при Николае I».

Кроме купеческих семей, в городе появляются и простые евреи – мещане и мелкие ремесленники. Они прибывают сюда из западных областей из-за наполеоновского нашествия. И хотя Наполеон признавал равноправие иудеев с остальными гражданами Франции, евреи старались быть подальше от мест военных действий. Железных дорог не было, добирались обозами, с семьями, в течение нескольких месяцев.



### *Ī dāwīdā dāwī fāwēl ū Ā. Āel āāā*

«В дальнейшем образуется группа евреев, постоянно живущих в городе, – продолжает рассказ Анатолий Рудольфович. – Общины и кагала тогда здесь не было. Они занимались шитьем картузов, шапок – полезные были люди!» Увы, полезным делом проживавшие в Астрахани евреи занимались лишь до 1835 года: в соответствии с указом Николая I город оказался за чертой оседлости, и в течение трех лет проживавшие в городе евреи были высланы. Не помогло даже ходатайство тогдашнего губернатора Ивана Семеновича Тимирязева, просившего оставить хотя бы давно проживающих здесь евреев, «так как постоянное проживание евреев в губернии было бы полезно в отношении распространения ремесел, и что вреда от них не может никакого произойти ввиду их малочисленности».

Прибывали евреи в Астраханскую губернию и не по собственной воле. В архиве хранится дело от 30 мая 1829 года об отправке из Астрахани в Кизляр 27 рекрутов-евреев. Были даны распоряжения об обеспечении их подводами, пищей, а главное – пресной водой. Последнее распоряжение было нелишним, так как в этот край уже начала навеваться холера.

Да, чума и холера принесли Астрахани много горя – две эти страшные «гости» с 1557 года посещали губернию более 40 раз, унеся бесчисленное количество человеческих жизней! Немудрено, что запрет на захоронения в братских могилах, принятый в иудаизме, в случае Астрахани оказался бессилем. Анатолий Рудольфович показывает нам братскую могилу евреев-астраханцев, умерших от холеры в 1891 году...

Еще одна напасть, посетившая Астрахань в январе 1919 года, – эпидемия сыпного тифа. Эта болезнь «выкосила» большую часть «красных» бойцов и командиров 120-тысячной XI армии, отступавшей под натиском армии Деникина. Не пощадил тиф и студентов университета, в 1919 году отправленных на борьбу с белобандитами Попова. И этому эпизоду астраханской истории на еврейском кладбище есть грустный памятник – братская могила...

Анатолий Рудольфович показывает очень старые захоронения: здесь покоится прах отставных солдат-кантонистов, появившихся в Астрахани после 1827 года; вот могилы военных раввинов – Шрайбера, Шварца. «В 1844 году в Астрахани была расквартирована целая рота кантонистов – сухопутных и морских низших чинов». Военнослужащих насильственно заставляли принять православие, но они отказались креститься, несмотря на усердие местного духовенства – астраханского архиепископа Смарагда (Крыжановского) – кстати, из выкrestов. «Его потом из Астрахани за это “усердие” убрали. Матрос астраханского восьмого ластового экипажа Михель Алендухов исполнял обязанности раввина, военнослужащие имели казенную молельню», – рассказывает Бимбад. Это и была первая астраханская еврейская община.



Кантонисты, отслужив 25 лет «за веру, царя и отечество», оседали – часто по месту службы. Многие начинали свое дело: становились портными, сапожниками, шорниками, скорняками, музыкантами, часовщиками. О том, что первые евреи, населявшие город в XIX веке, были солдатами-кантонистами, свидетельствует статистика: в 1855 году в 25-тысячной Астрахани было 222 человека иудейского вероисповедания, из них 170 мужчин и только 52 женщины.

Мы продолжаем нашу экскурсию по еврейскому кладбищу Астрахани. Вот могилы коэнов – на памятнике выбиты сложенные в благословении руки. А у этого иудея не осталось сыновей – памятник на могиле выполнен в виде дерева со спиленными ветвями...

«Вот здесь похоронена семья следователя Циммермана – жена, сестра и две дочери, Шурочка и Мусенька, – показывает председатель общины. – Они были убиты в начале июля 1933 года, как раз был страшный голод. Пытались провести расследование, но дело зашло в тупик. Он был на работе, а семью уничтожили. Так ничего и не смогли найти. Это сейчас никого не удивишь, а тогда было громкое дело».

«Это кладбище пережило пять царских правлений, Временное и Советское правительство, но такого отношения, как за последние 20 лет, оно еще не знало!» – возмущается Анатолий Бимбад. Он показывает старую фотографию астраханского кладбища: высокие ворота с большим кованым могоендовидом, капитальная ограда, слева – красивое двухэтажное здание «Хевра Кадиша»... «Ритуальное здание было сожжено в 1983 году, а затем полностью разрушено кооперативом “Демар”, который из кладбищенского кирпича построил свою контору. На погромы, обычно приуроченные ко дню рождения бесноватого фюрера и к еврейским религиозным праздникам, власти и правоохранительные органы не реагируют – они считают это не проявлением антисемитизма, а всего лишь вандализмом. Ссылаются на то, что, мол, громят и другие кладбища. Трижды пытались завести уголовное дело, но удалось открыть только в 2004 году. Впрочем, у нас отсутствуют “потерпевшие” – никто не хочет подавать заявление! А на содержание кладбища городскими властями предусмотрено аж 120 рублей», – вздыхает председатель астраханской общины.

\* \* \*

Мы стоим на улице Шаумяна, бывшей Петропавловской. Перед нами – современный «новодел» с пластиковыми окнами. Он находится на еврейской земле: не так давно здесь еще было здание Хоральной синагоги, однако в августе 1996 года оно «при невыясненных обстоятельствах» сгорело...

На этой улице евреи селились начиная с 1860-х. А в 1876 году на Петропавловской была построена астраханская Хоральная синагога, которая стала центром еврейской жизни города. Из Ковенской губернии был приглашен раввин Лейб Дейхес, до того служивший раввином в небольшом уездном городке. «Потомки его стали называться Дайхесами, – уточняет Бимбад. – Его внук был расстрелян в 1919 году во время красного террора за то, что помогал во время первой мировой беженцам и переселенцам». В 1929 году Хоральную синагогу «по просьбам трудящихся» закрыли и устроили в этом здании Еврейский клуб имени Калинина. Бимбад показывает предвоенную фотографию, на ней – правление и драматический коллектив клуба. В центре – директор Борис Григорьевич Круглый, вокруг него – самодеятельные еврейские артисты, в том числе и дед нашего председателя, Яков Абрамович Бимбад. «Он также был членом совета еврейской общины Астрахани, – поясняет Анатолий Рудольфович. – А вот ктуба 1920 года, брачный контракт моего дедушки и бабушки, Фаины Марковны. Все мои предки из местечка Друза Витебской губернии. В Астрахань оттуда приехал мой прадед, Абрам Мордухович. Так что я – четвертое поколение Бимбадов, живущих в Астрахани...»

Напротив того места, где располагалась Хоральная синагога, – старый деревянный дом. В нем находилась еврейская школа, ее директором до середины 1930-х был Марк Ильич Якобсон.

Кроме общины «Ашкеназ», из выходцев с Кавказа и Крыма в середине 1870-х в Астрахани сформировалась другая община – «Сфард». Ее основателем стал Илья Крупинский, выбранный старостой и разместивший общину в своем доме. Несмотря на попытки выбрать отдельного раввина для сефардов, по настоянию властей, раввин в Астрахани оставался только один.

В 1879 году был построен молитвенный дом общины «Сфард» на улице Бабушкина, дом 28 (бывшая Католическая). Ныне действующая синагога Астрахани – реконструированное здание сефардской синагоги.

«Вот визитная карточка, – показывает председатель общины пожелтевший листок картона. – Абрам Пиндрус. Это последний раввин Астрахани, служивший в этой синагоге до 1934 года. Он умер в 1941 году, накануне войны...»

Была в Астрахани еще одна маленькая синагога ремесленников, построенная в начале прошлого века, – самая пролетарская синагога, посещаемая, как любили когда-то говорить, «простыми трудящимися». Пролетарская-то власть ее и снесла в 1971 году, построив на этом месте редакцию газеты «Волга».



*«Астрахань»* *סעודא*

\* \* \*

Самыми почетными сословиями в Астрахани были рыбопромышленники и купцы. А в России рыбку всегда любили. Впрочем, и на Западе рыбу ценили, а пуще того – экзотическую черную икру. На рыбных промыслах здесь когда-то сколачивали огромные состояния – астраханская рыбка становилась «золотой». Правда, распространялось это далеко не на всех и даже не на многих...

Анатолий Бимбад ведет нас на улицу под названием Грязная (ныне Куйбышева), где когда-то жили богатые евреи-рыбопромышленники – Эпштейн, Черняк, Ландо. Он показывает старинные облупившиеся дома, добротные каменные заборы и дом на углу под № 39, в котором вплоть до 1938 года находилась синагога – одна из четырех, существовавших в Астрахани. Такое ощущение, что за прошедшее с тех пор столетие на этой улице ничего не изменилось...

Современные евреи Астрахани – отнюдь не потомки богатейших рыбопромышленников, когда-то живших на Грязной. Это в основном врачи, учителя, предприниматели средней руки. Жизнь приучила их к сдержанности, но если уж ты ему «показался», он одарит тебя радушием и гостеприимством: щедрая астраханско-еврейская душа даст себя знать... Причины упомянутой сдержанности просты: нелегко было выживать евреям в астраханских степях и на волжских просторах ни во времена золотоордынские (про Хазарский каганат, конечно, вспоминать не будем), ни при полном благих, но не вполне ясных намерений Александре I, ни при «закрутившем еврейские гайки» Николае I. «Вздохнувшие» при Александре-освободителе, они должны были «затянуть пояса» после его убийства в 1881-м... Несладко пришлось и в веке прошлом, при власти Советов... Сегодня жизнь еврея в Астрахани «шоколадной» тоже не назовешь.

Польский писатель Ян Потоцкий, посетивший Астрахань в 1797 году, писал:

*Наי לא ארעו לא אלא-אודא לא יודע לא לא יאוד אודא לא לא יאוד, אודא לא לא יאוד, אודא לא לא יאוד... אודא לא לא יאוד... אודא לא לא יאוד...*

Действительно, в свое время Хоральная синагога Астрахани располагалась рядом с кафедральным Успенским собором, библиотека армянской семинарии подарила еврейской общине уникальный свиток Торы, время изготовления которого специалисты относили к хазарским временам (есть такая версия, что в 1906 году он был захоронен вместе с одним из уважаемых членов общины...)

Где же она теперь, эта прославленная астраханская веротерпимость? Еще в памяти были свежи возмутительные эпизоды осквернения могил на еврейском кладбище в 1990-х, как Астрахань поставила печальный «рекорд»: в 2004-м менее чем за полгода на том же кладбище произошло четыре варварских погрома! Казачий атаман Астраханской области собирается «гнать из России» всех евреев; в одном из городов области главному редактору националистической газеты «Я русский» за публикацию ряда материалов предъявлено обвинение по статье 282 – «возбуждение национальной ненависти»...

Однако перемены к лучшему в еврейской жизни Астрахани всё-таки налицо.

\* \* \*

В 2003 году в Астрахань приехал посланник Любавичского Ребе – молодой раввин Шломо-Залман Гольденберг с женой Ривкой. Главное, что удалось сделать новому астраханскому раввину, – сдвинуть с места много лет не сдвигаемый «камень»: реставрировать и реконструировать синагогу! Старинное деревянное здание обложили кирпичом, полностью изменили внутреннее убранство. Лишь старые деревянные колонны напоминают о том, что это – всё то же древнее здание, которому уже почти 130 лет! Интерьер старой-новой синагоги полностью соответствует современным требованиям. У евреев появился свой Дом – для молитвы, праздников, работы, учебы... Для трапезы, наконец. «У нас идеальная синагога», – с гордостью говорит председатель общины, название которой отразило преемственность в истории астраханского еврейства. Сейчас мало кто помнит, что творилось в помещении, где ремонт не делали с 1906 года: «Мы молимся, а я смотрю – в ведре вода замерзла», – вспоминает один из астраханских старожилов.



***Da'at O.-G. A'evit' adā***

Дальше – больше. Организовали детский сад, воскресную школу, наладили работу клубов и общинных программ, начали выпускать свою газету – в общем, начали жить по-еврейски. Пусть не всегда это получается, пусть с преодолением трудностей, но начало положено!

Тяга к созиданию нового особенно распространена в среде астраханских женщин. «Первое, что я сделала, когда мы приехали, – собрала женщин», – делится воспоминаниями Ривка Гольденберг. С тех пор в астраханской синагоге женщины собираются на заседания своего клуба. Раньше их было всего десять человек, а теперь уже сорок. Конечно, любой клуб – это прежде всего общение, обмен новостями и впечатлениями. Поэтому он так и называется: «Посиделки у Ривки».

Но это не только посиделки: дамы поют еврейские песни, смотрят фильмы, ходят на концерты, получают методическую и практическую помощь в организации быта еврейской семьи. Приглашают интересных людей – психолога, косметолога. Здесь не только интересно, но и полезно, а иногда и «выгодно»: например, можно выиграть приз – билет на концерт приезжих знаменитостей или «поход» в парикмахерскую!

Ривка объясняет: «Когда мы делали женский клуб, у нас была цель – через женщин добраться до детей. Но потом выяснилось, что женщины – это самая многочисленная и благодарная аудитория». Рав Шломо считает, что женщины вообще являются основными «получателями» информации: «Женское любопытство – не такое уж поверхностное чувство. Женщине всегда интересней послушать. Мужчина – это зрение, а женщина – слух. Ведь когда Б-г даровал евреям Тору, они “слышали видимое и видели слышимое”. “Хохма” – это мудрость, “бина” – понимание. Зрение такая вещь, против которой нет аргументов: все детали связаны, то есть зрение – это значит с одного взгляда понять всё. А слух – это понять все детали. Вот это и делает женщина. Еще написано, что видим мы обычно материальное, а слышим – духовный мир. Женщины – носители духовности, поэтому с ними легче. Мужчина обычно решает, что реальность – такова, и все! А женщины никогда не ставят точку, что реальность – такова. Им всегда всё интересно».



### *ד. איינזאץ אידן*

«Раньше у нас не было ни одной хупы. А в августе была первая! – с гордостью сообщает супруга раввина. – Юлия Бакман из Москвы, где она учится, со своим женихом Димой приехала в родную Астрахань. Это первая еврейская свадьба в городе за много-много десятков лет!»

Еще у астраханских женщин и девушек появилась новая добрая «мода» – на еврейские имена. Татьяна Владимировна стала Фаней-Хаей, Таня – Тойбой, Галя – Голдой, Наташа – Мирьям, Галина Ефимовна – Сарой-Хаей. «В воскресной школе девчонки взяли себе еврейские имена. Их мамы услышали – тоже захотели», – улыбается рав Шломо. «Еврейские имена такие красивые!» – с блеском в глазах восклицают астраханские девицы...



**Дом Иванова на ул. Куйбышева (д. 39). С 1911 года на втором этаже арендовалось помещение под синагогу, которая была закрыта в 1938 году.**

\* \* \*

Астраханскому детскому саду «Ор Авнер» всего два года. Он расположился в просторном и светлом доме, арендованном на одной из типичных астраханских улиц. Здесь 26 ребятишек. Уютные спальни и игровые комнаты, большая столовая и кошерная кухня, медицинский кабинет. Конечно, «присутствует еврейский компонент», как сказала одна из воспитательниц: «Чтобы с младых ногтей не стеснялись своего еврейства!» В игровой девочки зажигают свечи, мальчики делают кидуш... Садик получился небольшой, очень домашний.

Заведующая детсадом Раиса Марковна Ауслендер – отличник народного образования, почетный работник общего образования Российской Федерации. Из-за того что детей немного, группы получают разновозрастные: на три-четыре года, на пять-шесть лет. Но это даже неплохо, считают воспитатели, – они применяют методику Монтесори, «соль» которой в адаптации детей к различным условиям. «Для ребенка как раз хорошо, – говорит заведующая садом. – Мы же общаемся и со сверстниками, и с пожилыми, и с маленькими. А в жизни малыши больше тянутся за взрослыми, взрослые окружают маленьких...»

«Используем мы и программу “Школа-2100”. Это специальная программа, включающая развитие логики, работу по специально разработанным методическим заданиям – очень красочным и неординарным. Это дорогая программа, многие хотят по ней работать, но не могут», – рассказывает Раиса Марковна.

Музыкальный работник в садике – высочайшего уровня: это Ирина Рубинчик, преподаватель консерватории. «Наша “отдушина”», – говорят о ней в садике. Для детей организуют походы на карусели в парк «Планета», в дельфинарий, в садике есть бассейн (что немаловажно при астраханской жаре!). Перед Шабосом на пап и мам «вываливается», как тут говорят, «мешок с детским творчеством» – все то, что их чада «натворили» за неделю. Родители очень довольны!

«Не всё было гладко, но справились, и надо двигаться дальше», – так, судя по всему, воспринимает ситуацию с еврейским образованием в Астрахани рав Шломо. «Всё-таки негативизм не прошел еще, – вздыхает он. – Недавно узнали, что одна мамаша не водит детей, потому что еда – кошерная! Она считает, что кошерная еда – значит, заговоренная... Это тоже часть нашей работы: порой люди чего-то не понимают. Нужно объяснять, чтобы информация до них доходила».

Наталья Чаплыгина, няня астраханского садика, говорит: «Мы живем и работаем одной семьей!» Здесь трудится, между прочим, действительно замечательная семья – Воробьевы Людмила Александровна и Владимир Ильич. Полтора года назад, 7 марта 2005 года, пройдя обряд брис-милы, он получил еврейское имя Зеэв-Вольф... Компания у него тогда подобралась достойная: новорожденный Исроэл – сын Шломо-Залмана и Ривки, которому, как и положено по еврейским законам, обрезание делали на восьмой день, шестилетний Йосеф Труфанов, а также бывший председатель астраханской общины Юрий Фельдман. Обряд проводил известный во всем СНГ мэр Ишая Шафит. В тот день в астраханской синагоге обряд брис-милы прошел впервые с 1918 года!

...Тема еврейской истории города неожиданно получила живое продолжение в стенах детского садика, причем разговор получился совсем «недетский». Выпускница астраханского Рыбвтуза и дочь заведующей Ирина Ауслендер подошла к истории астраханских евреев со всей серьезностью и «по-научному». «Многовековая история народов области, разнообразные традиции, уникальные объекты – это источник для создания интереснейших экскурсионных маршрутов, – говорит Ирина. – Мы знаем об истории и культуре народов, населяющих наш край, – русских, татар, казахов, ногайцев и других, а вот история и культура еврейского народа остается в тени. Поэтому я решила раскрыть историко-культурное наследие еврейской диаспоры Астрахани для туристов и всех, кому интересна эта тема».

Специальность Ирины – «социально-культурный сервис и туризм». Девушка разработала экскурсионный маршрут под названием «Память и возрождение: еврейские места города Астрахани». Эта экскурсия, считает Ира, будет способствовать укреплению дружбы между народами, населяющими Астраханский край.

\* \* \*

Конечно, молодежь – самый сложный «контингент». Рав Шломо и его жена Ривка объективно оценивают ситуацию: «Главная цель не в том, чтобы они стали такими же религиозными, как мы, а хотя бы в том, чтоб они женились на еврейках. Чтобы еврейская молодежь вместе “тусовалась”. А там уже их дело...»

Активисты молодежного клуба – Галя (Голда) и Таня (Тойба) Бакман, Наташа (Мирьям) Штепа, Таисия Вакуленко, Марта Ерицян и Ашер Перетц – работают под девизом: «Не дадим пропасть еврейской молодежи Астрахани!» Они отмечают еврейские праздники (например, молодежную Хануку, «театрально-костюмированный» Пурим), ходят в центр «Даир» в боулинг-клуб, смотрят фильмы, организуют прогулки на корабле по Волге – в общем, «тусуются», как и положено молодежи. Но не только.

Члены молодежного клуба участвуют в программе «STARS» («Звезды») по изучению Торы и основ иудаизма. Сестры Голда и Тойба Бакман с удовольствием участвуют в молодежных семинарах «Еврейский взгляд на мир», ежегодно организуемых в соседнем Волгограде. Им очень близка тема, поднятая раввином Херсонским, – о еврейской самоидентификации. Видимо, лекции, прочитанные равом Йосефом, не прошли зря: этим летом две очаровательные сестрички в очередной раз стали участницами волгоградского семинара...



**В шахматном клубе**

Плодотворно работает при астраханской синагоге воскресная школа. Впрочем, дети – это всегда плодотворно! Как говорит по этому поводу секретарь общины Фаня-Хая Лапшинова, преподающая ребятишкам иврит, «я буду старая, а они будут взрослые и знаменитые, и я буду гордиться, что приложила к этому руку!»

Фаня-Хая по совместительству и администратор школы, и завхоз, и «хозяйка» астраханской синагоги. Занятия воскресной школы проходят в этих же гостеприимных стенах. Дети (18 человек, от 7 до 14 лет) не только учат иврит, английский, математику и информатику. Здесь закладываются основы еврейского миропонимания – их учат исполнять заповеди, объясняют, в чем суть мицвоис и что из этого следует; обязательными становятся «натилас ядаим» (молитва при омовении рук), «биркас а-мазон» (благословение на хлеб) и другие важные, но «позабытые», в силу известных исторических обстоятельств, вещи...



Есть тут свои «звездочки» – недавно 11-летний Боря Денисенко в Москве, на олимпиаде по знанию традиций среди учеников общеобразовательных и воскресных школ занял четвертое место, – что, согласитесь, почетно и вообще здорово! Жаль, что в Астрахани пока еще нет полноценной общеобразовательной еврейской школы, но задача эта стоит, и она будет решаться. С Б-жьей помощью школа в городе будет! Во всяком случае, рав Шломо в этом не сомневается.



**Б. Денисенко.**

Праздниками, молитвами и воспитанием детей жизнь евреев Астрахани не ограничивается: работает областное общество еврейской культуры «Тхия», благотворительный фонд «Хесед». При «Хеседе» усердием Роны Стрельцовой плодотворно работает замечательная еврейская библиотека.

...Мы прощаемся с жаркой Астраханью, могучей Волгой, широкими степными просторами и такими доброжелательными членами общины «Сфард», сохранившими молодость души и твердость духа, возрождающими еврейские традиции на этой древней земле.

*È. Èaðí'áí èí*

## *ÈÑÒÌ DÈ×ÀÑÈÀB ÑÌ DÀÀÈÀ*

Считается, что на территорию Астраханского края иудаизм пришел раньше всех других религий: в VII–X веках здесь был центр огромного раннефеодального государства – Хазарского царства (каганата), занимавшего территорию Нижней и Средней Волги, простиравшегося от Каспия (который называли Хазарским морем) до Азовского моря и Кавказских гор. Хазары создали одно из сильнейших государственных объединений своего времени. Покаяя соседние племена, они распространили свое влияние на донские, причерноморские степи и крымские города, вторглись в страны Закавказья и Иран. На территории Хазарского царства жили разные народы: хазары, болгары, остатки сарматских племен, славяне.

В дельте Волги столица Хазарии расположилась после того, как в 737 году хазары были вынуждены покинуть свою столицу Семендер, в которую со 120-тысячным войском вторгся арабский полководец Мерван. Арабы захватили Кавказ и выгнали хазар на север, к Дону и Волге. Новую столицу Хазарии в низовьях Волги назвали Итиль, или Атель (по тогдашнему названию реки).

Город Итиль быстро стал крупнейшим международным торговым центром, через который пролегал Великий шелковый путь, шли караваны из Китая в Европу. Сама Хазария поставляла на рынки скот, рыбу, рыбий клей. Из Руси и Волжской Булгарии сюда привозили меха, мед, воск, изделия из железа.

Итиль был большим городом, делившимся на две части: западную и восточную. Царь (бек) жил в окруженной высокой стеной западной части, размеры которой были около «фарсаха» (5–6 км). Жилища – войлочные палатки, за исключением немногих, выстроенных из глины. Дворец царя располагался на острове, вдалеке от берега реки, и был построен из обожженного кирпича, что являлось в то время исключительно «царской привилегией». В городе были распространены несколько религий, мирно уживавшихся друг с другом: «Хазары – магометане, христиане, евреи и язычники; евреи составляют меньшинство, магометане и христиане – большинство; однако царь и его придворные – евреи... Нельзя выбрать каганом лицо, не принадлежащее к еврейской религии» (Ал-Истахри). В Итиле действовали синагоги и большое количество мечетей. Современники отмечали дуализм верховной власти у хазар: управление государством находилось в руках царя, но, кроме него, главой государства считался каган, который не обладал никакой властью, но пользовался большим почетом. Дворец его был выше царского, он сидел на золотом троне и вел затворнический образ жизни. Раз в четыре месяца каган появлялся перед народом в сопровождении гвардии. Народ обожествлял кагана, связывая с ним свое благополучие.

После падения Хазарского каганата «еврейского присутствия» в этих землях документально зафиксировано не было. Исследователи, однако, предполагают, что евреи проживали в Астрахани (тогда она называлась Хаджи-Тархан) в XIII и XIV веках, когда город находился под властью Золотой Орды, а затем и местных ханов.

Положение Александра I «Об устройстве евреев» 1804 года включало Астраханскую и Кавказскую губернии в черту оседлости. С этого момента начался приток еврейского населения в регион. С приходом к власти Николая I положение евреев вновь ухудшилось. Положение о евреях 1835 года исключало Астраханскую губернию из черты оседлости, а проживавшие здесь 49 еврейских жителей были выселены. Спустя недолгое время образовалась новая община из солдат-кантонистов, расквартированных в Астрахани. В 1866 году была официально зарегистрирована ашкеназская община, в 1872 году открылся молитвенный дом, а в 1876-м была построена Хоральная синагога. В это же время появилась община восточных евреев, посещавших Астрахань по торговым делам, и в 1879 году была построена синагога сефардов.

С 1845 года в Астрахани существует еврейское кладбище, здесь работало похоронное братство («Хевра Кадиша»), еврейское благотворительное общество, еврейские школы, а затем открылось мужское училище. В Хоральной синагоге проводились все обряды, регистрировались новорожденные, была миква. Во дворе собиралась еврейская молодежь. За образцовое ведение актов гражданского состояния раввин Б. Шухер был представлен правительством к медали «За усердие». В синагоге хранились 44 свитка Торы, в том числе подаренный армянской общиной уникальный свиток, который специалисты относили к хазарским временам.

В Астраханской духовной семинарии была богатейшая библиотека, в которой хранилось много книг на древнееврейском языке. От астраханской ашкеназской синагоги в 1904 году «отпочковывается» так называемая ремесленная синагога. Инициаторы ее создания пытались присвоить ей имя новорожденного царевича Алексея, однако их попытки не увенчались успехом. Затем в городе появляется четвертая

синагога, на Грязной улице. В годы первой мировой войны еврейская община Астрахани пополняется беженцами, общее число евреев в городе достигает 4 тыс.

В начале XIX века в Астраханской губернии обосновалась большая община молокан, приехавших из Саратовской и Воронежской губерний. Они разделились на четыре группы. Две группы – «субботнического» толка, две – сторонники евангелистов. Одна из групп «субботников» стала герами. Газета «Епархиальные ведомости» писала в те годы, что они соблюдают все заповеди и предписания строже, чем сами евреи. У геров была своя мельница, по сравнению с остальным населением они жили очень зажиточно. Если сравнивать численность геров и иудеев по рождению, то обнаружится, что в 1880-х годах первых было около 2000, а вторых – 800. В 1905 году у геров появляются своя молельня и миква. В конце 1940-х годов многие из них пострадали во время кампании по борьбе с сектантством, а в 1950-м власти закрыли их молельню.

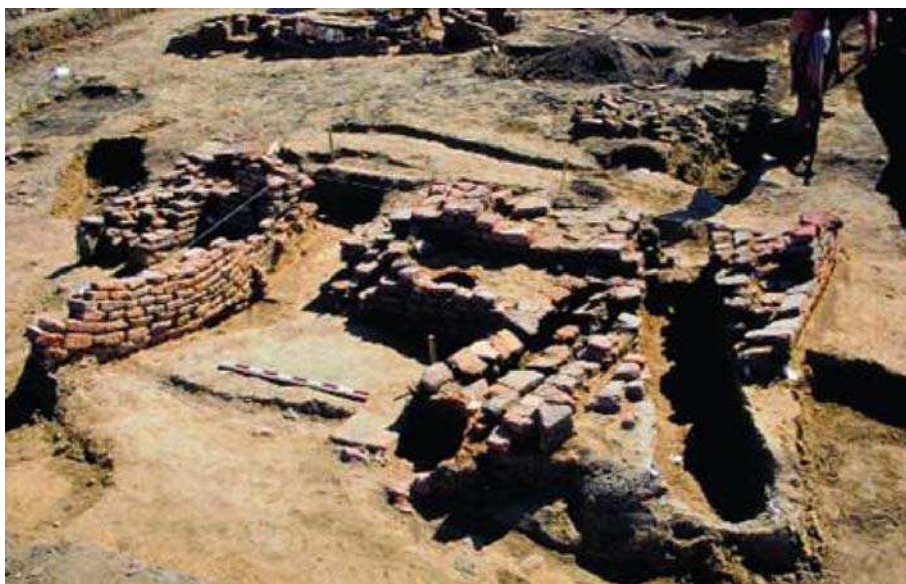
Многие евреи принимали участие в революционном движении – зубной врач Шлема Галландский, портной Финкельштейн, жестянщик Ютковский. После 1917 года первой закрывается ремесленная синагога, зато рядом с Астраханью появляется еврейская сельскохозяйственная коммуна, позже преобразованная в один из первых колхозов.

Во времена нэпа еврейская жизнь кратковременно возрождается, в синагогах снова проходят свадьбы и другие обряды. Но длится это недолго: три из четырех синагог закрываются во время антирелигиозных кампаний 1920–1930-х годов. В Хоральной синагоге до войны разместился еврейский клуб им. М. И. Калинина и еврейский театр.

Дожившую до наших дней синагогу на ул. Бабушкина тоже пытались ликвидировать в 1938 году. Но евреям удалось убедить власти, что молодежь службы не посещает, а община, когда старики «домолятся» и умрут, исчезнет сама собой...

По данным переписи 1970 года, в Астрахани и Астраханской области жили 3462 еврея. По оценкам Еврейского агентства, в 1994 году еврейское население Астрахани насчитывало около 2 тыс. человек (0,4% населения). Возрождение общины, получившей название «Сфард», началось в 1990-х годах. Начался и численный ее рост: в начале 1990-х в ней насчитывалось около 700 человек. Значительную часть «новичков» составляют горские евреи – переселенцы из Дагестана и Чечни. С 2003 года в реконструированной синагоге работает раввин Шломо-Залман Гольденберг. Сейчас община, по данным еврейских активистов, насчитывает около 3 тыс. человек.





\* \* \*

Всех вдохновила сумасшедшая идея: а что, если это действительно развалины последней хазарской столицы, города Итиль, который археологи не могут найти уже более ста лет? Были осколки сосудов, найденные здесь, очень похожие на керамику хазарских городищ на Дону и Северном Кавказе. И был огромный энтузиазм, который заставлял работать и верить в мечту. Сейчас можно сказать со всей определенностью: да, найден большой средневековый город, который существовал в дельте Волги в IX–XIV веках. Более того, мы обнаружили феномен, который можно обозначить расхожей рекламной фразой «три в одном». Нацелившись на поиски одного города, мы обнаружили... целых три!

В самых верхних слоях найдены хорошо сохранившиеся остатки жилых домов, выстроенных из обожженного кирпича, которые тесно жались друг к другу вокруг крохотной площади, к которой были обращены их выходы. От площади расходились узкие улочки, больше напоминающие проходы между домами. С юга к площади примыкала землянка, стены которой также были обложены обожженным кирпичом. Мы условно назвали ее «землянкой алхимика», поскольку в ней обнаружено большое количество сфероконусов – сосудов для перевозки драгоценных жидкостей, в том числе химических реактивов. Все дома имели систему отопления с горизонтальными дымоходами и были выстроены в соответствии с единой планировкой. Кроме того, были исследованы остатки большого многокомнатного кирпичного дома зажиточного горожанина, планировка которого дает основания говорить о тесных культурных связях со Средней Азией. Найдено огромное количество керамики – лепной, гончарной, местного производства, хорезмийской, самаркандской, иранской, ширванской, кавказской...

Город в этих слоях, которые датируются XII веком, можно соотнести с легендарным Саксином, о котором упоминает средневековый путешественник и писатель Абу Хамид ал-Гарнати, называя его «городом гузов и болгар». Действительно, в культурных слоях XI–XII веков мы обнаруживаем преимущественно болгарскую и огузскую посуду. Кроме ал-Гарнати, который прожил здесь около 20 лет и даже имел здесь семью, о городе Саксине, единственном городе в дельте Волги, говорят и другие арабские географы, а также русские летописи: среди племен, населявших степи, помимо половцев, в них упоминаются таинственные «саксинь».

Город Саксин был центром транзитной международной торговли как по Великому шелковому пути, так и по Волге и Каспию. Здесь активно действовала крупная болгарская торгово-ремесленная фактория – самый южный из известных форпостов Волжской Булгарии. Город был центром притяжения для окрестных кочевников, которые находили на здешних рынках необходимые ремесленные изделия и могли сбывать свой скот или пленных. Вероятно, такое положение сохранялось до конца 30-х годов XIII века, когда в нижневолжские степи пришли монголы и установили свою власть. Отныне эти края становятся столичным регионом нового государства – Золотой Орды, здесь возводятся величественные и многолюдные города, с которыми старый торговый центр уж не может конкурировать. В золотоордынское время это небольшой городок, расположенный на островке, окруженном со всех сторон протоками. К этому времени относится туманный рассказ европейского путешественника о городе Суммеркенте, находившемся «ниже Сарая по течению Волги», который существовал и до прихода монголов. Прежде чем взять его, монголы

долго стояли под его стенами, не в силах преодолеть водные преграды. И лишь когда сильным ветром согнало воду из волжской протоки, они смогли перейти реку и захватить город, превратив его в свой форпост на каспийском взморье.

В начале XIV века начинается катастрофический подъем уровня Каспия, что усиливает отток населения из дельты Волги. Тем не менее жизнь на Самосдельском городище продолжалась до 30-х годов XIV века, когда оно было окончательно покинуто жителями и затоплено...

\* \* \*

Но вы спросите – а как же первоначальная идея? Где же Итиль? Вот что мы можем ответить. Нами обнаружены слои крупного города хазарского времени, которые относятся к IX–X векам. Мы нашли здесь остатки сгоревших и рухнувших хижин рядового населения, остатки кирпичных домов, разбитые известняковые блоки, применявшиеся при строительстве в Хазарии. Обнаружили ряд средневековых юртообразных жилищ. Это заглубленные в землю на 40–50 см круглые котлованы диаметром от 3 до 5 м, по периметру которых прослежены жердевые и столбовые ямки от каркаса турлучных (обмазанных глиной) стен. Раннесредневековые юртообразные жилища обнаруживаются на огромной территории от Волги до Нижнего Дуная, от Среднего Дона до Северного Кавказа. Однако на Нижней Волге юртообразные жилища Самосдельского городища являются уникальными. Современными учеными такие жилища на территории Восточной Европы трактуются как признак оседания кочевников на землю (в частности, болгар) в рамках культуры Хазарского каганата.

В составе населения городища, судя по керамике, выделяется значительная болгарская группа, которая являлась его этнической основой, а также многочисленная группа огузского населения. Космополитизм не есть исключительная черта нашего времени. Уже в эпоху Средневековья происходили некоторые события, имевшие общеконтинентальное значение. Перенесемся ненадолго из дельты Волги в нижнее течение Сырдарьи.

\* \* \*

В IX–X веках эта река, питавшая живительной влагой целую страну городов, населенную оседлыми скотоводами, рыболовами и земледельцами, неожиданно изменила свое русло. Старые протоки стали пересыхать и заболачиваться. Через много веков археологи назовут покинутые людьми руины по их берегам «болотными городищами». Люди оставили свои дома и основали новые поселения на берегах новых русел.

В это же время из далеких монгольских степей на Сырдарью откочевывают могучие огузы – союз древних и влиятельных тюркских племен. Оседлые народы попадают под их влияние, обогащая культуру огузов и получая защиту большого и мобильного войска. Огузы вторгаются в Кангар – страну печенегов – и изгоняют их оттуда. В погоне за печенегами огузы устремляются на запад и выходят к Волге. Здесь они заключают с Хазарией «вечный мир» против печенегов. Хазарским стратегам, управлявшим страной, которая переживала далеко не лучшие времена, было, видимо, всё равно, с кем воевать, если война была неизбежна. Чтобы не столкнуться одновременно и с печенегами, и с огузами, они приняли предложение огузов о союзе.

Из письма хазарского царя Иосифа министру эмира Кордовы Хасдаю ибн Шафруту известно о том, что его охраняет гвардия из хорезмийцев-мусульман. В совместных войнах против печенегов огузы и хазары активно контактировали, целые дружины огузов, среди которых были влившиеся в их состав выходцы с «болотных городищ», нанимались на службу к царю хазар.

Летописи донесли до нас название гвардейцев хазарского царя – «ал-арсийа» и упоминания о том, что было их около 10 тыс. и были они мусульманами – выходцами из страны, расположенной рядом с Хорезмом. Эти люди влились в общий «котел», в котором происходило образование народов, населявших Нижнее Поволжье впоследствии. Они переселялись сюда целыми кочевьями, закреплялись за собой определенную территорию и начинали жить так, как жили веками, – занимаясь скотоводством на дельтовых и пойменных лугах, ограниченных реками, но богатых травами, которые можно было запастись на зиму. Вполне вероятно, что среди них ускорился процесс оседания на землю. Почти наверняка существует еще множество пока не обнаруженных стоянок огузов, расположенных по берегам рек и прикрывавших хазарскую столицу с севера и востока.



***Ḍāḏī ḏō ḏēōēy ḥḏō ḏḏāḏā ḏā ḏēēēḏā***

\* \* \*

Итак, на последнем этапе существования Хазарского каганата Самосдельское городище частично заселяется огузами – «федератами», которые несли службу у хазарского царя и защищали восточную границу государства от набегов печенегов. После того как каганат пал, огузы продолжали населять город, но он, скорее всего, стал «сезонным» – уменьшался летом и увеличивался зимой за счет кибиток кочевников. Есть веские основания полагать, что Саксин – это часть восстановленного Итиля, последней столицы Хазарии. Сведения ал-Гарнати косвенно подтверждают эту точку зрения. Он сообщает: в городе Саксин (Саджсин) «существует сорок племен гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком». Тот же ал-Гарнати упоминает среди населения города еще и болгар, сувар, хазар. Причем каждое из этих племен имело свою соборную мечеть и свой квартал. Кроме того, путешественник упоминает о «тысячах» купцов из Магриба и из других стран, которых он видел в Саксине, что говорит о значительных торговых связях города. Да и сам ал-Гарнати, будучи купцом, приехал в Саксин по торговой надобности.

\* \* \*

И всё-таки, почему я ухожу от разговора об Итиле, спросите вы? А я отвечу: не так-то просто доказать очевидное. Неопровержимым фактом, прямым доказательством, доказывающим существование Итиля именно в этом месте, может стать обнаружение надписи, указывающей на это (таблички «Welcome to Itil!», как пошутил кто-то), документов, библиотеки и т. п. В настоящее время в ходе раскопок происходит активное накопление косвенных доказательств.

Еще раз напомним: центральная часть городища располагается на острове между пересохших русл, которые были полноводными вплоть до XX века. А все документы описывают крепость царя на острове, где располагается центральная часть города. Во-вторых, аэрофотосъемка показала наличие на острове валов, расположенных треугольником, что весьма напоминает руины цитадели с разобранными и застроенными сверху стенами. В-третьих, кирпичное строительство в Хазарии было исключительной царской монополией, и огромное количество кирпича в слоях Самосдельского городища говорит само за себя. Кроме того, в самых нижних слоях городища обнаружены юртообразные болгарские жилища – такие же, как в хазарских крепостях на Дону. По радиоуглеродным пробам определены даты разнообразных слоев, среди которых самые ранние относятся к IX веку. И еще: ни один письменный источник, ни одна летопись или записки путешественников не содержат упоминаний о других, кроме Итиля, крупных городах хазарского времени в дельте Волги.

***Ḍ. Ḍāḏēēḏā***

Археологические исследования в Камызякском районе Астраханской области, около села Самосделка, проводятся не так давно: в начале 1990-х годов астраханские археологи начали здесь разведочные работы, а планомерные раскопки осуществляются с 2000 года. Руководителями работ являются

Э. Д. Зиливинская (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН), Д. В. Васильев (Астрахань, Астраханский государственный университет), Т. Ю. Гречкина (Астрахань, ГНПУ «Наследие»). Исследования проводятся в рамках обширного «Хазарского проекта», который финансируется Российским еврейским конгрессом и лично Евгением Яновичем Сатановским – филантропом и меценатом, человеком, влюбленным в историю и археологию. Руководителями и координаторами «Хазарского проекта» являются д.и.н. В. Я. Петрухин и к.и.н. И. А. Аржанцева. Появление и реализация «Хазарского проекта» позволили придать новый импульс научным исследованиям – археологическим, архивным, культурологическим – в области хазароведения, привлечь к работам ведущих российских и зарубежных ученых. Раскопки и мероприятия по обеспечению сохранности памятников археологии хазарского времени возобновились по всему Югу России. В Самосделке объединились научные интересы сотрудников Института археологии, Государственного музея Востока, Государственного исторического музея, Института востоковедения, Института этнологии, МГУ, Волгоградского государственного университета. Самосделка стала местом, где возродились дух и традиции знаменитых экспедиций прошлого – Поволжской и Хорезмской.



Кульпиным». Но этого неугомонному почтальону показалось мало: он поехал через Царицын, Саратов и далее до Москвы и Петербурга. Весть об этом путешественнике газеты разнесли по всей России. Всемирный Почтовый Союз изготовил открытку, на которой был запечатлен «известный путешественник на велосипеде (астраханский газетчик Кульпин)».



*Éot à i àðé á i ðááðááéþòéíí úá*

*(1916-1917) á äü.*

Велосипедная эйфория захватывала в Астрахани всё новых и новых людей. Конечно, эти поклонники велосипеда в абсолютном большинстве были из состоятельных семей. Под свои запросы они предлагали правлению Общества не только планы мероприятий и действий, но и материальные средства. Кто-то подтвердил, что в столицах у велосипедных обществ имеются свои здания, циклодромы, залы, кабинеты – в общем, на высшем уровне. А что же мы?! Начался поиск места.

У купчихи Федоровой вблизи Паробичева бугра сторговали сад. Своими силами, да привлечением наемных специалистов, выкорчевали сухостойник, засыпали ямы, утрамбовали площадки, дорожки для обучающихся, засыпали аллеи. Выстроили павильон с башенками-шатрами и ротондами. На всех флагштоках – вымпелы российского триколора. Первые соревнования состоялись в мае 1894 года, прошли как городской праздник и еще больше подогрели интерес к велосипедному увлечению.

В начале нового века диапазон интересов Общества велосипедистов настолько расширился, что пришлось соединиться с предпринимателем Гуревичем, который взял на себя обязанность обеспечить собирающихся здесь людей развлекательными программами, а для этого несколько расширил существующий павильон и добавил новые помещения для цирковых, эстрадных и театрализованных представлений.

Обновленному месту для коммерциализации дела дано было романтическое название «Луна-парк», Гуревич стал совладельцем, а чуть позже и полным хозяином парка. Но с велосипедистами у него всегда сохранялись добрые отношения. А заведение обрело статус общегородского со значительным наплывом публики, отчего популяризация велоспорта получила дополнительный импульс.



*Астроханскіе велосипедисты, ідеі астраханскіх І. С. С. С. С.*

*1900-я гады.*

К 1904 году в Обществе велосипедистов-любителей существовала уже стройная система организации соревнований, обучения езде, собраний, членских взносов, чествований отличившихся спортсменов и т. п. Обществом руководил совет старейшин. В тот период его возглавлял Людвиг Матвеевич Буйко – неугомонный популяризатор здорового образа жизни. Доктор медицины, он был членом Городской думы, работал врачом в музыкальном училище, состоял членом правления Императорского русского общества спасения на водах, Общества вспомоществования бедным прихожанам римско-католической церкви. Командором единогласно был избран Иван Оттович Бредих – титулярный советник, помощник начальника почтово-телеграфной конторы. А вице-командором – всё тот же неугомонный Хаим Абрамович Гурни.

Традиции астраханских поклонников велосипеда долго сохранялись и в советское время. Было много известных в стране спортсменов, путешественников, популяризаторов этого вида спорта родом из Астрахани. Теперь многое осталось только в воспоминаниях, а жаль.

# ЕВРЕИ НА ПРОМЫСЛАХ

Волго-Каспийский рыбный бассейн с древних времен славился как богатством видов рыбы, так и ее огромными уловами. Какой только рыбы здесь не было! От царь-рыбы – осетра (являющейся, правда, некошерной) – до самых традиционных – сазана, судака и щуки.



В период наибольшего расцвета рыболовства, в XVIII–XX веках, практически всё население Астраханской губернии связано было с рыбной отраслью. Удобным сочетанием являлось наличие недалеко от рыбных промыслов, на озере Верхний Баскунчак, высококачественной поваренной соли, используемой для заготовки рыбной продукции.

Производство бочек для посола привело к открытию множества бондарных производств. На судостроительных верфях строились рыболовецкие суда различных типов: от простых бударок до огромных сейнеров, бороздящих Волгу и Каспий.

Все капиталы, как на дрожжах росшие в Астрахани в конце XIX – начале XX века, связаны были с рыбой. Рыбпромышленникам принадлежали самые богатые дома в городе. Были среди них и евреи. Наиболее крупные – И. Черняк, занимавшийся морским ловом и имевший собственные промыслы, Ландо, семья Сандлер. Основная же масса евреев была бедна и не могла иметь в городе, находящемся за чертой оседлости, ни собственных промыслов, ни домов.

Впервые евреи на рыбные промыслы стали привлекаться в начале 1890-х годов. До того они очень хорошо зарекомендовали себя на Дунайском рыбном бассейне. Привлечение энергичных и знающих рыбное дело людей (особенно умеющих организовать сбыт столь деликатной и скоропортящейся продукции) возникло не из любви к евреям. На промыслах они выполняли функции сортировщиков, уборщиков, посольщиков рыбы, а также приказчиков непосредственно в местах притонения. Здесь возникла проблема нахождения евреев вне города, так как действовали указы о якобы негативном воздействии евреев на местное население. В Астраханской губернии с конца XVIII века существовали целые села, где проживали «субботники» и геры. (Кстати, прямых доказательств о привлечении их к иудаизму самими евреями до настоящего времени нет.)

Попасть в уезды Астраханской губернии еврею было сложно. Вначале требовалось письменное разрешение Министерства внутренних дел, а позже – губернского правления. За каждое заявление взыскивался гербовый сбор.

В Астраханском областном государственном архиве хранятся толстые папки с прошениями как от самих евреев, так и от рыбопромышленников. Иногда промыслы оказывались в руках вдов, несовершеннолетних наследников, и положение могли спасти только люди, умеющие управлять рыбным производством. Сложно было вовремя организовать сбыт продукции: в то время еще не существовало способов замораживания ее в астраханскую жару, существовал только посол и охлаждение с помощью



К середине 1930-х годов роль евреев в Астраханском рыбном бассейне сошла на нет. Многие вовремя выехали из города, еще до массовых политических репрессий, и успешно работали в рыбодобывающей промышленности Сибири и Дальнего Востока.

*А. Асї аїї*

## ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОКТЯБРЯ

### 2 ОКТЯБРЯ



**80** *éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ* физикохимика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автор работ в области химической кинетики, обладателя Национальной научной медали США **Джона Росса** (Ross; р. 1926, Вена).

### 6 ОКТЯБРЯ



**100** *éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ* физика, члена Национальной АН США, профессора Университета Вашингтона, автора работ в области ядерной физики **Юджина Финберга** (Feenberg; 1906, Форт-Смит, США – 1977, Сент-Луис, США).

### 11 ОКТЯБРЯ



**90** *éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ* физика, члена Национальной АН США, профессора Рочестерского университета, участника создания американской атомной бомбы, организатора Международной конференции по физике высоких энергий («Рочестерской конференции»), автора работ в области физики частиц **Роберта Маршака** (Marshak; 1916, Нью-Йорк – 1992, Канкун, Мексика).

### 13 ОКТЯБРЯ



**60** *éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ* государственного деятеля, министра здравоохранения Великобритании **Эдвины Кюри Джонс** (Currie Jones; р. 1946, Ливерпуль).

## 15 ОКТЯБРЯ



100 лет со дня рождения экономиста-статистика, демографа, основателя и первого директора НИИ ЦСУ СССР, профессора МГУ, разработавшего принципы применения экономико-математических методов в социально-экономических исследованиях, впервые показавшего возможности и методы статистического измерения качества продукции, автора работ в области математической статистики, демографии **Арона Яковлевича Боярского** (1906–1985, Москва).



*70 ёаò ì ãíý ðíæääéý* канюиста, обладателя золотой олимпийской медали 1960 года **Леонида Григорьевича Гейштора** (р. 1936, Гомель).

## 16 ОКТЯБРЯ



*70 ёаò ì ãíý ðíæääéý* биофизика и генетика, члена Национальной АН Украины, основателя Всесоюзного НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ, профессора Университета Огайо и Университета Дж. Мейсона, автора работ в области влияния радиации на наследственность **Валерия Николаевича Соффера** (р. 1936, Горький).

## 17 ОКТЯБРЯ



*100 ёаò ì ãíý ðíæääéý* штангиста, обладателя золотой олимпийской медали 1928 года **Ганса Хааса** (Haas; 1906, Вена – 1973).

## 22 ОКТЯБРЯ



*90 ёаò ì ãíý ðíæääéý* психолога, профессора Коннектикутского университета, создавшего методику по определению локус-контроля, предложившего теорию социального научения (поведенческая теория личности), **Джулиана Роттера** (Rotter; р. 1916, Нью-Йорк).

## 27 ОКТЯБРЯ



**90 ёаò ì ãú ðæääéú** экономиста, члена Американской академии искусств и наук, профессора Калифорнийского и Гарвардского университетов и Массачусетского технологического института, автора работ в области применения линейного программирования в экономическом анализе, микроэкономической теории **Роберта Дорфмана** (Dorfman; 1916, Нью-Йорк – 2002, Бельмонт, США).



**110 ёаò ì ãú ðæääéú** писателя и драматурга, автора сценария кинофильмов «Два бойца», «Интервенция» и др. **Льва Исаевича Славина** (1896, Одесса – 1984, Москва).

3.Х 60 ЭДУАРД САГАЛАЕВ:

## «СЫН ПЕРЕСТРОЙКИ»

### РАЁЁАЁ

*Аi ó íαíðέóαα áúεí αααóυ ίíí ίúε - ίí μίααε εαδίαδó επεερ+εόαείίí áεααάαδύ ηεεά ηαααí οαδεόαα é ίαοαεαίίηδó ία ίαεόε+αηεε αμáα ίδγáείοεαείίηε αόδίαεεηδ ες óαεεαίόηεé αααóυ η íα ηαοóυ ίαίεí ες «αεαηόεόαεε áοí», δρεíαηεόαεαí εόυíáεεααí óαεεαίáεα - é ίαεόε á ηίαα ηεεú όεόε, εíαα ααí áαεí áúεí αεéíí+αί í.*



Эдуард Михайлович Сагалаев родился 3 октября 1946 года в городе Самарканде Узбекской ССР. В 1967 году окончил филологический факультет Самаркандского университета, а затем – Академию общественных наук при ЦК КПСС. Будучи студентом университета, начал работать на радио и в газете. Вырваться в Москву – для уроженца национальной республики, выросшего в сфере русской культуры, – был единственный шанс для полнокровной карьеры.



## ЖИЗНЬ В СЛОВЕ

### פֿאַעןבאַװם

Стоит открыть любой литературный справочник, и в нем обязательно найдется статья о знаменитом литературоведе, докторе филологических наук, профессоре Борисе Михайловиче Эйхенбауме, внуке знаменитого математика, поэта и деятеля Хаскалы Якова Эйхенбаума.



Борис Эйхенбаум родился 4 (16) октября 1886 года в семье воронежских врачей. После окончания гимназии в 1905-м он приехал в Петербург, надеясь получить, по семейной традиции, медицинское образование – много позже в своей автобиографии он обмолвился, что «литература в его жизни не была задумана». Однако судьба рассудила иначе: уже спустя два года была опубликована его первая работа «Пушкин-поэт и бунт 1825 года (Опыт психологического исследования)».

В столице выбор юноши пал на Военно-медицинскую академию, но спустя некоторое время она была закрыта, и Эйхенбаум продолжил обучение на биологическом факультете Вольной высшей школы Лесгафта. Параллельно он много занимался музыкой – роялем, скрипкой, вокалом. А два года спустя оставил идею стать врачом и подал документы сразу в два места – в Музыкальную школу Рапгофа и на историко-филологический факультет Петербургского университета. Наконец, в 1909 году выбор был сделан окончательно: Эйхенбаум решил полностью посвятить себя филологии.

После окончания университета Борис Михайлович занялся филологической – в основном критико-библиографической – работой. Его статьи и заметки печатались во многих периодических

изданиях, он вел обозрение иностранной литературы в газете «Русская молва». Эйхенбаум принимал деятельное участие в литературной жизни Петербурга: посещал заседания гумилевского «Цеха поэтов» и вечера футуристов, полемизировал в печати с Дмитрием Мережковским, вместе с философом Семеном Франком стремился реорганизовать литературный отдел журнала «Русская мысль». Спустя два года после окончания университета Борис Михайлович начал преподавать в гимназии Якова Гуревича. С 1917 года началось его сближение с «формалистами» – членами кружка ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка), в который он вступил в 1918-м. Чуть позже, продолжая работу над проблемами теории стиха, Эйхенбаум обратился также к поэтике прозы. Его первыми работами этого периода стали статьи о Льве Толстом, Лермонтове, Гоголе. Наиболее значительные из критических и историко-литературных работ, написанных в 1916–1922 годах, Эйхенбаум издал в сборнике «Сквозь литературу» (1924). Тогда же он опубликовал свой фундаментальный труд «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924). В 1928 году Эйхенбаум начал работу над книгой о Толстом – ставшей главным трудом знаменитого ученого, где больше внимания уделялось биографии писателя и историко-литературным аспектам, нежели теоретическим проблемам его творчества. Последний том этого труда был опубликован уже после смерти Бориса Михайловича.

Эйхенбаум пробовал себя и в роли писателя, однако его единственный художественный эксперимент «Маршрут в бессмертие» был встречен дружным молчанием критики, после чего ученый сосредоточился на текстологической работе – издании сочинений Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Толстого.

После войны – в годы репрессий, годы травли Ахматовой и Зощенко, «борьбы с космополитами», когда пострадали многие профессора ленинградских вузов, – Борис Михайлович искал забвения от мрачной действительности в дальнейшей работе над книгой о Льве Николаевиче Толстом. Труды Эйхенбаума в то время практически перестали издавать, он перенес тяжелую болезнь сердца, но тем не менее много работал.

В 1959 году он собирался писать книгу о текстологии и новую книгу о Лермонтове, но этим планам уже не суждено было осуществиться. Борис Михайлович Эйхенбаум умер 24 ноября 1959 года.

*Г е е т а е ѝ а е и ѝ е е ѝ а*

## 17.X 60 АДАМ МИХНИК:

### ДЕЯТЕЛЬ НОВОЙ ПОЛЬШИ

*À Ī ĩēũā ēi ŷ Àāāi à Ī ēōīēēā ēēāīōīī ēāēāīī ā ēōī ōīōŷ āū ĩāī ĩāā ēīōāāīīōīŷ ĩōā-āīōāīīē ēīōīēāē, ĩēēōēēīē ēēē ēēōāāōōōē. Īī - ĩīīōēŷōīūē ĩīŷō ē ĩēīāōāēīŷ ēōōīāēēīō, āēāīīūē āāāēōīō ēōīīāēōāīī āēāīīāīīā ĩā-āōīīā ēēāīēŷ ĩōāīū ē āēāīūē ĩāīāīōāīīūē āŷŷōāēī Ī ēōīēē ēī āāō ĩīāēāīōāīī āēēē-īūō ĩāāāā ē āāīī-āōīīā ēīēē-āīōāī ĩōēēā ā ĩāēāīōē ēēōāāōōōī, ēōōī āēēīōēēē ē ĩōāā-āēīāēā.*



Адам Михник родился 17 октября 1946 года в Варшаве. С раннего возраста начал интересоваться политикой и общественной жизнью страны, а когда ему было пятнадцать, вступил в подпольное неконформистское общество, и с этого момента началась деятельность человека, которого ныне Польша знает как одного из самых непримиримых противников коммунистического строя.

В 1976 году он был в числе основателей и главных идеологов Комитета защиты рабочих (KOR), а два года спустя организовал так называемые «передвижные университеты», которые преследовали две цели: сделать образование доступным для народа и беспрепятственно вести антикоммунистическую пропаганду. В 1980-х годах Адам Михник был консультантом в свободном торговом союзе «Солидарность».

Политические взгляды Михника и всё его поведение не встречали понимания властей: за подрывную деятельность, направленную против коммунистического режима, он провел в тюрьме в общей сложности шесть лет. Ему неоднократно предлагали перебраться на Запад – Америка и Европа были открыты для человека с его жизненной позицией, но раз за разом Михник отклонял эти заманчивые предложения.

После «бархатной революции» 1989 года в течение двух лет он был членом первого посткоммунистического парламента Польши. В том же году им была основана «Газета Выборча», которая на сегодняшний день является самой крупной ежедневной газетой страны, а Михник остается ее главным редактором. Он широко публиковался в известных периодических изданиях – Der Spiegel, Le Monde, El Pais, New York Review of Books, The Washington Post, кроме того, написал несколько книг: «Церковь и левые», «Польские диалоги», «Письма из тюрьмы», «Письма со свободы».

Адам Михник получил степень доктора honoris causa (почетное звание доктора, присуждаемое за особые заслуги) Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, Университета Миннесоты и Колледжа штата Коннектикут. В 1986 году он стал лауреатом премии Роберта Фитцджеральда Кеннеди в области прав человека, в 1989-м – премии Юрковского, а в 1999 году выиграл журналистский приз Франсиско Керкедо.

*Ī ēēīēāē Ī āēīī ēēīā*



го премьер-министром страны и преемником Бориса Ельцина стал Владимир Путин, собеседования с потенциальными членами нового кабинета проводил именно Абрамович.

У нас всегда было принято ругать людей, которые отличаются от остальных. Кандидатура Романа Абрамовича в этом отношении – одна из самых выгодных мишеней. Однако не стоит забывать, что во время его губернаторства Чукотка вышла на первое место в регионе и по объему ВВП, и по зарплатам, и по многим другим социальным показателям. В 2001 году в интервью газете The Washington Post Абрамович заявил, что передал из собственных средств восемнадцать миллионов долларов «на улучшение условий жизни жителей округа». А в 2000 году, вместе с Олегом Дерипаской и Александром Мамутом, Роман Аркадьевич основал Фонд содействия отечественной науке. За шесть лет своего существования этот фонд оказал материальную поддержку более чем тысяче двумстам российским ученым на сумму более семи миллионов долларов. Кроме того, он – один из крупнейших попечителей еврейской общины России, президент Московского еврейского общинного центра...

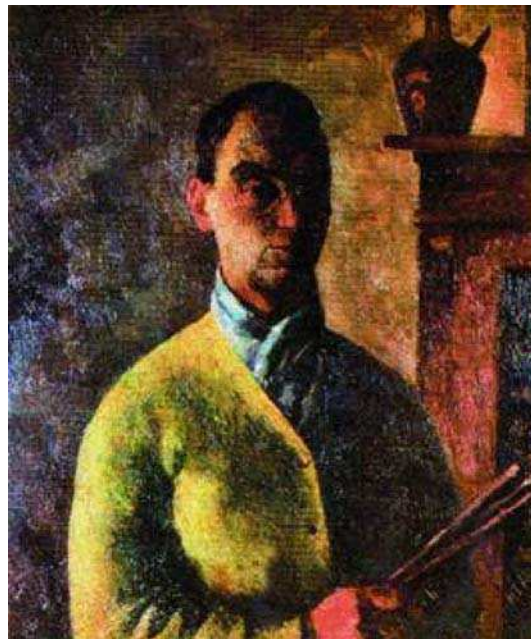
*Ī èèèèè Ī äüü èèèâ*

**27.X 120 РОБЕРТ ФАЛЬК:**

**«ЧЕЛОВЕК СЕЗАННОВСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»**

**ΡΑΕΕΕΑΕ**

*Εἰς Δίαδοα Δαοαεεῖταε:α Οαεεεα ἰδαεδαῖι εσαῖοῖι οαεοαεῖι  
αεαῖιεεε αῖ αῖαῖ ἰ εδα Αα εαδοεῖι αεῖπῶ α Οδαοῖεῖταεεε αεεαα, ἰ αῖ εῖεεῖοαῖ  
ἰαῖεῖαῖ ἰα ἰαεῖ αῖπῶῖε ἡαοαε ε ἰῖῖααοεε, α αῖεῖ αδαῖ γ, εἰαῖα ἡεοαοεγ  
ἡεεααῖαεεαῖι ἡοῖ:ἰῖῖοῖφ αῖ ἰαῖαῖοῖο...*



Роберт Фальк родился в Москве 15 (27) октября 1886 года в семье юриста. Живописью мальчик увлекся довольно рано, и отец, увидевший в нем задатки художника, постарался дать ему соответствующее образование: Роберт занимался в частных студиях живописи К. Ф. Юона и И. И. Машкова, а также в Училище живописи, ваяния и зодчества, где попал под особенное влияние творчества своих знаменитых педагогов – Валентина Серова и Константина Коровина.

Фальк был самым младшим членом знаменитого объединения «Бубновый валет», и хотя потом он состоял в рядах нескольких других объединений живописцев, самое сильное воздействие на него оказала эстетика «Бубнового валета». Уже в раннем творчестве художника нашел отображение его дар замечательного колориста, драматургия цвета преобладает и в кубистских его полотнах более позднего периода. Как и другие «валеты», Роберт Фальк не пошел дальше первой – «аналитической» – стадии кубизма, и к последующим, более радикальным авангардным направлениям в живописи относился критически. Он добивался выразительной объемности формы, писал угловатыми пятнами насыщенного цвета; главное в его лаконичных пейзажах и скупых, составленных из простейших вещей натюрмортах 1910-х годов – реалистичность, физическая, осязаемая полновесность каждого изображенного на холсте предмета. Подобно своим товарищам по кисти, он использовал для этого некоторые приемы «вывесочного» примитива, уплотняющие объем. За сильное влияние Поля Сезанна острый на язык критик Абрам Эфрос назвал Фалька «человеком сезанновской национальности».

В послереволюционные годы колорит Фалька достиг особой экспрессии, превратился в некое откровение – прекрасное и в то же время трагическое. Фальк одинаково успешно выступал в разных жанрах (портрет, пейзаж, натюрморт), а также как театральный художник: в Государственном еврейском театре он оформил два спектакля – «Ночь на Старом рынке» и «Путешествие Вениамина Ш».

Практически всю свою жизнь Фальк провел в Москве. Исключение составляют лишь парижский период (1928–1937 годы), когда он находился в длительной командировке «для изучения классического наследия», и три года эвакуации в Башкирии и Средней Азии: 1941–1943. С годами живопись Фалька становилась сложнее и тоньше, эмоциональное напряжение в портрете передавалось не только посредством кубистской техники, а демонстративная «вывесочность» ранних произведений мало-помалу уходила в прошлое. Поверхность его холстов позднего периода мягко вибрирует сложным, едва ли не подвижным цветом.

Вернувшись из Парижа в Москву в начале 1938 года, Фальк попал совсем не в ту художественную атмосферу, какую покинул. Без него здесь прошли кампании борьбы с тем, что стали называть «формализмом», отразившиеся на многих близких ему художниках. В сформированное столь сильным нажимом советское искусство конца 1930-х годов утонченная живопись Фалька вписывалась плохо.

А в послевоенные годы, фактически отторгнутый официальным искусством, он продолжал работать в своей мансарде в центре Москвы, писал строгие, сосредоточенные портреты и натюрморты – почти пустые, с немногими погруженными в сумрачное пространство предметами: они заставляют вглядываться в этот сумрак, вслушиваться в него, как в тихую и чистую музыкальную тему... В эти годы имя Фалька, лишенного возможности участвовать в выставках и практически не знакомого уже зрителям, окружено своего рода легендой о тайно творимой высокой и чистой живописи. К 1950-м годам его созерцательно-камерное искусство окончательно обнаруживает свою полную несовместимость с канонами соцреализма. В поздние годы мастер становится, по сути, одним из предтеч «неофициального искусства» и вдохновителем тихой художественной оппозиции. «Вечера у Фалька» вписались в летопись «оттепельной» Москвы немаловажной строкой.

1 октября 1956 года художник умер, немного не дожив до своего семидесятилетия.

*Г е е г е а е Г а ю ю е е г а*



обо всем, от джаза и фольклора до классической музыки, – а также с различными российскими балетными труппами.

Друзья Анатолия Агамирова знали его как блестящего, остроумного рассказчика, как мужественного человека и, безусловно, как целую эпоху в истории отечественной культуры. «Он был одним из величайших музыкальных критиков нашего века» – так оценивают Анатолия Суреновича те, кто знал его и восхищался его талантом. В последний путь Агамирова провожали не только люди, знавшие его лично, но и те, кто многие годы знал его по великолепным радиопрограммам. Сам Анатолий Суренович, между прочим, не раз повторял: «Если я где-то чувствую себя спокойно и уверенно, так это около микрофона».

*Анатолий Суренович*

## МАКСИМ ШАПИР: ИЗ ПЛЕЯДЫ ВЕЛИКИХ

### Ī ĀĒDĪ ĒĪĀ

*З а а а н о а , о д а о і а а а е у і а а і а е а а і м о д е а : а о і о д а о е а о , і о і а а а : і і а і д е н о о і а н е і і : а е н у о е е і е і а Ī а е і е і Ē e u e : O a i e d . Ī a e i - a a a a e i m a і o a a e y e e a a і o : e a i n o a a ā Ā e a a i e e і a o e , a e y e i o i o e o d a i i і d a a n o a a e o u a і e a i a i n o i e i i a e і d a i e : і і a a a y o a e y . A a і o e o e a e u u a ç a i e y e a e a e i u a і a o : і u a a i n o e a a i e y - a i e o i d o e e i e i a e : a i e o і a o e , a e a a i u e і a o : і u e m o d a i e e Ē i n d e o o a і e d i a i e e e e u o o d u Ī Ā O , a a o u e e і a o : і u e m o d a i e e Ē i n d e o o a y a i e i ç a i e y D A Ī , і m i a a o a e u e a e a a i u e d a a e o i d a e o d i a e a d i i e i e e o a i d a o e : a i e i e o e e i e i a e «Philologica», a a o i d i e i e i 200 і a o : і u o d a a i o - і a e i n : a d i u a a p o ç i a : a i e y j o i e o e a i d u .*



Если уход из мира воистину героической личности Шапира не навеет, быть может, печали на людей, не знавших его лично, то объективная потеря вследствие незаконченности его трудов тронет скорбью сердца знающих цену филологическим достижениям. Сфера интересов М. И. Шапира была чрезвычайно широка: история и теория науки, семиотика, лингвопоэтика, текстология, история русского литературного языка. Последние десять лет он посвятил себя стиховедению. Осознание этой потери станет еще глубже при мысли о том, сколько он не успел сделать. Но не это главное.

Есть такие редкие люди, которые воплощают в себе самую суть, самый смысл избранной ими деятельности. Максим Ильич был воплощением филологии.

Смело можно сказать, что он принадлежал к той плеяде российских евреев, которые составили славу русской и мировой филологии. Трое из них – Роман Jakobson, Григорий Винокур, Борис Ярхо – стали героями его многолетних размышлений и публикаций. За несколько месяцев до смерти Шапира из печати вышел 900-страничный том никогда не издававшихся работ Б. Ярхо, который готовился последние десять лет и на треть состоит из комментариев и указателей, написанных Шапиром и его учениками.

Как многие крупные ученые, Шапир был агностиком. На все религиозные традиции он смотрел отстраненно, хотя знал их и относил религию – наряду с искусством и наукой – к числу областей духовной культуры. Это вовсе не значит, что Шапир был высокотехническим позитивистом, и не более того. От плотной фактуры он умел восходить в духовные высоты. Так, критически проанализировав проблему разграничения стиха и прозы – одну из основных в филологии ушедшего столетия, он сделал поразительный вывод: «Помимо времени, стих моделирует вечность или то, что под ней подразумевается. Как категория мира физического вечность нам не дана, и вполне вероятно, что она всего лишь плод воображения, интеллектуальный конструкт. Однако в стихе поэтическая вечность становится не меньшей реальностью, нежели поэтическое время ...»

Нельзя было не видеть, как сквозь него, сквозь его деятельность буквально проходят токи еврейства. С одной стороны, он настаивал на том, что «в изданиях академического типа орфографию и пунктуацию оригинала нужно сохранять в неприкосновенности», поскольку их изменения в конечном счете влекут смысловые искажения. С другой – в научных текстах требовал терминологической точности, логической непротиворечивости, полноты ссылок, объясняя эту необходимость «неполнотой и относительностью знания, обреченного иметь коллективный характер: исследовательские труды – как правило, фрагменты общей “постройки”, и недостающие части конструкции восполняются ссылками на коллег». В соблюдении правил научного языка он видел основу научной этики. «Нарушение нормы может быть исправлено, отказ от нормы непоправим», – писал он о современном состоянии гуманитарных наук. «Талмудист без Талмуда» – так проникательно охарактеризовал Шапира художник Андрей Бондаренко, который оформлял обложку журнала «Philologica».

Незаурядная личность, М. И. Шапир обладал непростым характером. Он был щедрый и страстный человек. Он ревниво относился к науке и был нетерпим ко всему, что рассматривал как посягательство на ее чистоту. Ныне Максим Ильич Шапир отошел в Вечность. И остаются лишь его труды и память о великом ученом, современниками которого нам довелось быть.

*Î èöàëë Äçááí èí*

## ИЗ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ÂÎÇÂÐÀÛÂÑÛÊÎÎÏ×ÀÒÀÎÎÎÓ

\* \* \*

В рецензии Л. Кациса на 3-й выпуск альманаха «Иерусалимский библиофил» (Лехаим, 2006, № 9) автор допустил ряд некорректных выпадов в мой адрес, поставив под сомнение мою репутацию специалиста и человека. Не дав себе труда вникнуть в содержание моей статьи и определить ее жанр, Л. Кацис, видимо, принял мои мемуары исследователя творчества И. Бабеля то ли за библиографический обзор, то ли за итоговую историко-литературную статью.

Благожелательно отзываясь о работах авторов более чем 500-страничного тома, он резко меняет тон и стиль, когда доходит до моей. Тут в его голосе начинают звучать прокурорские нотки: «Неточности, впрочем, бывают у всех. Но когда в библиофильском альманахе встречаешься с сознательной фальсификацией, к сожалению, пропущенной редакторами, становится не по себе».

Что же я «фальсифицирую»? Никаких аргументов в доказательство этого обвинения Кацис не приводит. Зато дает волю своему неспровоцированному раздражению и неумной фантазии. Выпады в мой адрес сводятся к следующему.

1. «Создается впечатление, что, сменив место жительства, бывший саратовский филолог С. Левин в статье о Бабеле деспоривает какие-то старые споры, доставшиеся ему еще с российских времен». Я же оспариваю некоторые неверные суждения, появившиеся в израильской прессе недавно, вроде того, что Бабель якобы «до самого ареста был преданным коммунистом, писал о Конной армии в Гражданской войне, в общем-то поддерживал политику партии, и не осталось свидетельств, что он кого-то рассердил своими произведениями» (Лит. приложение к газете «Маарив» от 4. 06. 1999).

2. В описании двухтомника Бабеля (М., 1990) мной не указано, что автором предисловия к нему является Г. А. Белая: на взгляд Кациса, это неслучайно. Спешу успокоить рецензента: это отнюдь не «неизвестная С. Левину Г. А. Белая», а отношение мое к ней не «любое», а самое уважительное. Ее исследования советской прозы 20-х годов были основополагающими в моей работе над кандидатской диссертацией, посвященной главным образом Бабелю, на автореферат которой Г. А. прислала положительный отзыв. Мне довелось и переписываться с ней. В упоминании же ее вступительной статьи к двухтомнику в моих мемуарах не было необходимости, а встречаться лично с Г. А. мне, к сожалению, не пришлось. Но из этого, казалось бы, малозначащего факта «неистовый» рецензент делает далеко идущие выводы о якобы злонамеренности автора альманашной статьи, заявляя: «Случайный ли пропуск перед нами? К великому сожалению, нет, нет и нет. И видно это невооруженным глазом».

Далее идет перечень этих злонамеренностей. Вот один из примеров: «Приведа в своей статье цитату из знаменитой речи И. Эренбурга на вечере памяти И. Бабеля в 1964 году, С. Левин уверенно сообщает, что “выступление Эренбурга полностью не было опубликовано”, между тем как эту речь опубликовал в журнале “Литературное обозрение” № 1 за 1995 год профессор Безр-Шевского университета Э. Зихер».

Но ведь это явное передегеривание. В статье я пишу о том, что тогда (в 1964 г.) «эти взволнованные слова (Эренбурга) <...> увы, не вышли за пределы аудитории ЦДЛ, так как это выступление <...> полностью не было опубликовано». И это называется «фальсификацией»? Где тут логика?

В сущности, все обвинения Л. Кациса в мой адрес исчерпываются такого рода «неназваниями», «неупоминаниями» и подозрениями в якобы недобром отношении к видным бабелеведам. И, решив наказать меня, «внимательный» рецензент предложил почему-то исключить из альманаха с. 28–38 со статьей гл. ред. издания Л. Юниверга о книгоиздательстве Иосифе Кнебеле...

«Разумеется, – заключает Л. Кацис, – можно было бы пройти мимо “ложки дегтя в бочке меда” 3-го “Иерусалимского библиофила”, но по еврейскому закону даже прикосновение к некошерному делает трепным всю массу».

Оставим на совести автора последнее утверждение – человек, носящий кипу, всё-таки должен знать законы кашруса. А вот такие понятия, как лашон ара (дурной язык, злоречие) или, что еще хуже, моци шем ра (распространение злостной лжи), вероятно, рецензенту знакомы...

*N. Éààéí,*

*Èçðñèüü*

\* \* \*

Прочитав отзыв С. Левина на мою рецензию, могу сказать, что мнение о его статье в «Иерусалимском библиофиле» (вып. 3) у меня осталось прежним. Поясню свою позицию.

1. Сначала о приятном. Я рад, что С. Левин вспомнил о роли Г. Белой даже в его собственных исследованиях Бабея, не говоря уже о ее роли в воссоздании истинного облика Бабея в русской литературе. Лишь после нашей статьи (лучше поздно, чем никогда) вспомнил он и о положительном отзыве Г. А. Белой на свою диссертацию.

Ведь я ни на минуту не сомневался, что имя и работы Г. Белой С. Левину известны.

2. Теперь о неприятном. С. Левин указывает, что «в упоминании ее вступительной статьи к двухтомнику в моих мемуарах не было необходимости». И это вновь говорится в отношении библиографических сведений о книге в библиофильском издании! Заметим: в рассказах о других книгах Бабея С. Левин тщательно описывает издания, указывая авторов предисловий и т. д. No comments.

3. В профессиональном или библиофильском издании при цитировании речи И. Эренбурга в любом случае необходимо указывать, где и когда этот текст опубликован.

4. Фальсифицирован в мемуарах С. Левина, между прочим, сам образ мемуариста – специалиста-филолога, знатока и т. д. Ведь все указания на упущения в его статье, сделанные в «Лехаиме», он принял. Только лишь вновь настаивает на своем «праве на незнание»... И, наконец, о главном: библиофильство – это любовь к книге, а не к самому себе, любимому.

*N óààçáí èáì, È. Èàöèü*